

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР,
ПРОКУРАТУРЫ СССР И ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

31-й ГОД
ИЗДАНИЯ

№ 8

АВГУСТ
1954

БОЕВАЯ ПРОГРАММА ДЕЙСТВИЙ

Июньский Пленум ЦК КПСС подвел первые итоги борьбы за выполнение решений сентябрьского и февральско-мартовского Пленумов ЦК КПСС и определил самые насущные и неотложные задачи по дальнейшему подъему всех отраслей сельского хозяйства. В решениях Пленума ярко выражена забота партии о создании обилия продуктов сельского хозяйства, об улучшении благосостояния советских людей.

Пленум ЦК КПСС рассмотрел вопрос об итогах весеннего сева, уходе за посевами, о подготовке к уборке урожая и обеспечении выполнения плана заготовок сельскохозяйственных продуктов.

Решение Пленума ЦК КПСС — боевая программа действий. Пленум обязал партийные, советские и сельскохозяйственные органы обеспечить своевременный и высококачественный уход за посевами, организованное проведение уборки урожая без потерь и своевременное выполнение государственного плана заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов. Пленум обратил внимание на недопустимость повторения ошибок и недостатков, имевших место при проведении уборки урожая в 1953 году, и потребовал решительно покончить с беспечным отношением к потерям зерна при уборке.

Пленум ЦК КПСС обратил особое внимание партийных организаций, советских и сельскохозяйственных органов на необходимость дальнейшего значительного улучшения работы машинно-тракторных станций, устранения недостатков в использовании тракторов и сельскохозяйственных машин, решительного повышения производительности машинно-тракторного парка и выполнения всеми МТС договорных обязательств с колхозами по срокам, видам и качеству работ в полеводстве и животноводстве.

Пленум ЦК КПСС считает, говорится в постановлении, что одним из решающих условий успешного проведения работ по уходу за посевами, сеноуборки, уборки урожая сельскохозяйственных культур и заготовок зерна и других продуктов является всемерное повышение трудовой активности колхозников, укрепление трудовой дисциплины и повышение производительности труда в колхозах. Между тем в ряде областей партийные, советские и сельскохозяйственные органы не уделяют должного внимания организационно-хозяйственному укреплению колхозов и повышению трудовой дисциплины колхозников.

Для обеспечения успешной подготовки колхозов, МТС и совхозов к уборке урожая и для подготовки материально-технических средств к уборке на местах в соответствии с решениями Пленума ЦК КПСС проводятся проверки готовности каждого колхоза, совхоза и МТС к уборочным работам и к государственным заготовкам сельскохозяйственных продуктов. Опыт прошлых лет показывает, что в некоторых случаях в процессе произведенных проверок вскрывались существенные ошибки и недостатки, однако должных мер к их фактическому устранению не принималось. Более того, случалось и так, что по итогам проверок составлялись многословные акты, в которых довольно подробно излагались вскрытые неполадки, но дальше этого дело не шло. Акты даже не обсуждались. Предложения оставались на бумаге. Не устанавливался контроль районных организаций за улучшением положения в колхозах, совхозах и МТС. Подобное положение нетерпимо.

В соответствии с решениями Пленума ЦК КПСС с первых дней уборки должен быть установлен строгий контроль за качеством уборочных работ с тем, чтобы не допустить потерь урожая. В колхозах и совхозах должна проводиться обязательная ежедневная приемка убранных площадей. Должен быть организован тщательный учет зерна, поступающего от комбайнов и молотилок; взвешивание хлеба должно производиться на току при вывозке на заготовительные пункты и при сдаче в амбары.

В колхозах и совхозах должны быть подготовлены навесы для временного хранения и очистки зерна, построены крытые тока, особенно в колхозах и совхозах увлажненных районов. Тока должны быть оборудованы необходимыми зерноочистительными машинами, весами, погрузочными и другими машинами для очистки зерна, а в увлажненных районах — зерносушилками.

Пленум ЦК КПСС обязал соответствующие органы обеспечить максимальную механизацию всех процессов работ по очистке, просушке и погрузке зерна.

Первостепенное значение для страны, для неуклонного подъема благосостояния народа имеет успешное выполнение государственных планов заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов. Июньский Пленум ЦК КПСС обязал партийные, советские, сельскохозяйственные и заготовительные организации улучшить руководство делом заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов, обеспечив укрепление государственной и заготовительной дисциплины, повысить требовательность к руководителям партийных, советских, сельскохозяйственных и заготовительных органов за выполнение колхозами, совхозами и индивидуальными сдатчиками всех обязательств перед государством.

Проводимые партией и правительством меры по ликвидации грубых нарушений погектарного принципа исчисления обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов и серьезных ошибок в планировании заготовок, увеличение государственных закупок сельскохозяйственных продуктов по повышенным закупочным ценам и другие меры материальной заинтересованности колхозов и колхозников в развитии сельскохозяйственного производства создали благоприятные условия для значительного увеличения в текущем году размеров заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов и успешного их проведения.

В постановлении июньского Пленума отмечается, что закупки продуктов животноводства проводятся плохо, со многими колхозами не заключены договоры на продажу государству молока, мяса, шерсти, а во многих районах колхозы не имеют возможности за проданные продукты приобрести в кооперации необходимые им промышленные товары из-за

несвоевременного завоза их. Центросоюз и его местные органы плохо справляются с возложенными на них задачами по встречной продаже колхозам промышленных товаров, не пресекают многочисленных фактов разбазаривания и использования не по назначению выделенных товаров и кормов. Не вели должной борьбы с этими нарушениями и органы прокуратуры. Интересы государства требуют немедленного устранения этого недопустимого положения, требуют более действенного и решительного реагирования прокуратуры на сигналы и на другие данные, показывающие невыполнение директив партии и правительства по закупкам сельскохозяйственных продуктов.

В решениях июньского Пленума ЦК КПСС содержится ряд очень важных положений в области заготовок сельскохозяйственных продуктов. Судебные и прокурорские работники должны глубоко изучить эти указания партии, имеющие исключительное значение для их практической деятельности.

Пленум установил, что планы заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов по республикам, краям, областям и районам считаются выполненными при условии выполнения планов заготовок и государственных закупок вместе взятых.

Заготовительные организации имеют право производить государственные закупки хлеба из урожая 1954 года у колхозов, выполнивших свои обязательства по поставкам зерна, натуроплате за работы МТС по врученным счетам и возврату ссуд, независимо от выполнения государственного плана хлебозаготовок в целом по району, области, краю и республике.

Местные органы должны довести до колхозов постоянные погектарные нормы обязательных поставок зерна и маслосемян государству и твердые ставки натуроплаты за работы МТС. Местным органам запрещено доводить до колхозов задания по сдаче зерна и семян масличных культур государству, превышающие обязательства колхозов, исчисленные по установленным погектарным нормам обязательных поставок, а также по врученным счетам за работы МТС.

От обязательных поставок государству зерна освобождаются начиная с урожая 1954 года хозяйства колхозников, рабочих, служащих, членов рыболовецких и промысловых артелей. На директоров машинно-тракторных и специализированных станций возложена персональная ответственность перед государством за правильное и своевременное начисление натуральной оплаты за произведенные машинно-тракторными и специализированными станциями работы, вручение счетов колхозам в установленный срок и сдачу колхозами зерна и других сельскохозяйственных продуктов, причитающихся с них в порядке натуральной оплаты по врученным счетам, а на районных уполномоченных Министерства заготовок возложена ответственность за полное поступление натуроплаты наравне с выполнением обязательств по поставкам государству сельскохозяйственных продуктов.

В соответствии с решениями июньского Пленума ЦК КПСС с колхозов, хозяйств колхозников и других индивидуальных сдатчиков списывается вся числящаяся за ними задолженность по обязательным поставкам зерна и натуроплате за работы МТС. Отменяется взыскание со всех помольцев гарцевого сбора (натурой) за помол и переработку зерновых, зернобобовых, крупяных и масличных культур и риса на всех государственных, колхозных и кооперативных мельницах. Помол и переработка на мельницах будет производиться за денежную плату.

В свете решений сентябрьского, февральско-мартовского и июньского Пленумов ЦК КПСС органы прокуратуры призваны свойственными им

методами и формами работы обеспечить надзор за исполнением законов об укреплении трудовой дисциплины, охране труда и технике безопасности в колхозах, совхозах и МТС. Одной из важнейших задач прокуратуры является борьба с нарушениями принципа материальной заинтересованности колхозов, колхозников и механизаторов сельского хозяйства в развитии сельскохозяйственного производства.

Необходимо вести также борьбу с авариями машин и преступным отношением к сохранности сельскохозяйственной техники.

Исключительно ответственные задачи ложатся на судебные органы, обязанные, в частности, разрешать споры, возникающие при выполнении договоров государственной закупки. Каждое судебное решение по делу должно явиться важным актом, направленным на укрепление заготовительной дисциплины.

В решениях июньского Пленума ЦК КПСС особое значение придается массово-политической работе в колхозах, совхозах и МТС. Вся массово-политическая работа, говорится в постановлении Пленума, должна проводиться там, где решается успех уборки урожая. Сюда должны быть направлены лучшие агитаторы из числа партийного, советского, комсомольского, профсоюзного актива, сельской интеллигенции, передовиков колхозов, МТС и совхозов.

Судебные и прокурорские работники тоже должны принять активное участие в этой массово-политической работе, должны шире развернуть пропаганду советских законов, мобилизуя внимание колхозников, рабочих и служащих на всемерную охрану социалистической собственности, на бережное отношение к сельскохозяйственной технике, составляющей огромное народное достояние, на дальнейшее укрепление трудовой дисциплины в колхозах, совхозах и МТС, на своевременную и высококачественную уборку урожая и обеспечение выполнения плана заготовок сельскохозяйственных продуктов.

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ

И. Сапожников

Всякое действие или бездействие, являющееся согласно ст. 6 УК РСФСР преступлением, наказуемо лишь в том случае, когда виновные лица: а) действовали умышленно, т. е. предвидели общественно-опасный характер последствий своих действий, желали этих последствий или сознательно допускали их наступление, и б) действовали неосторожно, т. е. не предвидели последствий своих поступков, хотя и должны были предвидеть их, или легкомысленно надеялись предотвратить такие последствия. Таким образом, только индивидуальная вина в той или иной форме может служить основанием для уголовной ответственности лица, совершившего преступление.

В определениях Верховного суда СССР содержится неуклонное требование, чтобы суды при рассмотрении дел тщательно исследовали фактические обстоятельства и на основе оценки доказательств в их совокупности правильно устанавливали наличие вины в действиях подсудимых. Такая линия последовательно проводится Верховным судом СССР при пересмотре дел в порядке надзора.

Большой интерес с этой точки зрения представляют постановления Пленума и определения Судебной коллегии Верховного суда СССР по делам о хищениях социалистической собственности.

Уголовная ответственность за хищение государственного или общественного имущества предполагает наличие у виновного прямого умысла. Поведение преступника, совершающего хищение, характеризуется следующими обстоятельствами: он сознает, что посягает на социалистическую собственность, что его действия направлены на хищение социалистической собственности; он желает этого хищения и принимает все зависящие от него меры к совершению хищения. Если нет этих обстоятельств, нет и умысла, а следовательно, не может быть и ответственности по указу от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Такое требование в ряде случаев судами не учитывается. Яркой иллюстрацией к сказанному могут служить дела о крупных недостатках товарно-материальных ценностей, денежных средств и другого имущества, находящегося под ответственным хранением у должностных лиц.

Недостача может явиться следствием различных причин — хищения, порчи, повышенной естественной убыли из-за неблагоприятных условий хранения, путаницы в учете, просчета и т. п. Один факт недостачи, как бы велики ни были ее размеры, еще не может служить основанием для обвинения должностного лица в хищении, присвоении или растрате материальных ценностей. Именно в силу этого для органов расследования дела о недостатках всегда представляют определенную трудность. Задача установления причин недостачи, во всей остроте встающая перед следователем и позднее перед судом, требует от них инициативы, настойчивости и упорства в установлении по такого рода делам состава преступления и в особенности его субъективной стороны.

Как показывает практика, следственные органы и суды не всегда устанавливают причины недостачи, следовательно, и субъективную сторону состава преступления, и в то же время квалифицируют действия материально-ответственных лиц по указу от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» при отсутствии достаточных данных, которые могли бы указывать на умысел виновного.

Народный суд 2-го участка Исфаринского района Ленинабадской области признал виновным и осудил за хищение государственного имущества Авраменко. В приговоре указано, что Авраменко, работая заведующим складом орса треста «Таджикуголь», занимался хищением товаров, в результате чего по складу образовалась недостача на 25 238 руб. Между тем из дела усматривалось, что недостача товаров образовалась у Авраменко вследствие их порчи. Авраменко не составлял актов на испорченные товары, и поэтому бухгалтерия не произвела соответствующего списания с его подотчета. Это обстоятельство подтверждено показаниями свидетелей и актом ревизии. При отсутствии данных, которые изобличали бы Авраменко в хищении товаров, его действия могли быть квалифицированы лишь как халатность. По этим основаниям Верховный суд СССР переквалифицировал преступление Авраменко на ст. 135, ч. 1, УК Таджикской ССР¹.

Иногда при недостачах подотчетных сумм должностные лица объясняют, что деньги ими израсходованы на хозяйственные нужды, однако оправдательных документов у них нет. В подобных случаях следственные органы и суд должны тщательно исследовать, соответствуют ли действительности объяснения подсудимых, ибо один только факт отсутствия оправдательных документов не может еще служить доказательством того, что деньги присвоены.

Верховный суд СССР отменил приговор по делу Мартынова, обвинявшегося в хищении государственных средств, именно потому, что суд не исследовал, похищена ли подсудимым инкриминируемая сумма или она была израсходована на производственные нужды, как утверждал в показаниях Мартынов².

По делу Розова, Тоболева и других Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР указала, что отсутствие оправдательных документов о произведенных расходах само по себе не может служить доказательством хищения денежных средств³.

Из определений Верховного суда СССР следует сделать вывод, что недостача вверенного должностному лицу имущества или денежных средств дает основание для обвинения его в хищении, присвоении или растрате в том случае, если по делу установлено, что недостающее имущество, денежные средства или другие ценности незаконно обращены должностным лицом в свою собственность или из корыстной заинтересованности переданы в собственность других лиц.

Иногда материально-ответственные лица пытаются скрыть образовавшуюся у них недостачу выпиской бестоварной накладной. На этом основании следственные органы и нередко суды приходят к выводу о виновности этих материально-ответственных лиц в хищении товаров и применяют соответствующую квалификацию преступления, забывая, что умысел в подобных случаях был направлен на сокрытие недостачи, а не на хищение. Для того чтобы инкриминировать хищение, необходимо

¹ См. «Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 1, стр. 21.

² См. «Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 5, стр. 10.

³ См. «Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 3, стр. 1.

установить, что причиной недостачи было присвоение, растрата или иное хищение товаро-материальных ценностей. На практике бывают случаи, когда в результате какого-либо умышленного преступления, непосредственно не связанного с хищением государственного или общественного имущества (например, подлог), виновное лицо получает ту или иную материальную выгоду за счет государства или общественной организации. В подобных случаях суд обязан поставить перед собой и разрешить вопрос, на что был направлен умысел подсудимого.

Народный суд Душетского района Грузинской ССР осудил по ст. 126, ч. 1, УК Грузинской ССР (служебный подлог) и по ст. 1 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» Чергадзе за то, что он, работая директором Болчарской сельской школы, совершил подлог в справке, выданной ему заочным педагогическим институтом имени Пушкина, где он числился студентом 1-го курса. Указав, что он студент 4-го курса, и обманув тем самым органы просвещения, он добился оставления его в должности директора школы, хотя согласно положению он как студент 1-го курса не мог оставаться на этой должности и получать более высокую заработную плату против той, которую он мог бы получать, занимая должность педагога младших классов. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, проанализировав материалы дела, пришла к выводу, что подлог, который совершил Чергадзе, внося исправление в справку, неправильно квалифицирован как служебный подлог, так как это действие Чергадзе не связано с его служебной деятельностью и могло быть совершено любым лицом. Поэтому подделка документа подлежит квалификации по ст. 71, ч. 1, УК Грузинской ССР. Равным образом суд неправильно применил к Чергадзе указ от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Как видно из дела, а также из приговора суда, непосредственный умысел Чергадзе при представлении подложной справки был направлен на то, чтобы остаться в должности директора школы, а не на получение разницы в заработной плате. Занимая же должность директора, Чергадзе не мог не получать разницы, которая ему полагалась как директору школы¹.

В некоторых случаях обвиняемые, совершая подлог, не сознают, что содействуют этим расхитителю социалистической собственности в осуществлении преступной деятельности,—и поскольку преступный результат не охватывается их умыслом, они несут ответственность только за подлог.

Верховным судом СССР были внесены существенные изменения в приговор по делу Макарова, осужденного Верховным судом Азербайджанской ССР по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. за то, что он, работая в «Ремстройтресте» № 8 техником, составлял фиктивные наряды, а также завышал в нарядах объем работы и расценки. Поскольку из дела усматривалось, что Макаров, совершая эти действия, не знал, что его непосредственный начальник инженер Тарханов (осужден за хищение) использует наряды не для выплаты заработной платы рабочим, занятым на других объектах (как он объяснил Макарову), а для хищения государственных средств, Верховный суд СССР переквалифицировал преступление Макарова на ст. 155, ч. 2, УК Азербайджанской ССР (служебный подлог без корыстных мотивов)².

Общий вывод таков: если при подделке документов умысел виновного не был непосредственно направлен на незаконное получение или присвоение государственных или общественных средств, имущества или

¹ См. «Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 5, стр. 18.

² См. «Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 7, стр. 12.

других ценностей, то такие действия не могут рассматриваться как хищение, и виновный несет ответственность только за подделку.

На практике встречаются и другие формы обмана государственных организаций, которые не связаны с непосредственным изъятием имущества или денежных средств организаций и не могут в силу этого рассматриваться как хищение, хотя и причинили государству имущественный ущерб.

При рассмотрении в порядке надзора дела по обвинению Губко, осужденной по ст. 105, п. «а», УК Белорусской ССР (ст. 72 УК РСФСР), ст. 22 УК Белорусской ССР и ст. 2 указа от 4 июня 1947 г., Верховный суд СССР признал, что преступление Губко неправильно квалифицировано как покушение на хищение. Поскольку Губко путем представления фиктивных документов пыталась получить в конторе «Заготзерно» квитанции о сдаче ее отцом и другими гражданами зерна на счет государственных поставок и таким образом освободить их от обязанности выполнить поставки, ее действия должны рассматриваться как покушение на мошенничество, а не как покушение на хищение, ибо ее умысел не был направлен на хищение государственного имущества¹.

На основании практики Верховного суда СССР следует сделать вывод, что обман государственной и общественной организации без умысла на присвоение или на иное преступное изъятие государственного или общественного имущества должен квалифицироваться как мошенничество, а не как хищение. Такие указания содержатся в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 28 мая 1954 г., которое, являясь обобщением судебной практики, юридически правильно отражает субъективную сторону преступления по такого рода делам. Правильная оценка судом характера действий подсудимого и субъективной стороны состава преступления является важнейшим условием для квалификации преступления и вообще для решения вопроса о наличии состава преступления в действиях подсудимого.

Характерно определение Верховного суда СССР по делу Ионина, осужденного народным судом 1-го участка Галля-Аральского района (Узбекская ССР) по ст. 1 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» за то, что он, работая производителем работ строительства, похитил два рулона толя, одну дверь и два листа оконного стекла и продал затем указанные материалы Бекмурзаеву. Между тем утверждение суда о том, что виновность Ионина доказана материалами дела, не соответствовало действительности. Из дела видно, что толь, дверь и стекло были выданы Ионину для личных нужд в счет заработной платы на основании письменной резолюции начальника строительства. В дальнейшем, когда Ионин продал указанные материалы, начальник строительства объявил ему в приказе строгий выговор и предложил бухгалтерии удержать с него стоимость отпущенного материала по рыночной цене, сообщив о действиях Ионина прокуратуре для привлечения его к уголовной ответственности. Таким образом, ни по объективным, ни тем более по субъективным свойствам действия Ионина не могли рассматриваться как преступление вообще, в частности как хищение государственного имущества. Верховный суд СССР отменил приговор народного суда по делу Ионина и за отсутствием в его действиях состава преступления дело в уголовном порядке прекратил².

¹ «Социалистическая законность» 1953 г. № 1, стр. 89.

² «Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 8, стр. 3.

Примером того как в результате неправильной оценки характера преступных действий осужденного суд применил неправильную квалификацию преступления, может послужить определение окружного суда железнодорожного транспорта Юго-Западного округа по делу Дацко и Колодия. Линейный суд Львовской ж. д. признал виновными Дацко и Колодия в том, что они, работая первый — дорожным мастером 7-го околотка 1-й дистанции службы пути Львовской ж. д., второй — бригадиром того же околотка, злоупотребляли служебным положением и занимались присвоением государственных средств, а именно: Дацко незаконно заключил трудовое соглашение с известковым и гипсовым заводами на производство ремонта подъездных путей заводов, причем в обоих договорах стоимость выполненной работы была завышена на 4553 руб. Работы выполнены ремонтными рабочими 7-го околотка, но Дацко и Колодий в ведомостях на выплату денег рабочим сделали фиктивные расписки и полученные с заводов деньги присвоили. Окружной суд железнодорожного транспорта Юго-Западного округа, рассматривая дело в кассационном порядке, переквалифицировал преступление Дацко и Колодия со ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. на ст. 105 УК Украинской ССР (получение взятки), сославшись на то, что работникам железнодорожного транспорта запрещено работать по совместительству в советских и хозяйственных организациях, причем такое совместительство должно караться как взыскание. Между тем материалами дела установлено, что Дацко и Колодий незаконно по фиктивным документам получили средства из государственных предприятий, обратив их в свою пользу.

Верховный суд СССР, учитывая, что подлоги были совершены Дацко и Колодием с прямым умыслом на присвоение государственных средств, отменил определение окружного суда железнодорожного транспорта Юго-Западного округа¹.

При квалификации действий должностных лиц, временно позаимствовавших государственные или общественные средства или иные ценности, по указу от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» необходимо точно устанавливать, что у должностного лица имелся умысел на хищение этих средств или ценностей. Если же это было позаимствование в подлинном смысле этого слова, то действия должностного лица должны рассматриваться как злоупотребление служебным положением, квалифицируемое по ст. 109 УК РСФСР.

Правильно поэтому поступил народный суд 1-го участка Нижне-Сергинского района Свердловской области, осудив по ст. 109 УК РСФСР Теплых за то, что он, являясь заведующим базой Свердловского водочного завода и злоупотребляя своим служебным положением, 24 октября 1952 г. при покупке для себя радиолы расплатился с Бисертским районным потребительским союзом полулитровыми бутылками водки, находившимися у него под отчетом. Свердловский областной суд оставил приговор в силе. Верховный суд РСФСР отменил в порядке надзора приговор и определение и признал, что факт отпуска водки за приобретенную радиолу без оформления документами следует расценивать как хищение государственного имущества, независимо от того, что стоимость водки была оплачена впоследствии Теплых. Верховный суд СССР отменил это определение и оставил приговор народного суда в силе, ибо по делу установлено, что Теплых через два дня после приобретения радиолы продал принадлежащий ему радиоприемник за 600 руб. и возместил стоимость отпущенной им без оформления документами водки. Впоследствии при производстве ревизии у него недостачи водки не обна-

¹ См. «Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 7, стр. 4.

ружено. Таким образом, в действиях Теплых не установлено умысла на хищение¹.

Не может быть освобождено от ответственности за хищение лицо, хотя непосредственно и не совершившее хищения государственного и общественного имущества из склада или другого хранилища, но обнаружившее это имущество спрятанным где-либо злоумышленниками и присвоившее его как «находку», заведомо зная, что это — государственное (общественное) имущество.

Темеров, обнаружив у принадлежащего ему стога сена 587 кг колхозной пшеницы в ворохе, прикрытом сеном, дал указание возчику Безязыкову перевезти ночью пшеницу к нему, Темерову, домой. Привезенную возчиком пшеницу Темеров спрятал в бане и сарае, где она была обнаружена при обыске. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР действия Темерова были переквалифицированы на ст. 168, ч. 2, УК РСФСР (присвоение находки). Пленум Верховного суда СССР занял по делу совершенно иную позицию: в постановлении Пленума говорится, что Темеров знал, что пшеница принадлежит колхозу, и не отрицал этого, но все же присвоил ее, таким образом его действия не могут рассматриваться как присвоение находки, поскольку заведомое присвоение государственного и общественного имущества должно рассматриваться как хищение, независимо от места нахождения этого имущества².

В связи с рассмотрением вопроса об умысле по делам о хищениях как обязательном условии для уголовной ответственности по указу от 4 июня 1947 г. необходимо рассмотреть ответственность соучастников хищения.

Соучастие предполагает наличие умысла. Для того чтобы соучастник мог нести ответственность за хищение наравне с исполнителем, необходимо, чтобы соучастник сознавал: что исполнитель похищает социалистическую собственность и что он сам своими действиями способствует исполнителю в хищении социалистической собственности или укрывает или реализует похищенное государственное (общественное) имущество. Если таких условий нет, то не может быть и речи о соучастии.

Шапошников осужден Ивановским областным судом по ст. 17 УК РСФСР и ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. за то, что, зная о составлении Тыртиковой фиктивных ведомостей на выдачу заработной платы, излишне получаемые деньги по этим ведомостям передавал Тыртиковой, чем способствовал присвоению ею 24 479 руб. государственных средств. Между тем виновность Шапошникова установлена лишь в том, что он по преступной халатности не проверял представляемых ему Тыртиковой платежных ведомостей и, нарушая финансовую дисциплину, оставшиеся у него деньги после выдачи заработной платы вместо внесения в депозит сдавал бухгалтеру расчетного отдела Тыртиковой, чем последняя и воспользовалась в своей преступной деятельности³. Верховный суд СССР указал, что, поскольку не установлен умысел Шапошникова на оказание содействия Тыртиковой в присвоении государственных средств, нет оснований для обвинения его в содействии Тыртиковой в присвоении 24 479 руб.

По делу Тягунова и Власевского, признанных Амурским областным судом виновными в соучастии в хищении другими осужденными по делу 11 268 руб. государственных средств, Верховный суд СССР отвергнул обвинение их в пособничестве.

¹ См. «Судебная практика Верховного суда СССР» 1953 г. № 5, стр. 8.

² См. «Судебная практика Верховного суда СССР» 1953 г. № 6, стр. 8.

³ См. «Судебная практика Верховного суда СССР» 1953 г. № 4, стр. 14.

Тягунов и Власевский, работая заготовителями Константиновской базы конторы «Комсомолторга», по предложению бывших начальника конторы Меженного и главного бухгалтера Малявко (осуждены по делу), составили фиктивные акты на закупку картофеля, указав цену картофеля 1 р. 10 к. за кг вместо 68 коп. за кг, по которой картофель фактически ими был заготовлен, а затем расписались в получении денег на заготовку картофеля, фактически не получив этих денег, чем создали возможность Меженному и Малявко присвоить разницу в цене картофеля в сумме 11 268 руб. Тягунов и Власевский на предварительном и судебном следствии подтвердили все указанные обстоятельства, пояснив, что Меженный и Малявко объяснили им необходимость составления фиктивных актов тем, что база будет иметь дополнительные транспортные расходы по картофелю. О том, что за счет разницы в цене картофеля Меженный и Малявко решили покрыть числящиеся за ними денежные подотчетные средства, Тягунову и Власевскому известно не было. При этих условиях, хотя они своими действиями объективно и способствовали совершению Меженным и Малявко хищения 11 268 руб., но, поскольку они не сознавали, что оказывают содействие хищению, они не могут нести ответственности как соучастники хищения. Верховный суд СССР переквалифицировал их действия по ст. 109 УК РСФСР¹.

По делу Вяткина, осужденного по ст. 17 УК РСФСР и ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. за продажу государственного имущества, похищенного исполнителями преступления, осужденными по тому же делу по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г., Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР переквалифицировала преступление Вяткина по ст. 17 УК и ст. 1 указа от 4 июня 1947 г. по тем мотивам, что Вяткину не были известны обстоятельства, при которых совершено квалифицированное хищение имущества².

Общий вывод из сказанного таков: для признания того или иного лица пособником хищения необходимо установить не только причинную связь между действиями этого лица и совершенным исполнителем преступлением, но и наличие умысла, направленного на содействие исполнителю преступления.

Соучастие не всегда обязательно предполагает активное действие соучастника. Пособничество может иметь место и при пассивном поведении пособника. Если, например, должностное лицо из корыстных побуждений не воспрепятствовало хищению имущества, которое им охранялось, то, несмотря на отсутствие с его стороны активных действий, оно должно нести ответственность за соучастие в хищении, поскольку умысел его был направлен на создание расхитителям благоприятных условий для хищения.

По приговору Северо-Казахстанского областного суда от 27 декабря 1952 г. Спиридонов в числе других осужден по ст. 4 указа от 4 июня 1947 г. Определением Судебной коллегии Верховного суда Казахской ССР от 13 февраля 1953 г. приговор в отношении Спиридонова был изменен, преступление его переквалифицировано по ст. 111 УК РСФСР и наказание снижено в соответствии с новой квалификацией преступления³. Проанализировав дело, Верховный суд СССР признал неправильным определение Верховного суда Казахской ССР, так как установлено, что Спиридонов, охраняя зерно на току колхоза «Красный партизан», умышленно оставил пост, чем создал возможность для хищения пшеницы в количестве

¹ См. «Судебная практика Верховного суда СССР» 1953 г. № 4, стр. 13.

² См. «Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 3, стр. 3.

³ См. «Судебная практика Верховного суда СССР» 1953 г. № 4, стр. 7.

66 ц осужденными Евдокимовым, Васильевым и Шанауровым, за что получил от организатора хищения Шидаева (осужденного по тому же делу) 2000 руб. При таких условиях действия Спиридонова не могут рассматриваться как халатное отношение к охране колхозного имущества, а должно квалифицироваться как соучастие в хищении имущества.

Верховный суд Казахской ССР пришел к ошибочному решению по делу вследствие неправильной оценки доказательств. Признав необходимым переквалифицировать преступление Спиридонова по ст. 111 УК, Верховный суд Казахской ССР привел в определении следующие мотивы: показание Шидаева об участии Спиридонова в хищении колхозной пшеницы является оговором и материалами дела не подтверждается; показания Спиридонова о том, что он не мог предотвратить хищение зерна ввиду угроз со стороны других осужденных по делу, подтверждается тем, что в ночь на 4 ноября 1952 г. после кражи пшеницы Спиридонов сообщил о хищении бригадире Шарипову. В определении указано, что вина Спиридонова заключается лишь в том, что в ночь на 1 ноября 1952 г. (когда первый раз было совершено хищение части пшеницы) он ушел с поста, оставив ток колхоза без охраны, что дало возможность другим осужденным похитить 33 ц зерна. Между тем по делу установлено, что между Шидаевым и Спиридоновым была предварительная договоренность относительно хищения зерна с тока: после хищения Шидаев передал Спиридонову 2000 руб. за то, что тот ушел с поста и не препятствовал хищению. Заявление же Спиридонова о том, что ему осужденные по делу угрожали убийством в случае, если он воспрепятствует хищению, неубедительно. Сам Спиридонов признал, что Шидаев дал ему 500 руб. при погрузке похищенного зерна. Присутствуя при вторичном хищении зерна и будучи вооружен, Спиридонов не употребил оружия, чтобы пресечь хищение. Тот факт, что Спиридонов о состоявшейся краже впоследствии сообщил бригадире Шарипову, лишь смягчает его вину, но не может освободить от ответственности за содействие в хищении. Если бы подобная оценка доказательств была сделана Верховным судом Казахской ССР, то он тоже пришел бы к выводу, что в действиях Спиридонова, вернее, в его бездействии, имелся умысел на оказание содействия расхитителям колхозной пшеницы, и оставил бы квалификацию преступления, примененную судом первой инстанции.

Приведенными примерами из практики Верховного суда СССР далеко не исчерпывается характеристика ошибок судов при квалификации хищений. Причины ошибок коренятся в том, что следственные органы и суды при расследовании и судебном рассмотрении дел в ряде случаев не устанавливают наличия у обвиняемого умысла, направленного на хищение социалистической собственности.

Чтобы изжить подобные ошибки из практики судебных и следственных органов, практическим работникам необходимо глубоко изучать публикуемые определения коллегий и постановления Пленума Верховного суда СССР, указания которых помогают глубже вникать в теорию советского уголовного права и правильно разрешать на практике вопросы, связанные с привлечением к судебной ответственности лиц, совершивших уголовные преступления, и, в частности, о квалификации посягательств на социалистическую собственность. Важное значение в этом отношении имеет постановление Пленума Верховного суда СССР от 28 мая 1954 г.

БОРЬБА С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ В ОБЛАСТИ ТОРГОВЛИ

Н. Бутин

Кандидат экономических наук

Н. Лейкина

Кандидат юридических наук

Главной заботой Коммунистической партии и Советского правительства является неуклонное повышение благосостояния советского народа, наиболее полное и всестороннее удовлетворение его постоянно растущих материальных и культурных потребностей. Сообразуясь с требованиями основного экономического закона социализма и экономического закона планомерного пропорционального развития народного хозяйства, Коммунистическая партия и Советское государство обеспечивают систематический и быстрый рост всего общественного производства, в том числе производства предметов народного потребления.

Решение этих задач настоятельно требует дальнейшего развития и улучшения советской торговли, развертывания товарооборота.

Вот почему Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР 23 октября 1953 г. приняли постановление «О мерах дальнейшего развития советской торговли», являющееся боевой программой развития советской торговли, улучшения распределения товаров широкого потребления.

Совет Министров СССР и ЦК КПСС со всей решительностью требуют быстрого устранения всех тех существенных недостатков, пороков и изъянов, которые имеются в организации и проведении торговли, мешая дальнейшему ее развитию и улучшению обслуживания населения.

Из постановления партии и правительства о дальнейшем развитии торговли должны сделать выводы и судебные и следственные органы. Органы правосудия, осуществляя защиту социалистической системы хозяйства и социалистической собственности от всяких посягательств, активно содействуют укреплению экономической основы нашего строя.

Изучение дел о хищениях, совершенных в торговых предприятиях, показывает, что в большинстве случаев способом хищения являются присвоение и растрата. Характерно, что изъятие государственных средств или материальных ценностей часто совершается не в один прием, а путем систематических растрат государственных средств. При ревизии в магазине № 13 райпишторга Сталинского района Ленинграда была обнаружена недостача в сумме 18 184 руб. Расследованием установлено, что недостачи на меньшие суммы бывали и ранее, но директор магазина Осипова «погашала» их, беря для этого деньги из выручки, а затем снова изымала из кассы деньги и тратила их.

Судебная практика вскрывает, что отдельные нечестные работники в целях совершения хищений используют благоприятные для этого условия, создаваемые в некоторых торговых организациях бесконтрольностью, ненадежностью учета, нечеткой организацией работы. Следовательно, все это является условиями, объективно способствующими совершению преступлений. Там же, где контроль и учет поставлены хорошо, где тщательно и своевременно проводятся ревизии, где работа торгового предприятия организована правильно, где каждый работник отвечает за свой участок работы, — там нет места хищениям и растратам.

В ряде случаев суды при рассмотрении уголовных дел настойчиво и внимательно изучают условия, которые способствовали совершению растрат, выносят частные определения в целях устранения их или обращаются с письмами в вышестоящие организации. Например, народный суд 6-го участка Смольнинского района Ленинграда, рассмотрев дело по обвинению Булавского, похитившего 98 ящиков вина, признал его виновным по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и приговорил к пятнадцати годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях с конфискацией имущества. Одновременно, установив, что хищение стало возможно потому, что система сдачи товаров и проверки бухгалтерских документов поставлена неудовлетворительно, суд вынес частное определение и направил его в ленинградскую областную базу «Союзоптбакалея».

Однако нередко суды и следственные органы проходят мимо этих недостатков в работе торговых организаций, создающих условия для хищений и растрат. Таким условием является отсутствие контроля над работой подведомственных торговых предприятий, отсутствие внезапных ревизий и нетщательное проведение плановых ревизий. Пользуясь тем, что внезапные ревизии не проводятся, некоторые торговые работники систематически растрачивают государственные средства. Зная же, когда должна быть проведена плановая ревизия, они заблаговременно вносят недостающую сумму в кассу с тем, чтобы сразу же после проведения «ревизии» снова взять деньги из кассы.

Существующий порядок работы магазинов, при котором материально-ответственным лицом является заведующий отделом, а ценности находятся в ведении продавцов, не несущих ответственности за находящиеся у них товары, приводит к безответственности продавцов, создает им условия для хищений и злоупотреблений. Такая организация работы магазинов приводит еще и к тому, что в ряде случаев, когда обнаруживается недостача в магазинах и материалы поступают в прокуратуру, очень сложно установить причины образования недостач и конкретных виновников их. Чаще всего расследование по таким делам заканчивается привлечением к ответственности материально-ответственных лиц по ст. 111 УК РСФСР за халатность. Ревизией была обнаружена недостача товаров на сумму 10 043 руб. в магазине пищеторга Сталинского района. Материально-ответственным лицом была заведующая отделом Тимошенина. Произведенным расследованием не было установлено, что Тимошенина растратила материальные ценности или присвоила их. В отделе работало несколько продавцов, которые фактически распоряжались товарами, выдаваемыми им для продажи, но не несли никакой ответственности. Товары выдавались не по накладной, и продавцы за товары не отчитывались. При таких условиях была возможность безнаказанно похищать материальные ценности, тем более, что по условиям работы Тимошенина должна была часто уезжать на торговую базу за товарами. Как сама Тимошенина, так и продавцы в своих показаниях заявляли, что объяснить, почему образовалась недостача, они не могут. В итоге Тимошенина была осуждена по ст. 111 УК к шести месяцам исправительно-трудовых работ.

Имеют место случаи, когда кражи материальных ценностей совершаются вследствие того, что товары оставляются без всякой охраны или не предпринимаются элементарные меры для обеспечения их сохранности.

Судебные и следственные органы должны решительно вести борьбу с этой беспечностью, она обходится государству в тысячи рублей. Нужно

усилить разъяснительную работу, используя для этого отчеты судей перед избирателями, совещания торговых работников.

Большой материальный ущерб государству причиняют недостатки на складах, в магазинах, в ларях. При этом установление фактов недостатка, даже раскрытие причин ее не всегда приводят к реальному возмещению причиненного вреда. При расследовании и рассмотрении таких дел особенно важно устанавливать условия, которые объективно способствовали образованию недостатка. Выявление этих условий и принятие решительных мер к их устранению является действенным средством предупреждения недостатка. Практика показывает, что в ряде случаев образование недостатка объясняется плохим складским хозяйством. Потери при хранении товаров приводят к увеличению издержек обращения, а снижение себестоимости продукции в промышленности и издержек обращения в торговле — главный источник систематического снижения цен. По пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР (1951—1955 гг.) издержки обращения в торговле должны быть снижены на 23%. Одним из путей реализации этого является ликвидация потерь, в частности, при хранении товаров.

В судебной практике встречаются случаи, когда хозяйственники не создают надлежащих условий для хранения товаро-материальных ценностей, хотя имеют возможность к тому. Отсюда — недостатки, а суды, рассматривая дела по обвинению материально-ответственных лиц в недостатке, не реагируют на это. Рассматривая дело по обвинению Воронко по ст. 111 УК, народный суд 1-го участка Курортного района Ленинграда установил, что складское помещение, где хранилась стеклянная тара, находилось в неудовлетворительном состоянии: крыша протекала, вода попадала в посуду, которая при морозе лопалась; пол был земляной, неровный, ящики падали, и тара ломалась. У кладовщика склада Воронко за шесть месяцев образовалась недостача на 8824 руб. У его предшественника за два месяца недостача составила 2000 руб. У суда были все основания вынести частное определение в отношении руководства торгога, которое не установило порядка на складе, несмотря на систематические недостатки. Директор курортторга принял кладовщиком техника Воронко, совершенно незнакомого с работой и согласившегося быть кладовщиком временно, до перевода его на работу по специальности.

В ряде случаев по-разному квалифицируются хищения и должностные преступления, совершаемые в торговых организациях.

Не было единообразия в квалификации преступлений, выражающихся в предоставлении в долг продуктов, денег должностными лицами торговых организаций, магазинов, столовых, буфетов. Заведующая буфетом Мурашева была привлечена к уголовной ответственности по указу от 4 июня 1947 г. за то, что систематически давала рабочим завода, на территории которого находился буфет, продукты в долг, беря «в залог» от них различные документы. Аналогичные же действия Андреева органами следствия и суда в Курортном районе квалифицировались по ст. 109 УК РСФСР.

Следует считать, что предоставление в долг продуктов из магазина, столовой, буфета, если это носило систематический характер или повлекло за собой более или менее значительный ущерб, должно рассматриваться во всех случаях как злоупотребление служебным положением, а не как хищение, так как хищение социалистической собственности состоит в умышленном, противоправном завладении государственным имуществом с целью присвоения его и для привлечения к ответственности за хищение необходимо установить умысел на завладение государственным имуществом, цель присвоить его. Предоставляя же в долг про-

дукты, должностное лицо нарушает правила государственной или кооперативной торговли, в результате чего частные лица некоторое время незаконно пользуются материальными ценностями и тем самым наносят ущерб государству, но изъятия государственного имущества с целью обращения в свою собственность в этих случаях нет, поэтому и указ от 4 июня 1947 г. неприменим.

Верховный суд СССР последовательно проводит эту точку зрения. По делу Жукова, например, Пленум Верховного суда СССР указал, что приведенные в приговоре факты, как отпуск товаров в кредит или допуск посторонних за прилавки для торговли, никак не могут рассматриваться как хищения или обстоятельства, подтверждающие хищение, а могут лишь свидетельствовать о фактах злоупотребления служебным положением.

В судебной практике по делам о преступлениях в торговле встречаются ошибки в квалификации недостачи товаров, выявленных во время ревизий, инвентаризаций. Понятие «недостача» не является уголовно-правовым. Недостача — это нехватка, отсутствие тех материальных ценностей, денег, которые должны быть в наличии. В Уголовном кодексе РСФСР и в уголовных кодексах других союзных республик нет и не может быть состава преступления, называемого недостачей. Самый факт недостачи независимо от суммы не может служить основанием для привлечения к судебной ответственности материально-ответственного лица.

Верховный суд неоднократно обращал на это внимание. Лишь установив, что недостача явилась следствием преступления, прокурор возбуждает против виновных дело, а квалификация всецело зависит от того, какое преступление повлекло за собой недостачу. К этому сводятся указания Верховного суда СССР по таким делам.

Практика показывает, что следственные работники прокуратуры в ряде случаев по материалам о недостачах не выявляют лиц, похитивших недостающие материальные ценности или деньги, и ограничиваются привлечением к ответственности материально-ответственных лиц по ст. 111 УК РСФСР за халатность.

Задача судебных и следственных органов и работников науки криминалистики и уголовного процесса состоит в том, чтобы в тесном содружестве определить глубоко продуманную и обоснованную методику расследования преступлений, связанных с хищениями государственных средств.

Бывает, что следователи, не установив присвоения государственных средств, квалифицируют действия обвиняемых по указу от 4 июня 1947 г. только потому, что имеется недостача товарно-материальных ценностей. У заведующей винно-гастрономическим отделом Абакумовой, например, обнаружена недостача на 13 624 руб. Она заявила, что денег и продуктов не брала, объяснить причины недостачи не может. Следователь установил, что Абакумова принимала от лоточников и вносила в кассу деньги обезличенно; часто производила самопроверки в отделе и, выявив недостачу, вносила деньги в кассу; к хранению тары относилась халатно, в результате тары нехватило на 973 руб. Установив эти факты, следователь квалифицировал действия Абакумовой по указу от 4 июня 1947 г. и по ст. ст. 109 и 111 УК РСФСР. Народный суд 5-го участка Фрунзенского района Ленинграда признал Абакумову виновной лишь по ст. ст. 109 и 111 УК, так как никаких доказательств присвоения ею материальных ценностей не было добыто.

Один факт недостачи не дает оснований и для привлечения материально-ответственного лица по ст. 111 УК РСФСР. Для применения ст. 111 УК РСФСР необходимо установить, в чем конкретно выразилась

халатность должностного лица, наличие причинной связи между халатным отношением к исполнению своих обязанностей и образовавшейся недостатчей.

Важнейшей задачей судебных и следственных органов в выполнении постановления партии и правительства о развитии советской торговли является усиление борьбы со спекуляцией, которая состоит, как об этом сказано в ст. 107 УК РСФСР, в скупке и перепродаже товаров с целью наживы.

Спекуляция подрывает принцип советской торговли. Спекулятивные элементы используют временные затруднения, недостаточность некоторых продовольственных и промышленных товаров, например, телевизоров, автомашин, радиоприемников, меховых манто, дорогостоящих тканей и т. д. При этом в ряде случаев спекулятивные действия носят своеобразный характер, когда спекулянт в целях наживы реализует не товары, покупаемые им для перепродажи по повышенной цене, а чеки или талоны на очередь на покупку телевизора, автомашины, т. е. реализует не товар, а документ, создающий возможность приобретения товара.

В печати справедливо отмечалось, что органы милиции и прокуратуры не ведут должной борьбы с этим новым видом спекуляции. В Ленинграде выявлена группа лиц, продававших по цене от 50 до 200 руб. чеки (талоны) на очередь на покупку телевизоров, получаемые ими незаконными путями. К ответственности они не были привлечены, тогда как продажа чеков (талонов) на дефицитные товары — это та же спекуляция, но она носит замаскированный характер и свидетельствует об изворотливости спекулянта. Поэтому лиц, систематически занимающихся реализацией талонов (чеков) в целях наживы следует, по нашему мнению, привлекать к ответственности как за спекуляцию по ст. 16—107 УК РСФСР.

Одним из условий объективно способствующих спекулятивной деятельности, являются недостатки в планировании завоза товаров. Спекулянты используют малейший промах в организации и ведении торговли. В целях наживы они скупают товары, завезенные нерадивыми торговыми работниками туда, где спрос на них небольшой, и перепродают по спекулятивным ценам там, где в них испытывается большая потребность.

В Ленинграде разоблачен спекулянт Асабин. При обыске у него изъято 330 шелковых платков и другие товары, которые он скупал в Ленинграде, чтобы затем перепродать в Сталинабаде по повышенной цене. Осуждена Яковлева, занимавшаяся скупкой столовых, десертных и чайных ложек для перепродажи их по повышенной цене в Молотове.

Судебные и следственные органы ведут решительную борьбу со спекулянтами, но борьба ныне должна быть усилена. Спекуляция подрывает принципы нашей торговли, препятствует удовлетворению спроса потребителей, нарушает их интересы. Ни один спекулянт не должен остаться безнаказанным. Вместе с тем судебные и следственные органы должны принять все меры к тому, чтобы, наказывая спекулянта, вскрыть все те недостатки в работе торгующих организаций, которые способствуют спекулятивной деятельности, и добиться их устранения.

Особенно важно при расследовании спекуляции установить источники приобретения товаров. Этими источниками зачастую оказываются хищения социалистической собственности, преступные действия должностных лиц торговых организаций и предприятий, сбывающих за вознаграждение товары спекулянтам.

Существенным недостатком в борьбе со спекуляцией является отсутствие анализа источников получения товаров для спекуляции. В Ленинграде привлечены к ответственности и осуждены муж и жена Юрченко,

которые на протяжении ряда лет спекулировали промышленными товарами. Для продажи товаров — тюля, штапельного полотна, драпа-велюра Юрченко привлекла своих знакомых, проживавших в Ленинграде и других городах. Обвиняемые имели преступные связи с работниками торговой сети и через них приобретали товары. Однако, кто все эти лица, следствие не установило.

Научным работникам в области криминалистики в содружестве со следственными работниками следует разработать методику расследования преступлений этой категории.

Большое значение в борьбе со спекуляцией имеет воспитательное воздействие на лиц, приобретающих у спекулянтов товары. В нашей печати справедливо отмечалось, что лица, прибегающие к услугам спекулянтов, объективно способствуют их преступной деятельности и за это должны быть осуждены общественностью. Покупка товаров у спекулянта по Уголовному кодексу РСФСР и уголовным кодексам других союзных республик не является уголовно-наказуемым действием. Однако эти действия противоречат правилам социалистической морали. Поэтому судебным и следственным органам следует сообщать в общественные организации по месту работы о фактах недостойного поведения лиц, связанных со спекулянтами.

Уместно вспомнить указания В. И. Ленина о борьбе со спекуляцией, имеющие и сейчас очень важное значение: «Мы не знаем всеобъемлющего шарлатанского рецепта, который сразу мог бы убить спекуляцию. Привычки капиталистического строя слишком сильны, перевоспитать воспитанный веками в этих привычках народ дело трудное и требующее большого времени. Но мы говорим: наш способ борьбы — это организация. Мы должны все организовать, все взять в свои руки, проверять кулаков и спекулянтов на каждом шагу, объявить им беспощадную борьбу и не давать им дышать, проверяя каждый шаг»¹.

Неотложной задачей судебных и следственных органов является усиление борьбы с обвешиванием и обсчетом потребителя. Советская торговля, самая передовая и культурная торговля в мире, впервые в истории поставлена на службу народу и несовместима с обворовыванием потребителя. В ст. 128 УК РСФСР, в которой определена ответственность за обвешивание и обмеривание, указано, что обман потребителя рассматривается как обман государства. Это и понятно: интересы нашего народа неотделимы от интересов государства. Обворовывание потребителя — это преступление, посягающее на принципы советской торговли.

Судебная практика показывает, что более половины лиц, привлеченных к ответственности за обман потребителей, уже ранее подвергались дисциплинарным взысканиям за обвесы, обсчеты. Это свидетельствует отчасти о малой эффективности мер дисциплинарного воздействия. Очевидно, каждый случай обмера и обвеса еще не стал предметом осуждения со стороны общественности — работников торговых организаций. Нужно создать обстановку резкого морального осуждения вокруг каждого продавца, подрывающего своим нечестным отношением к потребителю авторитет советских торговых работников.

Нам представляется весьма целесообразной организация товарищеских судов для рассмотрения дел о менее опасных случаях обвешивания и обмеривания.

В борьбе с обворовыванием потребителей имеется много недостатков. Государственная торговая инспекция еще не выполняет как следует своих задач. Об этом свидетельствует хотя бы такой факт, что в минув-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 477.

шем году от трудящихся Ленинграда поступило свыше 6000 жалоб на плохое обслуживание¹. Слабо осуществляется общественный контроль профессиональными союзами: из изученных дел по ст. 128-в УК РСФСР только 10% их было возбуждено по инициативе общественного контроля.

Осуществление задачи усиления борьбы с обворовыванием потребителя, задачи искоренения этого нетерпимого явления в советской торговле немислимо без устранения тех условий, которые объективно способствуют обману потребителя. Те торговые работники, у которых еще не изжит старый дух торгашества, которые не прочь нажиться на потребителе за счет обмана его, охотно используют эти условия. В буфете артели «Пищепродукт» существовал такой порядок отчетности материально-ответственных лиц, что внутренние накладные, по которым отпускались товары буфетчикам, не являлись отчетными документами. Этим воспользовался заведующий буфетом Нейдорф. При отпуске товаров буфетчикам для продажи он неоднократно повышал цены, указывая их в накладных. Накладные никем не проверялись и не принимались, хранились лично у Нейдорфа (обнаружены при обыске дома), и таким образом Нейдорф присваивал разницу между завышенными им ценами и государственными. Суд вынес Нейдорфу обвинительный приговор по ст. 128-в УК РСФСР, однако не принял никаких мер для предотвращения аналогичных преступлений другими лицами, хотя следовало вынести частное определение и направить его правлению артели «Пищепродукт», обязав его ликвидировать те условия, которые объективно способствуют совершению преступлений.

Изучение дел об обмане потребителя показало, что распространенными условиями, объективно способствующими обвесам, обсчетам, нарушению розничных цен, являются: 1) обезличка в ответственности за соблюдение установленных цен, существующая в некоторых торговых предприятиях (так в магазинах, где материально-ответственным лицом является заведующий отделом, а продают товары продавцы, точно не определен порядок, кто должен составлять и подписывать ценник), вследствие чего создается возможность реализовать товар по повышенной цене, а затем сослаться на то, что это дело рук другого — заведующего магазином или продавца; 2) отсутствие контроля директоров магазинами, торгов, торговой инспекции, общественных организаций.

Эти и другие условия, облегчающие обман потребителя, ни в какой мере не уменьшают общественной опасности самого преступления, а свидетельствуют о необходимости принять все меры к устранению недостатков в работе торговых организаций и к предупреждению таких преступлений.

В постановлении Совета Министров СССР и ЦК КПСС указано на существенный недостаток в работе торговых организаций, заключающийся в том, что торговые организации слабо воздействуют на промышленность в отношении увеличения выпуска и улучшения качества товаров, требующихся населению, и недостаточно ведут борьбу за качество товаров, поставляемых промышленностью в торговую сеть.

Торговые организации должны активно воздействовать на промышленность, принимать все меры к увеличению выпуска необходимых для трудящихся товаров, к улучшению их качества.

Усиление борьбы с преступлениями в торговле, принятие всех мер в целях предотвращения этих преступлений — важная задача судебных и следственных органов.

¹ «Ленинградская правда» 17 февраля 1954 г. № 112.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРИГOTOВИТЕЛЬНЫЕ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ ДЕЙСТВИЯ

М. Ковалев

Кандидат юридических наук

В журнале «Социалистическая законность» № 12 за 1953 год помещена статья проф. А. Трайнина «Уголовная ответственность за приготовительные к преступлению действия». Статья содержит критический разбор предложения об ответственности за приготовление к преступлению, выдвигаемого в связи с подготовкой общесоюзного Уголовного кодекса. Автор решительно выступает против предложения о наказуемости приготовления только в указанных в законе случаях.

Рассматривая эволюцию уголовной ответственности за приготовление к преступлению в советском уголовном законодательстве, автор приходит к выводу, что в новом УК необходимо сохранить принципы уголовной ответственности за приготовление к преступлению, перечисленные в ст. 19 ныне действующего Уголовного кодекса РСФСР (и в соответствующих статьях УК других союзных республик). Рагуя за необходимость сохранения этих принципов, проф. Трайнин не использует судебную практику для того, чтобы обосновать свои суждения. Но он и не мог прибегнуть к ней по простой причине: в судебной практике очень редко встречаются случаи привлечения к уголовной ответственности за приготовление к преступлению.

Нам представляется, что аргументы проф. Трайнина не могут убедить в правильности его выводов. Действительно, советскому уголовному праву известно материальное определение преступления, и суд, применяя примечание к ст. 6, может не привлекать к уголовной ответственности за незначительные приготовительные действия без особых указаний на то в законе. Но советский суд в равной степени может это сделать и в отношении недонесения о достоверно известном готовящемся или совершенном преступлении, тем не менее Уголовный кодекс РСФСР в ст. 18 прямо указывает, что недонесение о совершенном или готовящемся преступлении наказуемо «лишь в случаях, специально указанных в настоящем кодексе». Проф. Трайнин не видит никаких формальных ограничений в уголовной ответственности за недонесение, не видит ущерба принципу материальной оценки преступления. На каком же основании он это видит в установлении уголовной ответственности за приготовление только в указанных в законе случаях? Почему, если советский законодатель укажет четко и ясно, что приготовление к преступлению наказуемо только в строго определенных случаях, то он внесет этим «в социалистическое уголовное право, вопреки его материальной природе, формалистические критерии»?

На основании материального признака преступления — общественной опасности — советский законодатель устанавливает в особенной части УК определенную систему действий или бездействий, представляющих опасность либо для основ советского строя, либо для установленного в нем правопорядка, и в зависимости от степени этой общественной опасности определяет вид и размер наказания за их совершение.

Опираясь на материальный признак преступления, советский законодатель устанавливает в общей части принципы, основания и пределы уголовной ответственности, ответственность за соучастие, стадии развития преступления. И ничего формалистического не будет, если в общей части Уголовного кодекса будет указано, что приготовление к преступлению наказуемо только в указанных в законе случаях, т. е. в случаях совершения приготовления к наиболее тяжким преступлениям. Этим будет четко очерчен круг случаев уголовно-наказуемых приготовлений к преступлению, советские суды получат возможность руководствоваться строго определенным критерием, который будет способствовать единообразному пониманию и применению советских уголовных законов. Поэтому приводимый проф. Трайниним аргумент о том, что ограничение ответственности за приготовление строго указанными в законе случаями противоречит принципу материального понятия преступления, звучит неубедительно.

Проф. Трайнин, основываясь на том, что «грань» между приготовлением и покушением «хрупка и подвижна», считает, что если согласиться с нововведением, то в делах по обвинению в преступлении, по которому приготовление не наказуемо, встает вопрос, какое именно действие успел совершить подсудимый: безнаказанное приготовление или наказуемое покушение, ибо от этого будет зависеть судьба обвиняемого.

Однако ст. 19 УК РСФСР и в существующей редакции не освобождает суд от обязанности разграничивать приготовление от покушения на преступление, так как от этого зависит определение конкретной степени ответственности лица. Поэтому и при существующем положении вещей будет судебной ошибкой, если суд признает обвиняемого виновным в покушении, когда в его действиях будет только лишь приготовление к преступлению. Кроме того, и в настоящее время судам приходится проводить различие между наказуемым покушением и ненаказуемым приготовлением, а именно когда обвиняемым выступает лицо в возрасте 12 лет: согласно ст. 12 УК РСФСР несовершеннолетние, начиная с 12 лет, несут ответственность за попытки к убийству (т. е. за покушение на убийство), за приготовление же к убийству они ответственности не несут, — и по такого рода делам суд со всей тщательностью должен исследовать вопрос о том, имело ли место покушение на убийство или приготовление к убийству.

Не менее, если не более трудно провести грань между обнаружением умысла и приготовлением к преступлению, — однако такую грань суд всегда и во всех случаях обязан проводить, поскольку обнаружение умысла ненаказуемо и сейчас.

В конце концов трудность проведения границы между приготовлением и покушением есть во многом следствие того, что теория советского уголовного права еще не указала правильных путей установления этой границы. Об этом прямо писал и сам проф. Трайнин в своей монографии «Состав преступления по советскому уголовному праву» (стр. 312): «Долг теории социалистического уголовного права развить определение закона в целях лучшего его применения судебной практикой. Отсюда ясны важность и неотложность попыток разграничить приготовление и покушение». Причем двумя страницами ниже проф. Трайнин сам дает довольно четкую схему различия приготовления и покушения: «Приготовление = умысел + действие, не являющееся элементом состава. Покушение = умысел + действие, являющееся элементом состава».

Непонятно утверждение автора, что, если суд будет применять эту схему, «...начнут по этому каналу обильно просачиваться в социалистическое право и социалистическое правосудие давно по буржуазным

источникам знакомые дискуссии о том, где грань, лежащая между приготовлением и покушением, и по какую сторону этой грани следует расположить подлежащие оценке действия подсудимого». Неужели проф. Трайнин считает свою собственную формулу каналом, по которому будут просачиваться буржуазные спорные взгляды о различии между покушением и приготовлением?

Мы, напротив, считаем, что эта ясная формула может помочь судебной практике в разграничении покушения и приготовления как тогда, когда обе эти стадии будут наказуемы, так и тогда, когда покушение будет наказуемо всегда, а приготовление — только в указанных законом случаях.

Совсем парадоксально звучит третий довод проф. Трайнина против нововведения, а именно что предлагаемое ограничение уголовной ответственности за приготовление на деле будет означать расширение ее.

Если советский суд, диалектически подходя к рассмотрению каждого уголовного дела, может в настоящее время в конкретном случае признать приготовление не общественно-опасным деянием, применив примечание к ст. 6 УК РСФСР, то с таким же успехом он может это сделать и в отношении тех приготовительных действий, которые, возможно, будут в будущем объявлены в законе наказуемыми. Никто не сможет ограничить суд в этом праве, если примечание к ст. 6 будет сохранено, а оно должно быть сохранено и в союзном УК СССР, — и тогда суд будет иметь возможность прекратить уголовное дело, если наказуемое приготовление явно малозначительно и в нем имеются признаки ныне действующего примечания к ст. 6 УК РСФСР.

Целесообразность или нецелесообразность сохранения тех или иных институтов уголовного права, необходимость сужения или расширения пределов ответственности за те или иные действия проверяются и подсказываются практикой. Судебная практика есть критерий истинности и жизненности наших теоретических выводов.

Огромный опыт, накопленный практикой судебных и прокурорских органов по применению норм Уголовного кодекса РСФСР 1926 года, раскрывает необходимость изменения отдельных институтов общей и особенной части в будущем общесоюзном Уголовном кодексе. Эта необходимость вызывается огромными изменениями в экономической и политической жизни нашего общества, изменениями его классовой структуры, происшедшими со времени издания УК РСФСР.

Опыт применения норм УК РСФСР 1926 года на практике показывает также, что отдельные его институты, определения нуждаются в изменениях или дополнениях вследствие редакционных неточностей, пробелов и т. п. Опыт указывает на нецелесообразность сохранения уголовной ответственности за приготовление ко всем преступлениям.

Практика показала, что привлечение к уголовной ответственности за приготовление имеет место в очень редких случаях, когда степень общественной опасности приготовительных действий значительна и когда нет сомнений в том, что это приготовление есть реальное начало преступной деятельности.

Приготовительные действия невозможны по ряду преступлений в силу самого характера этих преступлений: например, при неосторожных преступлениях. Практически нельзя себе представить приготовление и к преступлению, совершаемому с косвенным умыслом. Не может быть приготовления и при так называемых формальных преступлениях, совершаемых путем бездействия.

По многим преступлениям нецелесообразно привлекать к уголовной ответственности за приготовление в силу того, что даже оконченное

преступление представляет собой сравнительно малую, общественную опасность.

В ряде случаев вообще нельзя доказать, имело ли место приготовление к преступлению, так как преступник далеко не всегда, прежде чем приготовиться совершить преступление, обнаружит умысел на его совершение.

По сути же дела доказательством того, что преступник совершил подготовительные действия, является обнаружение у него умысла до или в момент совершения подготовительных действий. Об этом проф. Трайнин правильно писал: «Приготовление — там, где необходимым является лишь один элемент состава — умысел, и где этот умысел находит конкретное выражение также в действии, но в действии, не являющемся элементом состава». И проф. Трайнин должен согласиться, что весьма и весьма трудно доказать умысел на совершение преступления, когда умысел выражается в действиях, которые сами по себе безразличны для уголовного права. Но даже и тогда, когда этот умысел бесспорен, и то еще так далеки подчас подготовительные действия от действительного совершения преступления!

Учитывая все это, будет правильным заранее указать в законе, какие подготовительные действия наказуемы, а какие нет.

Поэтому нельзя согласиться с тем, что существует настоятельная необходимость объявить все без исключения подготовительные действия наказуемыми. Конечно, это сделать легче, чем из круга всех преступных действий выбрать такие значительные по своей общественной опасности преступления, по которым целесообразно наказывать и приготовление.

Но такой легкий путь не ведет к укреплению социалистической законности. Задача же сейчас состоит в том, чтобы всеми средствами, всеми силами неустанно укреплять принцип социалистической законности во всех звеньях нашего государственного аппарата, в том числе и в отправлении советского правосудия.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА И РАССМОТРЕНИЯ ТРУДОВЫХ СПОРОВ ЧЛЕНОВ ПРОМЫСЛОВЫХ АРТЕЛЕЙ

Я. Киселев

Кандидат юридических наук

В Советском Союзе промысловая кооперация имеет значительное количество предприятий и мастерских. Промысловая кооперация является постоянным помощником государственной промышленности и дополняет ее работу в производстве товаров широкого потребления, а в таких областях, как бытовое обслуживание населения по ремонту обуви и одежды, домашнего инвентаря и хозяйственных товаров, — она играет основную роль. Директивы XIX съезда партии предусматривают значительное увеличение производства промышленной продукции на предприятиях промысловой кооперации за годы пятилетки (1951—1955 гг.).

Вопросы правового регулирования условий труда членов промысловых артелей приобретают большое значение. Но рамки журнальной статьи позволяют остановиться лишь на некоторых вопросах правового регулирования условий труда членов промысловых артелей применительно к отдельным институтам советского трудового права.

Условия труда членов промысловых артелей регулируются положением о промысловой кооперации, утвержденным ЦИК и СНК СССР 11 мая 1927 г., примерным уставом кооперативной промысловой артели (1953 г.), примерными правилами внутреннего трудового распорядка промысловых артелей (1954 г.), а также постановлениями и указаниями вышестоящих союзов и советов промысловой кооперации, являющимися для артелей обязательными. В артелях инвалидов действуют особый устав и правила внутреннего трудового распорядка, отражающие особенности условий труда инвалидов.

Законодательство о труде рабочих и служащих (кодексы законов о труде союзных республик и другие законы и постановления) полностью распространяется на условия труда членов промысловых артелей, работающих в общих мастерских, только в части охраны труда, техники безопасности и производственной санитарии, а также в части норм по охране труда женщин и несовершеннолетних. Так на условия труда членов промысловых артелей, работающих в общих мастерских, распространено действие ст. ст. 129—134, 138—150 Кодекса законов о труде РСФСР.

Остальные нормы законодательства о труде рабочих и служащих применяются к членам промысловых артелей лишь в тех случаях, когда это прямо предусмотрено в уставе артели, в правилах внутреннего трудового распорядка артели и в постановлениях и указаниях высших кооперативных органов.

Возникновение и прекращение трудовых правоотношений членов артелей имеют ряд особенностей. Сторонами трудового правоотношения в артелях являются член артели и артель

(общее собрание), от имени которой действуют ее исполнительные органы (правление, председатель правления артели). Прием в члены артели производится общим собранием, но последнее своим постановлением вправе поручить прием в члены артели правлению. Факт приема в члены артели порождает у вступившего право на получение работы в мастерской артели, а возложение правлением на нового члена артели определенной трудовой функции окончательно закрепляет возникшее трудовое правоотношение.

Трудовое правоотношение оформляется артелью путем выдачи членской и расчетной книжек вновь принятому члену артели. Действующий устав промысловой артели не предусматривает приема в члены артели с испытательным сроком. Поэтому лицо, принятое в состав артели, не может быть отчислено как не выдержавшее испытания (в подобных случаях работника переводят на другую работу).

Постоянная трудовая функция (работа, разряд, должность) вновь принятого члена артели устанавливается постановлением правления артели в соответствии с правилами внутреннего трудового распорядка. В отличие от трудового договора, заранее и совершенно определенно устанавливающего род деятельности принимаемого работника, вступление в артель не содержит договорного элемента о конкретной работе в мастерской, хотя предварительная информация о будущей трудовой деятельности члена артели предполагается¹. В артелях также обязательно использование работника в соответствии с квалификацией, но это не обуславливается заранее и носит более общий характер.

Такая трактовка в основном соответствует уставу артели, который указывает, что никто из членов артели не вправе отказываться от порученной ему работы, и ст. 15 постановления ЦИК и СНК СССР от 11 мая 1927 г., предусматривающей, что распределение работы в артели производится правлением согласно правилам внутреннего трудового распорядка.

Круг обязанностей членов артели и распределение работы между членами артели устанавливаются правилами внутреннего трудового распорядка артели, т. е. общим собранием самих членов артели.

Основаниями для прекращения трудового правоотношения члена артели являются исключение или выход из членов артели. Правление артели ставит перед общим собранием членов артели вопрос об исключении неисправимых членов из артели при условии, что к ним были приняты меры воспитания и наказания, которые оказались недейственными.

Исключение из членов артели влечет за собой и прекращение трудовых правоотношений. Впредь до решения общим собранием членов артели вопроса об исключении член артели может быть по постановлению правления временно отстранен от работы на срок не свыше одного месяца. Трудовые правоотношения на этот период приостанавливаются. Если в течение одного месяца с момента отстранения члена артели общее собрание не вынесет постановления об его исключении, то отстраненный член артели приобретает право требовать восстановления на прежней работе.

Характерным является иск члена артели К. к артели «Кооперативный труд» о восстановлении на работе. К. был постановлением правления снят с работы и уволен из артели без решения общего собрания. Московский областной суд указал в своем определении, что устав не дает права правлению исключать из членов артели, и восстановил К. на работе с оплатой за вынужденный прогул за двадцать рабочих дней.

¹ См. А. Е. Пашерстник, Право на труд, 1951, стр. 196.

Прекращение трудовых правоотношений у члена артели может иметь место или в связи с его исключением или с выходом из состава членов артели (по инициативе самого члена артели). Поэтому, если в артели происходит сокращение управленческого аппарата, изменяется профиль производства, реорганизуется цех и т. д., то подобные обстоятельства не дают основания для прекращения с отдельными членами артели трудовых правоотношений. В этих случаях правление артели и промысловый союз принимают меры к переводу членов артели на другую работу внутри артели или же в другую артель в той же местности. Для перехода в другую артель необходимо согласие переводимого члена артели. Лица, несогласные с изменением характера работы, могут выбыть из состава членов артели в порядке ст. 22 устава.

Что касается обнаружившейся непригодности члена артели к выполняемой работе, в частности, при систематическом невыполнении норм выработки, то в зависимости от наличия вины работника правление артели вправе принять соответствующие меры или оказывает помощь члену артели в освоении профессии. Возможен при этом и перевод на другую работу.

Выплата выходного пособия при выходе из состава артели (независимо от причины выхода) не предусмотрена. Поэтому правильно было отменено в порядке надзора решение народного суда 1-го участка Грайворонского района, который взыскал выходное пособие в пользу члена артели Д., выбывшего из артели имени Фрунзе в связи с отсутствием должной квалификации. Суд в данном случае неправильно применил ст. 88 Кодекса законов о труде.

Формулировка исключения из членов артели, записываемая в членскую книжку исключенного, должна соответствовать ст. 21 устава. Например, при исключении из членов артели за систематические проступки и нарушения устава в членской книжке исключенного указывается, что он исключен «за систематическое нарушение трудовой дисциплины и устава». Допущение в этих случаях иных произвольных формулировок исключения из членов артели может привести к нарушению социалистической законности.

Незаконные и неправильные формулировки исключения из членов артели могут быть обжалованы в суд. Народный суд 2-го участка Мурома при рассмотрении иска члена артели З. к артели «Розничник» об изменении формулировки исключения установил, что З. исключен из артели с формулировкой «за растрату». Суд признал, что эта формулировка неправильна и обязал ответчика привести ее в соответствие со ст. 22 устава.

Восстановление в правах члена артели, неправильно исключенного из артели, восстановление на работе члена артели, отстраненного от работы, задержка расчета или выдачи членской книжки при уходе из артели, а также внесение в членскую книжку исключенного незаконных записей дают право члену артели на возмещение вынужденного прогула, если последний вызван неправильными действиями органов артели.

Народный суд 2-го участка Советского района Москвы по иску члена артели М. взыскал в его пользу в связи с задержкой расчета по вине артели за вынужденный прогул в размере двадцати рабочих дней. Суд установил, что задержка расчета при уходе из артели препятствовала истцу в устройстве на другую работу.

Вопросы увольнения лиц, не состоящих членами артели, но работающих в артелях, регулируются общими нормами трудового законодательства (ст. 47 Кодекса законов о труде). В практике работы артелей иногда возникают споры о возможности увольнения постоянного работника (не

состоящего членом артели) на том основании, что правление намерено его заменить членом артели. Еще в 1928 году судебные органы по конкретному делу высказали мнение, что замена лица, не состоящего членом артели, членом артели не противоречит ст. 47 Кодекса законов о труде и дает законное основание для увольнения лица, не состоящего членом артели, по п. «а» ст. 47 Кодекса законов о труде («Судебная практика» 1929 г. № 1).

Перевод в другую артель оформляется с согласия переводимого по указанию промыслового союза (с соблюдением требований устава), а индивидуальный переход из одной артели в другую — путем выхода из членов одной артели и вступления в состав другой артели. Поэтому народный суд 6-го участка Краснопресненского района Москвы совершенно правильно восстановил на работе члена артели Д., которая была освобождена от работы в артели «Швейдежда» за то, что отказалась от перевода в другую артель.

Правила внутреннего трудового распорядка подробно регулируют вопросы и о материальной ответственности члена артели за имущественный ущерб, причиненный по его вине общественной собственности артели. Наложение дисциплинарных взысканий осуществляет в порядке единоначалия председатель правления, а если член артели не согласен с взысканием, то он может обжаловать взыскание правлению или общему собранию.

Так, член артели М. за систематическое нарушение трудовой дисциплины была переведена на нижеоплачиваемую работу. Правление и общее собрание подтвердили правильность перевода. Народный суд 9-го участка Москворецкого района Москвы, рассмотрев дело по иску М. к артели, признал перевод правильным. Нам представляется, что это дело не подведомственно судебным органам, так как вопросы перевода на другую работу, в том числе в связи с нарушением трудовой дисциплины, разрешаются согласно уставу (ст. 13) исключительно во внутрикооперативном порядке. М. решение общего собрания могла обжаловать в промысловый союз.

Устав кооперативной промысловой артели предусматривает систему прав и обязанностей ее членов, направленную на выполнение и перевыполнение производственных планов артели и на неуклонный рост материального благосостояния и культурного уровня членов артели. Социалистическая законность способствует дальнейшему развитию и укреплению промысловой кооперации.

Основой при разрешении жалоб и трудовых споров членов артелей является строжайшее соблюдение устава кооперативной промысловой артели. Жалобы и трудовые споры членов артелей разрешаются как во внутрикооперативном порядке, так и в судебном. Поэтому прежде всего необходимо рассмотреть вопрос о классификации и подведомственности трудовых споров членов артелей.

Трудовые споры членов артелей можно разделить на споры: об установлении условий труда и оплаты в связи с проведением в жизнь внутреннего трудового распорядка (соблюдение режима рабочего времени и отдыха, а также правил об охране труда, изменение круга обязанностей работника, перевод на другую работу, обжалование дисциплинарного взыскания и т. д.); о взыскании основного и дополнительного вознаграждения и компенсации, предусмотренных законодательством и внутрикооперативными актами (уставом, правилами внутреннего трудового распорядка, постановлениями и указаниями центральных органов промысловой кооперации, решениями общего собрания артели); об исключении из членов артели, об отстранении от работы и об оплате за вы-

нужденный прогул, об изменении формулировки исключения; в связи с применением правил о материальной ответственности членов артели за имущественный ущерб, причиненный по их вине артели.

Согласно правилам внутреннего трудового распорядка промысловой артели все жалобы и заявления на неправильные действия работников артели должны быть разобраны председателем правления в трехдневный срок. Жалобы на неправильные действия председателя подаются правлению артели, а в случае отказа правления удовлетворить жалобу — общему собранию или вышестоящему промысловому союзу.

Жалобы на решения общего собрания подаются в вышестоящие органы промысловой кооперации, указания которых для артели обязательны. Однако вышестоящие органы промысловой кооперации свои указания по жалобам дают в форме рекомендации пересмотра первоначального решения общего собрания.

Подведомственность трудовых споров членов промысловых артелей имеет ту особенность, что любой трудовой спор (жалоба) подлежит разрешению во внутрикооперативном порядке. Что касается судебных органов, то к их компетенции относятся так называемые исковые споры и те трудовые споры членов артелей, которые одновременно являются спорами о праве гражданском (т. е. исключение из состава артели и споры о лишении или уменьшении дополнительного заработка — доли прибыли).

Исходя из этого критерия, являются неподведомственными судебным органам лишь трудовые споры об установлении условий труда и оплаты в артелях, а также споры в связи с проведением в жизнь внутреннего трудового распорядка (в том числе споры по поводу переводов на другую работу и о наложении дисциплинарных взысканий). Споры о переводах и о снятии дисциплинарных взысканий в силу прямых указаний устава (ст. ст. 13 и 21) разрешаются исключительно во внутрикооперативном порядке и к числу исковых отнесены быть не могут.

Если трудовой спор члена промысловой артели подведомственен и органам промысловой кооперации и судебным органам, то от усмотрения члена артели зависит избрать место разрешения спора.

Вышестоящие органы промысловой кооперации рассматривают жалобы членов артелей по любому трудовому спору. Отказ в положительном разрешении жалобы со стороны вышестоящих органов промысловой кооперации не лишает жалобщика права обращаться в суд, если дело последнему подведомственно. Суд, не будучи связан существом решения органов промысловой кооперации, может использовать весь материал, собранный в процессе рассмотрения жалобы, для наиболее полного решения дела в суде.

В судебных органах трудовые споры членов промысловых артелей рассматриваются на тех же основаниях, как и трудовые споры рабочих и служащих. В частности, к искам по трудовым спорам членов промысловых артелей и членов артелей инвалидов применяются сокращенные сроки давности, предусмотренные постановлением ЦИК и СНК СССР от 29 августа 1928 г., они освобождаются от судебных пошлин.

Трудовые споры, возникшие на почве применения труда в промысловой кооперации, — указывает постановление Пленума Верховного суда СССР от 11 января 1952 г., — а также споры, связанные с исключением из членов артелей, подлежат судебному рассмотрению (это относится и к трудовым спорам членов артелей инвалидов).

Поэтому неправильно поступил народный судья 2-го участка г. Павлово Горьковской области, отказав в приеме искового заявления члену артели К. по делу его с артелью «Красный Октябрь» об оплате за

вынужденный прогул, связанный с незаконным снятием с работы (К. был восстановлен вышестоящими органами промысловой кооперации). Народный судья мотивировал в своей резолюции отказ в приеме искового заявления тем, что подобные споры могут разрешаться исключительно во внутрикооперативном порядке. Резолюция народного судьи была отменена высшим судебным органом по протесту органов прокуратуры.

Судебные органы не связаны, как правило, с обязательностью предварительного рассмотрения жалобы члена промысловой артели во внутрикооперативном порядке. Исключения составляют трудовые споры о восстановлении в правах члена артели, так как здесь необходимо предварительное обращение жалобщика в промысловый союз (совет) областного масштаба (см. ст. 21 устава). В этой части примерный устав кооперативной промысловой артели 1953 года вносит новое положение, так как до сих пор лица, исключенные из промысловой артели, могли обращаться в суд сразу после решения общего собрания.

Однако судебные органы не всегда правильно применяют ст. 21 устава артели о предварительном рассмотрении вопроса об исключении из состава членов артели во внутрикооперативном порядке. Судебные работники иногда отказывают в приеме жалобы на неправильное исключение из членов артели на том основании, что данный вопрос не разрешен общим собранием и областным промысловым союзом, а решен только правлением артели. Обязанность обращения к общему собранию лежит согласно ст. 21 устава не на жалобщике, а на правлении, которое в этих случаях ставит вопрос перед общим собранием об исключении нарушителя. До решения общего собрания член артели считается не исключенным, а отстраненным, и может обращаться в суд в случае нарушения порядка отстранения (отсутствия соответствующего постановления правления, превышения месячного срока отстранения и т. п.). Если же правление вопреки уставу не отстранило, а исключило члена артели (без передачи дела на решение собрания), то, как нам кажется, суд, не ожидая истечения месячного срока отстранения и предварительного обращения в областной промысловый союз, обязан принять исковое заявление и восстановить члена артели на работе по мотивам грубого нарушения устава. Возложение на жалобщика обязанности обращаться к общему собранию по вопросу о неправильном его исключении правлением артели, во-первых, противоречит уставу артели и, во-вторых, нарушает права члена артели, ибо созыв собрания зависит от правления артели—органа, на действия которого приносится жалоба.

Нельзя согласиться, например, с определением Московского областного суда, который отменил решение народного суда 6-го участка Кунцевского района по иску члена артели М. к артели «Красное знамя» о восстановлении на работе и прекратил дело по неподведомственности ввиду того, что М., будучи исключен из артели правлением, предъявил судебный иск, не обратившись сам предварительно к общему собранию и в областной промысловый союз.

Московский городской суд прекратил дело по иску члена артели Л. к артели «Фотосбыт» (дело народного суда 5-го участка Свердловского района) о восстановлении на том основании, что Л. была снята с работы правлением, к общему собранию сама не обращалась и поэтому дело на данной стадии суду не подведомственно.

В этой связи несомненный интерес представляет определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР по иску члена артели Б. к артели «Мострико-связь» о восстановлении на работе и об оплате за вынужденный прогул. Член артели Б., приемщик-весовщик мотально-трикотажного цеха, был отстранен от работы за

отказ подписать договор о материальной ответственности и перейти на работу кладовщика цеха, а затем был уволен руководителем артели. Народный суд 8-го участка Железнодорожного района Москвы удовлетворил иск Б. Московский городской суд прекратил дело по неподведомственности его судебным органам на данном этапе разбирательства, поскольку истец сам не обратился к общему собранию и в областной промысловый союз. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР в своем определении указала, что исключать из состава членов артели правомочно лишь общее собрание, что ставить вопрос перед общим собранием должен не истец, а правление, и что народный суд правильно разрешил вопрос о Б., исходя из незаконности его отстранения.

Суды обязаны восстанавливать на работе членов артели, неосновательно отстраненных от работы, в частности при нарушении предельного месячного срока отстранения.

Народный суд 1-го участка Пошехоно-Володарского района отказал в иске С., члену артели «Пятилетка», о восстановлении на работе. При отмене решения народного суда в порядке надзора Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР указала, что С. не была исключена из артели, а временно отстранена распоряжением председателя правления, что артель обязана предоставить работу своему члену и что даже если член артели освобождается от работы по таким мотивам, как сокращение объема работы, то суд обязан проверить обоснованность отстранения.

При разрешении вопроса об обоснованности исключения из членов артели суд не может пройти мимо как существа мотивов исключения, так и соблюдения порядка исключения (соблюдение кворума и т. п.). В случае признания исключения неправильным суд выносит решение о восстановлении на работе.

Народный суд 2-го участка Краснопресненского района Москвы, рассматривая дело по иску члена артели Б. к артели «30 лет Октября» о восстановлении на работе, установил, что истец был исключен из членов артели в нарушение устава, что вопрос об исключении был включен в повестку дня тут же на собрании и, несмотря на отсутствие кворума, собрание приняло решение об исключении Б. за дискредитирование правления и за нарушение трудовой дисциплины. Суд восстановил Б. на работе с оплатой за вынужденный прогул за двадцать рабочих дней.

Постановление Пленума Верховного суда СССР от 11 января 1952 г., распространяя на трудовые споры членов артелей обычный порядок судебного рассмотрения трудовых споров, в частности в отношении исковой давности, дает все основания и для применения ст. 4 постановления СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. об ограничении взыскания за время вынужденного прогула при восстановлении истца в правах члена артели на работе двадцатью днями. Судебная практика твердо встала на этот путь.

Подчас на практике вызывает сомнение вопрос о подведомственности судебным органам споров о наличии или отсутствии производственных упущений, послуживших поводом к уменьшению или лишению премии, предусмотренной действующей в артелях поощрительной системой оплаты труда для руководящего, инженерно-технического состава и служащих артелей. Подобные трудовые споры в государственных предприятиях прямо отнесены к компетенции судебных органов постановлением Пленума Верховного суда СССР от 11 января 1952 г. (п. 11), причем суд не входит в обсуждение размеров самой премии. Учитывая единство принципов поощрительной системы оплаты труда в промысловой

кооперации и в государственной промышленности и одинаковое правовое содержание споров, возникающих при применении этих систем, нет никаких оснований лишать права членов артелей обращаться по таким трудовым спорам в суд. Это находит свое подтверждение и в указанном постановлении Пленума Верховного суда СССР от 11 января 1952 г. (п. 10). Споры же о задержке, лишении или уменьшении доли прибыли (дополнительного заработка) являются спорами о праве гражданском, вытекающими из членства в кооперативной организации, и безусловно подведомственны судам.

При рассмотрении споров о лишении члена артели причитающейся ему доли прибыли или уменьшении ее размера суд проверяет наличие или отсутствие нарушения жалобщиком трудовой дисциплины и устава артели, что явилось поводом к исключению его из участия в распределении прибыли или уменьшении его доли.

Подведомственны судам и споры о прекращении трудовых правоотношений по инициативе лиц, вышедших из артели, если данное основание для прекращения трудового правоотношения указано в законодательстве о труде (ст. 4 указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. и другие постановления), в том числе в случае желанья члена артели перейти на работу в государственную промышленность.

Упорядочение рассмотрения трудовых споров членов артелей в судебных органах требует прежде всего уточнения подведомственности разных категорий споров судебным органам. Это приведет к более активному участию судов в рассмотрении трудовых дел членов артелей и окажет значительную помощь органам промысловой кооперации в укреплении социалистической законности.

Мы полагаем, что в целях усиления борьбы с нарушениями уставного порядка исключения из членов артелей следует в этих случаях восстанавливать жалобщиков без рассмотрения дела по существу с обязательным вынесением частного определения и с отнесением в порядке ст. 172-а ГПК РСФСР расходов по оплате вынужденного прогула за счет руководителей артели.

Судебные и прокурорские органы должны уделять больше внимания законности разрешения трудовых споров членов артелей. Осуществляя надзор за законностью актов органов управления промысловой кооперации, прокуратура обязана во-время реагировать на нарушения прав и охраняемых законом интересов членов артелей, ставить вопрос об ответственности должностных лиц за нарушение устава. Некоторые областные и республиканские суды почти не изучают судебной практики по трудовым спорам членов артелей. Это неправильно. Надо устранить недооценку этой категории дел.

СУДЕБНЫЕ РЕШЕНИЯ ПО ИСКАМ ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ ИМУЩЕСТВА ИЗ ОПИСИ

Н. Чечина

Кандидат юридических наук

Целью данной статьи является попытка путем анализа процессуальных ошибок, допускаемых отдельными народными судами Ленинградской области при вынесении решений по искам об исключении имущества из описи, определить особенности содержания решений по этой категории дел.

Всякое судебное решение должно быть составлено в соответствии со ст. 176 ГПК РСФСР, однако каждая категория дел имеет определенные черты решения, присущие только ей.

Во многих изученных мною решениях ответчик во вводной части не указан. Отсутствие в решении указания, кто по делу является ответчиком, не есть отсутствие формального элемента, а является существенным нарушением закона. Иск предъявляется не к любому неопределенному гражданину или юридическому лицу, а к строго определенному физическому или юридическому лицу, которое предполагается в момент предъявления иска.

Для всякого искового процесса характерно и необходимо наличие спора о праве гражданском, и раз есть спор, следовательно, есть сторона, оспаривающая субъективное гражданское право и указание на него во вводной части решения суда обязательно (см. постановление Пленума Верховного суда СССР от 19 марта 1948 г. «О судебной практике по делам об исключении имущества из описи»).

Может быть, по этим делам ответчик не указывается из-за неясности, к кому иск предъявлен?

Утвердительный ответ здесь был бы неправильным, так как в постановлении от 19 марта 1948 г. ясно и точно говорится: «Надлежащим ответчиком по искам об исключении имущества из описи является должник, у которого произведена опись имущества, и те организации и лица, по претензиям которых было описано у должника имущество. Если опись произведена в связи с приговором о конфискации имущества, то в качестве ответчика должен быть привлечен финансовый отдел местного совета депутатов трудящихся, а если имущество реализовано, то и те учреждения или организации, которым передано конфискованное имущество».

Еще более недопустимо, когда во вводной части решения ответчик именуется третьим лицом. Это свидетельствует о непонимании сущности третьего лица в процессе.

Не все изученные нами решения по делам рассматриваемой категории содержат необходимые элементы описательной части. Так в решении по делу № 2—122 народного суда 1-го участка Новоладожского района Ленинградской области вообще отсутствует описательная часть. После вводной части сказано: «Судоговорением установлено, что истица состоит в зарегистрированном браке и потому...» далее следует резолютивная часть.

В решении того же суда по делу № 2—108 есть описательная часть, но она почему-то излагается после мотивировочной части и потому теряет всякий смысл, ибо мотивировочная часть должна быть анализом всех материалов, изложенных в описательной части, и вытекать из них. Описательная часть изложена следующим образом: «Истица просит выделить ей долю имущества (следует перечень имущества) и освободить его из описи». Почему она этого просит, на чем основывает свои требования, — из решения не видно. Далее сказано: «Представитель ответчика иск признал частично» (но нет указания, в какой части и как именно — по праву или по размеру).

В решении по делу № 2—9 народного суда 2-го участка Парголовского района описательная часть такова: «Материалами дела и судовоговорением установлено», т. е. по существу описательная часть отсутствует.

В решении народного суда 1-го участка Капшинского района Ленинградской области по делу № 2—488 вся описательная часть сводится к словам: «Выслушав объяснения истца, показания свидетелей, рассмотрев материалы дела».

В ряде других решений, в которых есть описательная часть, существо свидетельских показаний в ней совершенно не отражено (решение народного суда Волосовского района Ленинградской области по делу № 2—101).

В изученных нами решениях почти не встречаются указания на содержание иных доказательств, которые по данной категории дел являются обязательными (например, опись имущества, копия приговора).

Основной вопрос, который в соответствии со ст. 2 постановления Пленума Верховного суда СССР от 19 марта 1948 г. должен разрешить суд при рассмотрении дел об исключении имущества из описи, это вопрос о том, является ли истец действительно собственником или правомерным владельцем спорного имущества. Право собственности и право владения могут быть подтверждаемы любыми доказательствами. Суд обязан потребовать от истца представление необходимых доказательств, а в описательной части должно быть дано краткое указание на доказательства, представленные истцом в подтверждение его прав.

Допустимость того или иного доказательства по конкретному делу зависит от того, на чем истец основывает свое право на иск. Если приобретение права собственности истца основано на договоре, который должен быть заключен в письменном виде или в нотариально удостоверенной форме, свидетельские показания по этим искам не допускаются (ст. ст. 35, 72, 182 ГК РСФСР и ст. 128 ГПК РСФСР). Если это право личной собственности истца покоится на другом основании, то истцу нужно подтвердить правомерность своего права соответствующими доказательствами.

Если иск основан на праве общей или совместной собственности, суд, вынося решение по иску об освобождении имущества от описи, должен одновременно произвести раздел общего или совместного имущества.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в одном из своих определений указывает: «Суд по делам об исключении из описи имущества, составляющего общую совместную собственность супругов, обязан установить долю супруга в общем имуществе, указать, какое конкретно из описанного имущества должно быть выделено на долю должника, и исключить из описи имущество, причитающееся другому супругу»¹.

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 10, стр. 40—41.

Если иск предъявлен не собственником, то истец должен доказать, что он является правомерным владельцем этой вещи на основании соответствующего правового акта (например, договора хранения, договора аренды и т. п.).

В определении Верховного суда СССР № 36/705 по иску Петравичене об исключении имущества из описи указывается: «Если общее имущество описано в возмещение ущерба от хищения, растраты или присвоения социалистической собственности, суд при рассмотрении иска об исключении такого имущества из описи должен выяснить, когда и при каких обстоятельствах было приобретено данное имущество»¹.

В описательной части решения суда должно быть указано: 1) на основании чего, кем и когда произведена опись; 2) содержание исковых требований истца со ссылкой на все представленные им доказательства; 3) содержание возражений ответчика и описание представленных им доказательств. Если основанием для описи является приговор, то в описательной части решения суда должна быть ссылка на копию его (которая обязательно должна быть в деле) и на то, описано ли имущество для удовлетворения гражданского иска, который был предъявлен в уголовном деле, и удовлетворен ли иск судом, или оно описано во исполнение приговора в части конфискации имущества осужденного.

Несмотря на существенность этих обстоятельств для правильного решения дела, некоторые суды не включают этих данных в описательную часть решения, не говоря уже о том, что в ряде изученных дел не было такого безусловно обязательного доказательства, как копия приговора, что представляет грубое нарушение п. 6 постановления Пленума Верховного суда СССР от 19 марта 1948 г.

Указание на такую ошибку содержится в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР по делу по иску Гайшвили об исключении имущества из описи: «В материалах дела нет приговора суда об осуждении сына истицы в 1941 году за присвоение и растрату государственных средств»².

В отдельных решениях судов имеет место только следующее указание: «Судебным исполнителем была произведена опись имущества», или указан номер описи, в которую включено оспариваемое имущество, что является тоже неправильным.

В мотивировочной части решения некоторые судьи также допускают ошибки. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР по делу Петравичене об исключении имущества из описи указывает, что народный суд вынес необоснованное решение. Решение это отменено как неправильное, так как судом не было установлено, кому принадлежит право собственности на спорный дом, — истице или ее дочери; суд же указал только на то, что опись имущества составлена правильно. Только после установления собственника описанного дома следовало выяснить, при каких обстоятельствах это право приобретено.

Иногда суды вместо анализа правоотношений ограничиваются одной фразой: «судоговорением установлено...» (например, что истица состоит в зарегистрированном браке с ответчиком — дело № 2 — 103, 1950 г. народного суда 1-го участка Новоладожского района Ленинградской области).

Между тем в мотивировочной части должен быть дан анализ доказательств, на основании которых судом установлены те или иные правоотношения сторон.

¹ Судебная практика Верховного суда СССР* 1951 г. № 2, стр. 45.

² Судебная практика Верховного суда СССР* 1951 г. № 3, стр. 41.

Неправильной является мотивировочная часть решения, изложенная следующим образом: «Судебным исполнителем была произведена опись имущества, показанием свидетеля подтверждается, что все вещи приобретены Румянцевым, причем на его личные средства» (дело № 2—8 народного суда 3-го участка Парголового района Ленинградской области). Здесь нет ни анализа доказательств, ни указания на факты, установленные судом.

Неправильной является и такая мотивировочная часть решения, когда нет анализа доказательств, а есть только ссылка на них, — каково отношение к ним суда, вынесшего решение, не смогут установить ни суд второй инстанции, если он будет пересматривать данное решение, ни стороны, на которых решение распространяется.

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР по иску Лось об исключении имущества из описи отменены решения народного суда и определение Верховного суда Латвийской ССР вследствие того, что суд не дал должного анализа имеющимся в деле доказательствам и не мог при помощи их установить наличие или отсутствие спорного права: «Допрошенные народным судом свидетели Мендельсон, Эренбург и Левкович показали, что вещи, названные истицей в заявлении, они видели у нее до выхода ее замуж за Зильбермана. Свидетель Левкович, кроме того, заявил о том, что эти вещи истица купила у гр-ки Сеглиньи. Эти свидетельские показания ничем не опровергнуты и не опровергнуты, поэтому отказ суда в удовлетворении иска Лось по мотивам недоказанности исковых требований является неправильным»¹.

В мотивировочной части, после того как правоотношения сторон судом выяснены и обоснованы доказательствами, должна быть дана юридическая квалификация установленных фактов, т. е. необходимо указать, на основании какой правовой нормы данное имущество является собственностью истца (например, раздел совместной собственности супругов — ст. 10 Кодекса законов о браке, семье и опеке), на основании какого закона данное имущество подлежит исключению из описи и какими процессуальными нормами суд руководствовался при рассмотрении этого дела.

В резолютивной части решения, которым иск об исключении имущества из описи удовлетворен, должно быть указано: за кем (имя, отчество, фамилия) и на какие вещи (точный перечень) признано право собственности.

В резолютивной части решения должно быть указано на исключение из описи того имущества, собственником которого признан истец или на которое признано правомерным его владение, причем должен быть указан точный перечень вещей, подлежащих исключению, и именно из какой описи.

Имущество, исключаемое из описи, должно быть точно поименовано, причем так, чтобы его действительно возможно было исключить из описи и передать собственнику, а не так, как, например, сказано в решении по делу № 2—111 народного суда Ефимовского района Ленинградской области: «Изъять из описи 1/2 дома, 1/2 амбара, 1/2 бани».

Пункты 9 и 10 постановления Пленума Верховного суда СССР от 19 марта 1948 г. указывают: «Имущество, исключенное из описи, должно быть возвращено в натуре». Если имущество реализовано, то суд «с согласия истца и при имеющейся возможности может присудить истцу другое равноценное имущество того же рода». При невозможности

¹ „Судебная практика Верховного суда СССР“ 1950 г. № 10, стр. 41.

этого, если приобретатель описанного имущества, в дальнейшем его реализовавший, был добросовестным, он должен вернуть деньги, вырученные от продажи этой вещи; если же был недобросовестным приобретателем, то вернуть фактическую стоимость имущества.

Резолютивная часть должна быть изложена в категорической форме, должна быть совершенно определенной, чтобы она могла быть полностью включена в исполнительный лист и допускала принудительное исполнение решения.

В решении народного суда должен быть указан порядок и срок обжалования решения. Не во всех изученных мною решениях было указано то и другое. В решениях же народного суда 2-го участка Парголово района Ленинградской области просто указывается: «подлежит обжалованию в Ленинградском областном суде». Такое сокращение недопустимо, так как является простой отпиской, не раскрывая гражданам порядка и срока обжалования решений.

Решение по каждому конкретному делу имеет огромное воспитательное значение, — оно выражает отношение государства к тем или иным правовым явлениям.

Для того чтобы решение могло выполнять воспитательную роль, оно должно быть правильным по существу, убедительным и грамотным по форме.

ВЗЫСКАНИЕ АЛИМЕНТОВ НА ДЕТЕЙ, ПОМЕЩЕННЫХ В ДОМА РЕБЕНКА

Э. Арлазорова, А. Пергамент

Советское семейное право всемерно охраняет права родителей, в том числе основное право родителей — право на личное воспитание своих детей. В то же время государство широко приходит на помощь родителям в воспитании детей: воспитание в семье сочетается с общественным воспитанием в многочисленных и разнообразных государственных учреждениях — в яслях, детских садах, школах, в ремесленных училищах, пионерских лагерях и т. п.

Воспитание детей в стране социализма — это источник радости, удовлетворения естественного чувства материнства и отцовства.

Право родителей на воспитание своих детей вместе с тем является их основной обязанностью. Эту обязанность с честью и любовью выполняют советские граждане. Однако еще окончательно не искоренены факты, когда родители уклоняются от выполнения этой своей обязанности. Тех родителей, которые не воспитывают сами своих детей, закон обязывает обеспечить их содержание. Обязанность содержать своих детей сохраняется в полной мере и в тех случаях, когда родители лишаются родительских прав и ребенок передается на воспитание другим (ст. 46 Кодекса законов о браке, семье и опеке).

Никаких оснований для освобождения родителей от обязанности содержать детей, помещенных в дом ребенка, по нашему мнению, не может быть и в тех случаях, когда родители по окончании срока, на который был принят ребенок, отказываются взять его обратно, а также в тех случаях, когда ребенок был помещен в дом ребенка не по соглашению с родителями, а вследствие того, что они не осуществляли должным образом воспитание ребенка и его пришлось поместить в закрытое детское учреждение.

В бланке путевки, по которой ребенок направляется в дом ребенка, при перечислении прилагаемых к путевке документов указывается «соглашение с родителями о сроке пребывания и об оплате за содержание»¹. Однако никаких других указаний в ведомственных инструкциях о порядке привлечения родителей к участию в содержании детей не содержится. Отсутствие таких специальных указаний на практике приводит к тому, что администрация многих домов ребенка не затрудняет себя взысканием с родителей следуемых средств на содержание их детей и относит полностью за счет государства воспитание и этой категории детей.

Такая практика, по нашему мнению, приводит к расходованию государственных средств на те цели, на которые должны быть обращены средства родителей. Иногда причиной помещения маленького ребенка в дом является смерть матери, т. е. невозможность для отца осуществлять уход за грудным ребенком. Но привязанность отца к ребенку во время пребывания его в доме ребенка иногда ослабевает, у отца появляется новая семья, и, когда ребенок достигает возраста, в котором

¹ См. «Указания по обслуживанию детей в домах ребенка», Медгиз, 1949, стр. 109.

он может быть безболезненно возвращен отцу, последний не торопится его взять. То обстоятельство, что отец даже материально не участвует в воспитании ребенка, еще более ослабляет чувство ответственности перед ребенком. В результате ребенок становится сиротой при живом отце.

Считая родителей обязанными участвовать в содержании своих детей, дома ребенка Московской области при отказе родителей в уплате следуемых средств стали предъявлять к ним иски об алиментах на основании ст. ст. 42 и 51 Кодекса законов о браке, семье и опеке.

Значительное разноречие судебной практики по этим делам требует обсуждения этого вопроса в печати. В большинстве случаев иски домов ребенка были удовлетворены, но в одних случаях алименты были взысканы в процентном отношении к заработку родителей, в других — размер алиментов был установлен в определенной денежной сумме. Встречались также отказы в удовлетворении исковых требований. Чтобы прийти к определенным выводам, необходимо проанализировать как имеющийся нормативный материал, так и судебную практику.

Исходя из смысла ст. 42 Кодекса законов о браке, семье и опеке, следует прийти к выводу, что обязанность родителей содержать своих детей сохраняется в полной мере и при помещении ребенка в закрытое детское учреждение. Верховный суд РСФСР давал в свое время по этому вопросу прямые указания. Так в инструктивном письме Верховного суда РСФСР по алиментным делам от 11 июня 1929 г. указывалось: «В тех случаях, когда беспризорные дети находятся в домах ребенка, детских колониях и других детских учреждениях, иски об алиментах обычно предъявляются местными отделами народного образования, советами социальной помощи и т. п. Такого рода практика должна быть признана правильной, так как учреждения и организации, на попечении коих находятся несовершеннолетние, являются их законными представителями». Аналогичные указания давались и Президиумом Верховного суда РСФСР в постановлении от 23 августа 1935 г. «Ввиду того, — говорится в этом постановлении, — что помещение несовершеннолетних детей в детские дома, трудовые колонии и т. п. не освобождает родителей от обязанности нести расходы по содержанию и воспитанию ребенка, разъяснить, что родители и лица, обязанные по судебному решению выплачивать алименты на содержание детей, обязаны вносить присужденные с них суммы в те детские учреждения, куда дети переданы на воспитание».

Исходя из этих положений, суды в большинстве случаев удовлетворяют предъявленные иски. Так, например, народный суд 2-го участка Мытищинского района Московской области решением от 1 февраля 1952 г. удовлетворил иск Перловского дома ребенка к П. о взыскании средств на содержание его сына Игоря, взыскав с П. одну четвертую часть со всех видов заработка. Судебная же коллегия по гражданским делам Московского областного суда отклонила жалобу П. и оставила решение в силе.

Однако к иному выводу о размере алиментов пришел Верховный суд РСФСР в своем определении по делу А. от 12 января 1953 г. Отменяя решение народного суда Ленинского района Московской области от 21 ноября 1951 г., Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР указала: «Алименты на детей в долевом отношении взыскиваются лишь с одного родителя в пользу другого, у которого находятся на содержании дети. В данном случае Расторгуевский дом ребенка просит взыскать сумму в возмещение расходов, которые он несет по содержанию ребенка. При таком положении следовало решать вопрос

о взыскании с А. твердой денежной суммы в зависимости от материального положения ответчика А. ...При этих обстоятельствах народному суду надлежит выяснить материальное и семейное положение А. и определить размер взыскиваемых с него алиментов в твердой денежной сумме, соответствующей размеру расходов на содержание ребенка, а не в соответствии со ст. 51-а Кодекса законов о браке, семье и опеке».

Указанное определение, как нам представляется, не может быть признано правильным. Ни постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г., которым впервые была установлена ответственность родителей по алиментным обязательствам в долевом отношении к заработку, ни ст. 51-а Кодекса законов о браке, семье и опеке не ограничивают долевую ответственность родителей лишь теми случаями, когда иск об алименте предъявлен вторым родителем. Постановление Пленума Верховного суда СССР от 4 августа 1950 г. также подчеркивает необходимость удовлетворения исков об алименте на детей в долевом отношении к заработку ответчика, допуская определение размера алиментов в твердой денежной сумме в тех случаях, когда взыскание алиментов в долевом отношении затруднительно вследствие неопределенности заработка родителей (писатели, художники и т. п.). Поэтому утверждение в упомянутом определении, что «алименты в долевом отношении взыскиваются лишь с одного родителя в пользу другого», не основано на законе. Если стать на эту точку зрения, то придется признать, что в тех случаях, когда ребенок находится на воспитании у других родственников или опекуна, взыскание алиментов тоже может производиться только в твердой денежной сумме. Между тем на практике никогда не возникало сомнений в том, что алименты взыскиваются в этих случаях в долевом отношении к заработку. Почему, спрашивается, родители, которые отказываются от личного воспитания своих детей и поручают это воспитание другим лицам или учреждениям, должны платить алименты в меньшем размере, чем те, дети которых воспитываются у второго родителя? Такая «привилегия» для нерадивых родителей ничем не оправдывается.

Нельзя признать обоснованным и высказанное в указанном определении положение, что дом ребенка взыскивает суммы в возмещение расходов, понесенных на содержание ребенка. Согласие на помещение ребенка в дом ребенка нельзя рассматривать как договор с родителями о платном оказании услуг. Обязанность родителей в этих случаях вытекает не из гражданско-правовых обязательств, а из семейно-правовой обязанности по уплате алиментов.

Неправильное, на наш взгляд, утверждение содержит также определение Московского областного суда от 5 января 1952 г. по иску Расторгуевского дома ребенка к Г., в котором указано: «Кроме того, истец права на получение алиментов не имеет, так как это право принадлежит только физическим лицам, на содержании которых находятся дети. Государственная организация вправе взыскивать лишь установленную плату, если такая оплата предусмотрена уставом или положением». Между тем, как известно, ст. 2-а ГПК предусматривает широкий круг государственных организаций, которым предоставляется право предъявлять иски об алименте с родителей на детей. Утверждение, что право на взыскание алиментов на детей «принадлежит лишь физическим лицам», прямо противоречит указанию закона.

Мы полагаем, что практика судов, которые удовлетворяют иски домов ребенка о взыскании алиментов на воспитываемых в домах ребенка детей в долевом отношении к заработку родителей, должна быть признана правильной.

НЕУДАЧНЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ПОЛОЖЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Ю. Кубицкий

Среди многих видов криминалистической экспертизы особое и ответственное место занимает исследование различных следов. Оно сводится в основном к выявлению, оценке и сравнению тех или иных признаков объекта отождествления в обнаруженном следе. Степень достоверности экспертного заключения в этих случаях зависит от правильной оценки и совпадения признаков, положенных в основу доказательства тождества. Правильная оценка этих данных и всего процесса экспертного исследования работниками суда и следствия в значительной мере определяет возможность принятия заключения экспертизы в качестве доказательства по делу.

Наша цель — осветить некоторые основные стороны указанного вопроса:

1. В современных криминалистических руководствах при описании свойств пальцевых узоров прежде всего отмечается их строгая индивидуальность, при рассмотрении же всех прочих объектов трасологической экспертизы в учебниках не говорится, что они обладают индивидуальностью. Таким образом, невольно создается представление, что строгая индивидуальность является каким-то особым свойством пальцевых узоров, отличающим их от всех прочих объектов трасологических исследований. Между тем пальцевые узоры в отношении индивидуальности как таковой ничем не отличаются от всех прочих объектов трасологической экспертизы. В то же время их индивидуальность обладает некоторыми особыми чертами, выявление которых и представляет одну из важнейших задач экспертного исследования. В отличие от абсолютного большинства прочих объектов трасологической экспертизы пальцевым узорам присущи особые постоянные черты индивидуальности, которые и ложатся в основу несомненного доказательства тождества: во-первых, индивидуальность пальцевых узоров ярко выражена, иначе говоря, признаки пальцевых узоров, используемые для задач отождествления, характерны, множественны и легко различимы; во-вторых, эти признаки устойчивы в течение всей жизни человека, т. е. они подвергаются таким малозаметным внешним изменениям, которые в основном не влияют на строение опознавательных деталей узора.

Следовательно, предметом оценки при решении вопроса о тождестве должны являться определенные черты индивидуальности признаков объекта сравнения, в судебной же и следственной практике сплошь и рядом при оценке результатов экспертизы ставится вопрос об индивидуальности тех или иных признаков сравниваемых объектов. Надо сказать, что такая постановка вопроса приводит порой к неосновательному опорочиванию экспертиз.

Оценка сравниваемых признаков должна идти прежде всего в отношении характерности этих признаков и их устойчивости. Под характерностью сравниваемых признаков понимается выраженность их своеобразия, причем своеобразие может сказываться не только в характерности строения отдельных деталей, но, что особенно важно, в их характерной

совокупности. Под устойчивостью понимается возможность однородно повторяемого отображения тех или иных деталей отождествляемого объекта в оставляемых им следах, или, иначе, стойкость отдельных деталей отождествляемого объекта, позволяющая считать, что эти детали, отобразившись в обнаруженном следе, сохранились в принципиально неизменном состоянии к моменту экспертного исследования и в процессе экспериментов. Какое значение имеет сказанное при оценке трасологических экспертиз? В качестве примера возьмем отождествление оружия по следам его действия на стреляных гильзах. Эксперт обязан на ряде гильз, экспериментально стреляных из отождествляемого оружия, установить достаточно характерные и устойчивые детали следов. Только после этого он может сопоставлять выявленные детали с соответствующими деталями на обнаруженной гильзе. Если это условие, т. е. выявление характерных и устойчивых следов на ряде экспериментально стреляных гильз, не выполнено и не освещено в акте экспертизы и если не по ним именно производилось сопоставление со следами на обнаруженной гильзе, то экспертиза по отождествлению оружия не может считаться достоверной. Вот в чем заключается суть вопроса, а не в том, индивидуальные ли вообще следы на той или иной гильзе.

Тогда же, когда характерность и устойчивость признаков объекта отождествления обусловлены самой природой его (пальцевый узор, химический состав какого-либо вещества, группа крови и т. п.), то экспертиза по отождествлению, естественно, не нуждается в выявлении указанных черт индивидуальности путем повторных экспериментов. При этом результаты по отождествлению таких объектов должны сами по себе являться особенно убедительными.

2. При рассмотрении вопроса о дактилоскопической идентификации в криминалистических руководствах говорится, что тождество личности должно считаться установленным тогда, когда на двух сравниваемых пальцевых отпечатках найдено совпадение определенного количества деталей узора. По одним источникам требуется совпадение не менее семнадцати деталей, по другим — не менее двенадцати, а в некоторых допускается возможность ограничиваться и меньшим количеством совпадающих деталей, если они особенно характерны.

Вопрос о числе совпадающих признаков как доказательство тождества по трасологическим экспертизам имеет большое практическое значение.

Положение о необходимости наличия семнадцати-двенадцати совпадающих признаков при дактилоскопической экспертизе основано на математическом расчете по теории вероятности, который производится в соответствии с определенным условием. Оно состоит в том, что каждому пальцевому узору присущи в силу особенностей анатомического строения определенные, принципиально одни и те же, но по-разному расположенные элементарные признаки (детали) папиллярных линий, используемые во всех случаях дактилоскопической экспертизы (в данном случае нет надобности рассматривать ход расчетов, производимых по теории вероятности, — важно констатировать, что в основу этих расчетов положена определенная предпосылка).

На чем же основано утверждение, что при установлении тождества по следам обуви или орудий взлома требуется совпадение не менее двенадцати деталей двух сравниваемых объектов? Никаких доказательств в указанном направлении не приводится и приведено быть не может. Для возможности установления по теории вероятности необходимого числа совпадающих признаков, свидетельствующих о тождестве, в основу расчета должно быть положено обязательное наличие каких-либо

определенных деталей (признаков), всегда присущих данному объекту (этому требованию отвечают пальцевые узоры). Очевидно, что ни на подметке, ни на орудии взлома, оставляющих следы, не имеется никаких определенных деталей, которые были бы присущи всем подметкам или всем орудиям взлома (во всяком случае неизвестно, чтобы такие детали были кем-либо установлены). Следовательно, здесь не может быть и речи о каких бы то ни было математических расчетах, позволяющих на основании теории вероятности говорить о числе совпадений, необходимом для доказательства тождества.

Сказанное в равной мере относится и ко всем прочим объектам трасологической экспертизы, в отношении которых не установлены отмеченные выше свойства, т. е. наличие определенных признаков, наблюдающихся в тех или иных вариантах у всех объектов данного вида (например, у всех лезвий, топоров, у всех каналов стволов огнестрельного оружия и т. д.).

Возникает вполне законный вопрос: что же является критерием доказательства тождества в случаях установления его путем сравнения между собой двух (или более) объектов по совпадающим деталям, когда эти объекты не подходят под категорию, к которой, например, относятся пальцевые узоры? На это может быть дан следующий ответ: совершенство всего комплекса научного экспертного исследования и квалификация эксперта.

Квалификация эксперта сказывается в научном осуществлении всего процесса исследования, но главное в оценке качественных признаков совпадающих деталей, которые заставляют эксперта прийти к заключению о тождестве. Критерием оценки совпадающих признаков как доказательства тождества являются прежде всего своеобразие и устойчивость их. Несомненно, имеет значение и количество совпадений, но здесь оно не может быть регламентировано каким-либо числом. Количество совпадений приобретает решающее значение при установлении тождества по мало характерным признакам (деталям).

Под совершенством всего комплекса научного экспертного исследования, который в свою очередь должен подвергаться контролю работников следствия и суда при изучении заключения экспертизы, следует понимать полноценное выполнение всех необходимых этапов экспертизы: правильное и исчерпывающее описание вещественных доказательств; использование при исследовании наиболее совершенных технических методов; всестороннее выполнение всех научных требований в части анализа признаков объекта отождествления и признаков следов; получения экспериментального материала; выявления характерных и устойчивых признаков, используемых для сравнения; наиболее полное сопоставление по совпадающим признакам; объяснение обычно наблюдаемого несовпадения отдельных деталей; подробное и обстоятельное описание всех этапов исследования и вытекающих из них выводов.

3. В ряде современных криминалистических источников при классификации следов производится деление их на динамические и статические. Под динамическими следами понимаются следы скольжения, движения (след от лезвия топора на срубленной ветке, следы на пуле, прошедшей канал ствола оружия, и т. п.). Под статическими следами понимаются отпечатки, отпечатки (отпечаток ноги, след боя ударника на капсуле гильзы и т. п.).

Допустимо ли с научной точки зрения вообще говорить, что следы могут быть статическими, т. е. фиксирующими какое-то статическое явление? Конечно, нет. Всякий след, будь то отпечаток ноги или даже отпечаток печати, фиксирует результат динамической взаимосвязи объекта,

воспроизводящего след, и материала, воспринимающего воздействие этого объекта. Образование любого следа представляет собой именно проявление одной из форм временной взаимосвязи тел. Понятие о статических следах является ненаучным и неприемлемым. Никакой след не может быть подобен объекту отождествления. Прежде всего всякий след вообще представляет не подобное, а негативное отображение, где правое соответствует левому, выпуклое — вдавленному и т. д. Во-вторых, — и это имеет решающее значение, — те или иные условия взаимодействия (естественно, всегда динамического) тел и те или иные условия среды определяют во всех случаях образование в той или иной мере различных следов от одного и того же объекта. Например, в следах от давления подметки те или иные детали подметки воспроизведутся по-разному или даже вовсе не воспроизведутся в зависимости от силы и направления давления, а также в зависимости от характера почвы или другой среды, в которой или на которой образуется след.

По концепции, признающей деление следов на динамические и статические, не только допускается, но и рекомендуется при доказательстве тождества производить экспертное сравнение путем непосредственного сравнения «статического» следа с объектом, который, как предполагается, оставил след, а «динамические» следы рекомендуется сравнивать с такими же экспериментально полученными «динамическими» следами.

Такое положение вещей является неправильным и практически снижает достоверность экспертного заключения.

В самом деле: отождествление осуществляется в результате того, что в следе отображены те или иные детали отождествляемого объекта, но к такого рода заключению можно прийти только путем сравнения, устанавливающего совпадение. Степень совпадения сравниваемых деталей определяет в значительной мере степень достоверности заключения о тождестве. Задачей эксперта, доказывающего тождество, должно всегда являться нахождение наиболее близкого совпадения сопоставляемых деталей по отдельности и в совокупности, причем детали следа всегда будут в той или иной степени отличаться от деталей объекта отождествления в силу тех или иных условий образования следа. Следовательно, для получения материала, позволяющего рассчитывать на возможность наблюдения наиболее близкого совпадения сравниваемых деталей, необходимо воспроизведение экспериментальных следов в условиях, предельно приближающихся к тем, в которых возник обнаруженный след. Только в результате этого можно рассчитывать, что сравнение деталей обнаруженного следа и экспериментальных следов даст максимально близкое совпадение.

При всем этом будет большой ошибкой думать, что непосредственное сопоставление следа с объектом отождествления не должно иметь места в процессе трасологических исследований. Наоборот, оно весьма желательно, хотя и не всегда осуществимо (например, при отождествлении оружия по стреляным пулям). Такое прямое сопоставление должно всегда выступать в качестве одного из первоначальных, весьма важных этапов экспертного исследования в процессе отыскания и объяснения условий возникновения характерных и устойчивых следов. Затем такое сопоставление должно производиться с целью объяснения причин несовпадения деталей следа с соответствующими им деталями объекта, оставившего след. К прямому сопоставлению приходится прибегать и тогда, когда оказывается исключительно сложным или даже невозможным воссоздать экспериментально условия, близкие к тем, в которых возник обнаруженный след.

ОПЕРАТИВНОСТЬ В РАССЛЕДОВАНИИ — ЗАЛОГ ЕГО ВЫСОКОГО КАЧЕСТВА

В. Савицкий

*Народный следователь прокуратуры Воскресенского района
Горьковской области*

Одним из основных условий успешной борьбы с преступностью и обязательным элементом высокого качества предварительного следствия является быстрота расследования. Высокие темпы следствия имеют чрезвычайно важное значение: чем быстрее органы расследования достигнут преступника, чем быстрее закрепят доказательства, чем быстрее представят эти доказательства в суд, тем успешнее справятся они с возложенной на них задачей. Высокие темпы расследования наиболее приближают вынесение судебного приговора к моменту совершения преступления.

Примером может служить дело о разбойном нападении на гр-ку Ткаченко, возбужденное Воскресенским районным отделением милиции 22 июня 1953 г. Обстоятельства дела таковы: вечером 22 июня 1953 г. в отделение милиции явилась Ткаченко и заявила, что незнакомый мужчина обманным путем завел ее в лес, напал на нее, вырвал у нее из-за пояса 1600 руб. и скрылся. Работники милиции вместе с Ткаченко сразу же выехали в лес и в указанном Ткаченко месте обнаружили участок измятой травы и пять лоскутков материи, которые, по словам Ткаченко, она, сопротивляясь, вырвала из рубашки грабителя. Подозрение пало на некоего Баталова, человека без определенных занятий, сомнительной репутации. При обыске в его доме была обнаружена изорванная рубашка, материал которой по внешнему виду был сходен с найденными в лесу лоскутками материи. Принятыми мерами розыска Баталова обнаружили и задержали, при личном обыске у него изъяли 1120 руб. 26 июня 1953 г. дело было истребовано в порядке ст. 108 УПК РСФСР в прокуратуру Воскресенского района для производства предварительного расследования. Следователь допросил ряд свидетелей по делу, произвел очные ставки, провел товароведческую экспертизу для установления тождества материи рубашки Баталова и лоскутков и ряд других следственных действий. В результате Баталов полностью изобличен и признанся в совершении преступления. 2 июля, т. е. через десять дней после совершения преступления, Баталов осужден народным судом к длительному сроку лишения свободы по ст. 2, ч. 1, указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан».

Наказание, применяемое к осужденному преступнику советским судом, не только подвергает его (преступника) лишению свободы и пресекает для него возможность совершения новых преступлений, но и оказывает предупредительное воздействие в отношении отдельных неустойчивых людей, в сознании которых еще сильны пережитки капитализма.

Быстрота расследования имеет огромное значение для качества следствия. Чем больше времени пройдет с момента совершения преступления, тем труднее восстановить картину события, собрать и закрепить доказательства, найти и изобличить преступника. Можно безошибочно сказать, что медлительность в следственной работе играет на руку преступнику: уничтожаются или изменяются вещественные и письменные доказательства; в памяти свидетелей стираются восприятия отдельных,

порой существенных деталей преступления; затрудняются раскрытие преступления и возмещение причиненного материального ущерба.

Разумеется, что быстрота проведения следственных действий не должна подменяться спешкой, торопливостью, при которых могут быть упущены существенные обстоятельства, не будут вскрыты действительные мотивы преступления и т. д.

Важнейшая задача улучшения предварительного следствия не может быть разрешена без полной ликвидации волокиты в расследовании. Медлительность и неоперативность в расследовании, тоже влекущие волокиту, являются серьезными и нетерпимыми недостатками следственной работы. Они объясняются безответственностью отдельных прокурорско-следственных работников, неорганизованностью самой следственной работы, а также недостаточной требовательностью к подчиненным со стороны прокуроров, осуществляющих надзор за расследованием.

Волокита в расследовании — основное зло, ослабляющее борьбу с преступностью. Она должна быть полностью и безоговорочно искоренена из следственной практики. В целях ликвидации волокиты в стадии предварительного следствия Генеральный Прокурор СССР в п. 4 приказа № 63 установил, что расследование уголовных дел должно производиться следователями прокуратуры не более чем в месячный срок и лишь по наиболее сложным делам в двухмесячный срок. Опыт работы большинства прокуратур убедительно свидетельствует, что установленный сокращенный срок расследования является выполнимым, причем соблюдение его не ухудшает, а, наоборот, улучшает качество предварительного следствия.

В прокуратуре Воскресенского района, например, с апреля 1952 года лишь по двум делам расследование велось свыше двух месяцев, в 1953 году по всем делам — до одного месяца; не было случаев возвращения судами дел на доследование или вынесения оправдательных приговоров, т. е. полностью были выполнены требования приказа № 63.

Каковы пути сокращения сроков предварительного следствия и повышения тем самым его качества?

Практика показывает, что своевременно произведенные обыск, выемка, допрос и другие следственные действия в большинстве случаев обеспечивают раскрытие преступления, сохраняют много сил и энергии работников, сокращают срок расследования. Наоборот, промедление с производством следственных действий иногда всего лишь на несколько часов может привести к утрате важных доказательств, к необходимости производства в дальнейшем целого комплекса иных следственных мероприятий, чтобы восполнить эти утраченные из-за неоперативности следователя доказательства.

Волокита при рассмотрении поступающих в прокуратуру материалов приводит к тому, что преступники скрываются с похищенными ценностями, а вещественные доказательства утрачиваются. Так, например, ревизией Воскресенского дорожного отдела было установлено, что технический руководитель дорожного отдела Зеленцов выписал дорожному организатору фиктивную справку, по которой тот получил в колхозе «Смена» 660 руб. Уже после того как акт ревизии поступил в прокуратуру района, Зеленцов съездил в колхоз «Смена» и, получив там обманным путем дело с документами по дорожному строительству, исправил уличающий его текст справки, вследствие чего в процессе расследования документ пришлось направлять на графическую экспертизу (что, естественно, затянуло срок следствия).

Иногда прокурор быстро возбуждает уголовное дело, но произведенная им проверка является неполноценной, ибо не решает главного

вопроса — о наличии в материалах признаков преступления. Такое скороспелое дело, попадая к следователю, заставляет его не расследовать обстоятельства совершения преступления, а устанавливать, имел ли место сам факт преступления.

Часто бывает, что дело возбуждается по недоброкачественным актам ревизий, в результате, в процессе расследования приходится назначать повторные ревизии, срок следствия затягивается, а иногда приходится прекращать дело производством, так как повторная ревизия приводит к выводам, противоположным тем, на основании которых преждевременно и необоснованно было возбуждено дело.

Поэтому, ведя борьбу за сокращение сроков расследования и повышение качества следствия, необходимо обеспечить быстрое и доброкачественное рассмотрение поступающих в прокуратуру материалов. В этом — одна из гарантий успеха следователя.

Получив возбужденное дело, следователь должен немедленно принять его к своему производству и приступить к следствию (ст. 110 УПК РСФСР). Если следователь сам возбудил дело, то это следственное действие совпадает с принятием дела к своему производству: разрыва между моментом возбуждения дела и моментом принятия его к производству в данном случае не будет. При возбуждении дела другим органом следователь должен принять его к своему производству сразу же по поступлении к нему дела. Недопустимо, когда поступившее к следователю дело лежит у него длительное время без движения, — даже и при наличии в нем постановления о принятии его к своему производству, ибо принятие к производству заключается не в вынесении постановления об этом, а в фактическом производстве расследования.

Определенные категории дел поступают в производство следователей из органов милиции в порядке ст. 108 УПК РСФСР. Иногда эти дела вопреки требованиям закона передаются следователю спустя длительное время после их возбуждения, когда установленный ст. 105 УПК РСФСР срок производства дознания окончен или истекает. Такие случаи объясняются отсутствием должного надзора прокурора за дознанием, производимым в органах милиции. Надзор иногда сводится к надзору за дознанием лишь по тем делам, по которым дана санкция на арест, все же остальные остаются вне поля зрения прокурора, и по ним чаще всего нарушаются милицией сроки дознания.

Ответственность за подобные факты должен нести и следователь. Генеральный Прокурор СССР в приказе о введении участковой системы обязывает следователей знать о всех совершенных на обслуживаемой им территории преступлениях, поддерживать деловую связь с органами милиции, быть в курсе находящихся в их производстве дел, подследственных следователю, и через прокуроров принимать необходимые меры к своевременной передаче таких дел в его производство. Вот уже год как прокуратура Воскресенского района, руководствуясь п. 9 приказа № 63, изымает из милиции дела, по которым необходимо производство предварительного расследования. Этим гарантируются соблюдение установленных сроков и более высокое качество следствия.

Важно планировать предварительное расследование. Правильное планирование обеспечивает высокое качество следствия. Планирование расследования организует работу следователя, обеспечивает применение необходимых приемов расследования, устанавливает рамки, пределы расследования. Только при плановом расследовании могут быть своевременно добыты и закреплены важнейшие по делу доказательства, недопущены излишние следственные действия и загромождение дела ненужными материалами.

Обычно в производстве следователя находится несколько дел, и расследование по ним должно вестись параллельно. Ни в коем случае не следует, увлекшись расследованием одного-двух дел, фактически приостанавливать производство по другим делам, ибо это неминуемо приведет к нарушению сроков следствия. Однако некоторые дела по своим специфическим свойствам необходимо расследовать и оканчивать в первую же очередь. Это относится прежде всего к делам о преступлениях, представляющих особую общественную опасность (например, хищение семенного фонда в колхозе в период весеннего сева и т. п.). Соблюдение установленных сроков расследования по всем делам и первоочередное расследование по наиболее актуальным делам достигается составлением каждым следователем календарного плана всей работы.

Следствие как целеустремленная деятельность, направленная на раскрытие преступления, обязательно предполагает наличие в сознании следователя определенных взаимосвязей между подлежащими производству следственными действиями и их результатом с точки зрения достижения главной цели всего расследования по делу. Однако некоторые следователи ограничиваются тем, что продумывают такой план «в голове», но не записывают его, и затем в процессе расследования, естественно, упускают ряд существенных обстоятельств, подлежащих проверке, или проверяют их с большим опозданием, что отрицательно сказывается на качестве и сроках предварительного следствия. Подобная порочная практика «планирования» ничем не оправдана и должна быть решительно искоренена.

В плане расследования преступления проявляются инициатива, находчивость следователя, его умение наметить возможные по делу версии, знание тактических приемов расследования данного вида преступлений, умение правильно установить очередность производства отдельных следственных действий с целью быстрее и полного раскрытия преступления и изобличения преступника и тщательно продумать весь первоначальный материал, положенный в основу возбуждения уголовного дела.

В прокуратуре Воскресенского района планирование расследования по делу осуществляется таким путем. Получив дело, следователь выносит постановление о принятии дела к своему производству, а затем тщательно — «от корки до корки» прочитывает его, чтобы получить первоначальное представление о характере подлежащего расследованию преступления. Затем дело изучается еще раз, но теперь уже на листе бумаги делаются краткие пометки, примерно, такого характера: 1) допросить Бадырева о разговоре его с Суловым (л. д. 12), 2) очная ставка Бадырев — Сулов, 3) обыск у Калохтина и т. п. Записывать в такой план подробно, что надо выяснить, нецелесообразно, так как независимо от того, помнит или нет следователь содержание допроса того или иного свидетеля или протокола осмотра, он перед выполнением намеченного по плану действия обязательно заглянет в дело и еще раз прочтет необходимый документ. В процессе следствия в план вносятся дополнения и изменения. По выполнении каждого следственного действия соответствующая запись в плане зачеркивается, и к концу расследования план представляет собой целиком перечеркнутый лист бумаги.

Таким образом, планирование следственной работы позволяет следователю рационально, экономно и целеустремленно направлять все усилия на расследование преступлений.

Планировать следствие следователь должен таким образом, чтобы в первую очередь были выполнены действия, не терпящие отлагательства (осмотр, обыск), а также действия, для производства которых

потребуется известная затрата времени (экспертиза, отдельное требование).

Осмотр места происшествия — важнейшее следственное действие, от результатов которого в дальнейшем зависят не только направление, но и результаты расследования. Осмотр места происшествия, произведенный своевременно, тщательно, тактически правильно и с применением научно-технических средств, всегда дает положительные результаты, значительно облегчая и сокращая дальнейшую работу по расследованию и раскрытию преступления. К производству осмотра следователь должен приступить как можно скорее после того, как ему станет известно о совершенном преступлении. Промедление в этом совершенно недопустимо.

По ряду дел не меньшее значение, чем осмотр, имеет своевременное производство обыска. Умело проведенный тщательный обыск дает ценные результаты, делает ненужным целый ряд следственных действий и тем самым положительно влияет на срок расследования.

Иллюстрацией этого положения может служить расследованное прокуратурой Воскресенского района дело о хулиганских действиях Мясоедова и причинении им тяжких телесных повреждений Завьялову. На месте происшествия был найден металлический кастет, которым, по словам Завьялова, Мясоедов бил его по голове. Кастет представлял собой прямоугольный слиток свинца, одна сторона которого выполнена в виде четырех зубцов, а в середине сделано узкое продольное отверстие для надевания слитка на пальцы. Мясоедов категорически отрицал принадлежность ему кастета. Однако обыском, произведенным в доме Мясоедова в день совершения преступления, в промежутке между оконной рамой и стеной дома (в нежилой его части) была обнаружена спрятанная там деревянная форма, по очертаниям напоминавшая кастет. При вложении кастета в форму стало совершенно очевидным, что кастет отлит с помощью именно этой формы. Кастет и форма были сфотографированы и приобщены к делу. Когда Мясоедову было сообщено о результатах обыска и была предъявлена найденная в его доме деревянная форма, он полностью признал себя виновным и дал показания по существу дела. Следствие по делу закончено в восемь дней.

По значительному количеству дел необходимым условием быстрого и всестороннего расследования преступлений и изобличения преступников является производство экспертизы. Правильно подготовленная и своевременно назначенная экспертиза значительно помогает в расследовании.

Некоторые следователи пытаются объяснить нарушение сроков следствия исключительно длительностью выполнения бухгалтерской, графической или иной экспертизы. Между тем затяжка в производстве подобного рода экспертиз в ряде случаев происходит по вине самих следователей.

Два момента в значительной степени обуславливают высокое качество экспертизы и соблюдение вместе с тем кратких сроков расследования: во-первых, экспертиза должна быть тщательно подготовлена и, во-вторых, должна быть своевременно назначена. Подготовка экспертизы заключается в собирании материалов, подлежащих исследованию. Следователь должен стремиться собрать и подготовить для направления на экспертизу материалы в объеме, достаточном для исследования, причем материалы должны быть собраны с соблюдением всех процессуальных норм, должны храниться и направляться согласно правилам соответствующих инструкций. Неудовлетворительная подготовка и оформление следователями материалов, направляемых для производства криминалистических экспертиз, является одной из серьезных причин, мешающих своевременному окончанию предварительного следствия.

Так, например, по делу Елманова и др., обвинявшихся в хищении государственных средств путем составления на Красноярском рейде Воскресенской сплавной конторы фиктивных нарядов на вымышленных лиц, материал был направлен на графическую экспертизу, но из-за небрежности следователя в сопроводительном письме не было указано, что внесенные в фиктивные наряды лица — вымышленные, вследствие чего эксперт совершенно справедливо потребовал представить дополнительно для исследования образцы почерка этих лиц, и лишь то обстоятельство, что следователь случайно оказался в это время в месте нахождения криминалистической лаборатории и поэтому смог сделать соответствующие пояснения, предотвратило возвращение материала для дооформления и неизбежную в связи с этим волокиту в расследовании.

Экспертиза должна назначаться по делу, как только станет очевидной ее необходимость и будут собраны для этого соответствующие материалы. Чем меньше времени пройдет с момента возбуждения уголовного дела до вынесения постановления о назначении экспертизы и фактического ее производства, тем больше гарантии в том, что проведение экспертизы не затянет срока следствия. Поэтому при изучении дела и составлении плана расследования следователь должен тщательно проанализировать имеющиеся доказательства с точки зрения наличия или отсутствия в них сомнений, разрешение которых потребует специальных знаний, и в положительном случае немедленно принять меры к подготовке и назначению экспертизы.

Опыт работы по выполнению приказа Генерального Прокурора СССР о сокращении сроков расследования свидетельствует о том, что при своевременном назначении экспертизы и направлении на исследование полноценных материалов следствие может быть успешно закончено в месячный срок.

К числу важных следственных действий относятся так называемые отдельные требования. Необходимость направления отдельных требований в процессе расследования встречается сплошь и рядом (допросить свидетелей, изъять документы, этапировать арестованного и т. п.). Иногда без исполнения такого требования невозможно окончить следствие. Но для исполнения отдельного требования нужно значительное время на пересылку отдельного требования, на непосредственное исполнение требования в другом районе и на возвращение результатов исполнения органу, направившему требование. Поэтому для того, чтобы из-за несвоевременного выполнения отдельного требования не произошла волокита в расследовании, важно, чтобы следователь направлял отдельные требования о производстве тех или иных следственных действий немедленно — лишь только возникнет необходимость в их производстве, а следователь, которому адресовано требование, выполнял бы их в первую очередь.

Мы остановились лишь на некоторых отдельных следственных действиях, своевременное и тщательное производство которых имеет особо важное значение для сокращения сроков предварительного расследования и повышения его качества. Неменьшее значение в этом деле имеют также заранее продуманные, умело подготовленные и проведенные допросы свидетелей и обвиняемых, очные ставки, следственные эксперименты и другие следственные действия, являющиеся средствами для всестороннего раскрытия преступлений и быстрого изобличения виновных.

Медлительность, неоперативность, а тем более волокита в расследовании должны быть полностью и безоговорочно искоренены из следственной практики.

ЗА ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ НАУЧНОЙ РАБОТЫ ЮРИДИЧЕСКИХ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Доцент Г. Петров

Руководствуясь великим учением Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, ученые-юристы нашей родины создали ряд серьезных научных трудов, помогающих укреплению социалистического государства и права. Однако юридическая наука еще значительно отстает от запросов, предъявляемых к ней практикой коммунистического строительства. Указания Центрального Комитета КПСС о ликвидации запущенности научной работы в области юриспруденции еще не выполнены.

Главными условиями дальнейшего развития советской юридической науки являются: глубокое изучение и творческое применение учеными-юристами марксизма-ленинизма, решительная борьба с начетничеством и догматизмом, неразрывная связь теории с практикой коммунистического строительства, широкое развитие принципиальной критики и самокритики, полная ликвидация явлений монополизма и аракчеевщины в любой их форме.

Из решений пятой сессии Верховного Совета СССР и постановлений последних Пленумов ЦК КПСС вытекают новые важные задачи советской юридической науки в разработке государственно-правовых вопросов крутого подъема производства товаров народного потребления, всемерного развития социалистического сельского хозяйства и советской торговли.

Значительную роль в развитии советской юридической науки играют юридические институты и юридические факультеты университетов. Профессора, доценты и преподаватели наряду с учебно-педагогической деятельностью ведут научную работу, способствующую подготовке переданных партии и народу высококвалифицированных кадров советских юристов и дальнейшему улучшению деятельности советского государственного аппарата.

Успехи научной, как и учебной, работы высших учебных заведений в большой мере зависят от качества организационного руководства. А между тем в организации научной работы юридических институтов и факультетов имеется немало недостатков.

В значительном улучшении нуждается планирование научной работы. Существующий порядок планирования научной деятельности юридических высших учебных заведений характеризуется чрезмерной децентрализацией и недостаточной организованностью. Профессора, доценты, преподаватели в конце каждого календарного года (когда подводятся итоги выполнения плана научной работы за прошедший год и составляются планы на следующий календарный год) сообщают заведующим кафедрами темы и примерный объем планируемой работы. Из этих «заявок» составляются проекты годовых планов научной работы кафедр, которые рассматриваются на их заседаниях. Планы кафедр объединяются в общий план научной работы, в который, кроме того, вносятся общеуниверситетские мероприятия (издание «ученых записок», проведение научных сессий и т. д.). Затем план рассматривается ученым советом,

утверждается директором и отсылается в Главное Управление университетов, юридических и экономических вузов Министерства высшего образования СССР.

Рассмотрение кафедрами и учеными советами планов научной работы часто сводится к официальному одобрению многочисленных разрозненных тем, предложенных научными работниками. В планы нередко вносятся темы, не имеющие первостепенной актуальности или уже разработанные и освещенные в нашей литературе.

Планируя научную работу на очередной календарный год, научные работники, кафедры и ученые советы юридических вузов не знают, над какими темами работают в других юридических высших учебных заведениях. Неизвестны им также планы научной работы Института права Академии наук СССР и Всесоюзного института юридических наук. Поэтому неудивительно, что многие темы в планах повторяются (разумеется, по наиболее сложным темам при оригинальной их разработке может быть издано две и более работ, однако дублирование, как правило, нерационально).

Многие актуальнейшие и неразработанные вопросы теории и практики советского государства и права не получают в планах научной работы никакого отражения и не разрабатываются, несмотря на их теоретическую и практическую значимость. Например, в области науки советского государственного права, советского административного права несомненна актуальность таких вопросов, как сочетание коллегиальности и единоначалия в советском государственном аппарате, подбор кадров, проверка исполнения, организационно-массовая работа местных органов государственной власти и т. д. Однако ни по одному из этих вопросов до сих пор не издано ни одной крупной специальной работы. Большую актуальность имеет вопрос о формах и методах государственного руководства колхозами, но он также не привлек должного внимания наших государствоведов. Подобные примеры можно привести также и по другим областям права.

Это свидетельствует об отставании юридической науки от запросов практики. Нет еще достаточного внимания к актуальным вопросам и темам, для научной разработки которых необходимо кропотливое собирание материалов практики, непосредственное изучение опыта работы административных, судебных, прокурорских органов.

Во всех этих недостатках организации научной работы виновны не только научные работники и руководители учебных заведений, но значительная доля вины падает на Главное Управление университетов, юридических и экономических вузов, которое недостаточно организует и координирует научную работу находящихся в его ведении юридических высших учебных заведений. В области научной работы Управление выполняет главным образом контрольные функции. Опыт показывает, что этого далеко недостаточно. Управление должно быть организатором научной работы высших учебных заведений. Управлению следует, опираясь на руководящие указания партийных и государственных органов, разработать перспективный план научной работы юридических высших учебных заведений на несколько лет, включив в него важнейшие, наиболее актуальные темы советской юридической науки, и организовать участие высших учебных заведений и их кафедр в осуществлении этого плана.

Инициатива научной юридической общественности снизу должна быть дополнена централизованной организацией научной работы со стороны этого управления. Организация научной работы должна быть

таким же объектом работы управления, каким является организация учебно-методической работы учебных заведений.

По нашему мнению, целесообразно ввести в практику научные задания работникам высших учебных заведений по разработке тех или иных наиболее актуальных тем. Разве нельзя, например, обязать кафедру государственного права одного из юридических вузов обстоятельно разработать вопрос об организационно-массовой работе местных советов и написать на эту тему книгу, в которой так нуждаются практические советские работники? Внедрение научных заданий поможет повышению эффективности научной работы, приближению ее к практике и повысит ответственность кафедр и научных работников за качество научной продукции.

Необходимо, чтобы юридические институты и факультеты имели планы работы Института права Академии наук СССР и Всесоюзного института юридических наук. Это поможет устранению параллелизма в научной работе и установлению связи между работниками и кафедрами, работающими над смежными темами.

Планирование научной работы юридических высших учебных заведений недостаточно связано с планированием работы Государственного издательства юридической литературы и редакционными коллегиями юридических журналов.

В планах научной работы юридических вузов опубликование готовых научных работ не предусматривается: во многих случаях профессор или доцент, работающие над той или иной темой, не знают, каковы перспективы издания их научной продукции, и забота об опубликовании выполненной работы до сих пор ложится чаще всего только на ее автора.

Поэтому в планах научной работы следует предусматривать форму опубликования каждой работы после ее апробирования кафедрой. В одних случаях это может быть договор с издательством, в других — включение работы в издательский план учебного заведения, в третьих — договоренность с редакцией журнала об опубликовании работы в качестве статьи и т. д. У нас издаются лишь немногие из выполненных юридических работ не вследствие несовершенства самих работ, а в силу того, что об опубликовании работ не заботятся ни дирекция учебного заведения, ни Главное Управление университетов, юридических и экономических вузов. Обсудив и одобрив работу, а иногда только заслушав отчет автора об ее выполнении, кафедра признает работу выполненной, в отчете о научной работе она фигурирует в «активе», способствуя повышению процента выполнения плана, и ...часто этим ее роль исчерпывается. На новый календарный год научный работник планирует новую тему, а выполненная работа лежит среди его рукописей, не принося пользы.

Планы научной работы юридических вузов, судя по их отчетам, выполняются ежегодно на 80—90, а иногда и на 100 процентов, а выход из печати новой книги по юриспруденции — довольно редкое явление. Необходимо поэтому решающим критерием выполнения плана научной работы высших учебных заведений считать качество и количество опубликованных работ.

Парадоксально то, что большинство защищенных, т. е. апробированных учеными советами вузов (а в последующем и Высшей аттестационной комиссией Министерства высшего образования СССР), докторских и кандидатских диссертаций по юридическим наукам не издается. Автору работы присуждается ученая степень, а рукопись работы поступает в библиотеку того вуза, в котором она защищена, где она доступна только проживающим в данном городе и приезжающим в командировки.

Например, ученый совет Ленинградского юридического института за последние годы принял немало решений об опубликовании защищенных на его заседаниях кандидатских диссертаций. Однако ни одна из них не была издана, так как дирекция института не приняла необходимых мер к выполнению решений ученого совета. Не проявило должной заботы об этом и Министерство.

По работам, одобренным кафедрами, которые по тем или иным причинам не опубликованы, авторов следует обязывать писать авторефераты для рассылки их в библиотеки юридических вузов с целью ознакомления научных работников с основными положениями этих работ. Опыт рассылки авторефератов докторских и кандидатских диссертаций подтверждает очевидную пользу этого мероприятия.

Вызывает серьезное сомнение существующий порядок составления планов научной работы вузов не на учебный, а на календарный год. Несоответствие сроков учебной и научной работы высших юридических учебных заведений отрицательно сказывается и на той и на другой области их деятельности. Научная и учебная работа взаимно тесно связаны не только по содержанию, но и по организации рабочего времени научных работников, кафедр и учебных заведений в целом. Планирование научной работы на календарный год ослабляет ее связь с педагогическим процессом и затрудняет организацию рабочего времени научных работников, так как процесс выполнения годового плана научной работы разрывается двухмесячным каникулярным периодом. Поэтому целесообразно планировать научную работу высших учебных заведений, в частности юридических, не на календарный, а на учебный год.

Важнейшим методом развития каждой области передовой советской науки является критика и самокритика. Необходимость всемерного развития критики и самокритики в научной работе в области юриспруденции очевидна и общепризнана. Именно слабостью применения критики и самокритики следует объяснить наличие во многих опубликованных юридических работах серьезных ошибок, снижающих научную ценность этих работ. Кафедры и ученые советы юридических вузов нередко не проявляют достаточной требовательности к работам, готовящимся к изданию, и не оказывают авторам должной помощи в повышении качества их работ.

Большие обязанности в развитии критики и самокритики в научной работе возложены на специальные журналы «Советское государство и право» и «Социалистическая законность». Однако на их страницах критических статей печатается слишком мало, отдельные работы подвергаются критике в течение ряда лет, критикуются одни и те же положения одних и тех же авторов, а между тем вышедшие из печати новые работы рецензируются далеко не все и часто с большим опозданием. Например, на книгу В. А. Власова «Советский государственный аппарат», вышедшую из печати в 1951 году, рецензия появилась в журнале «Советское государство и право» в 1952 году, т. е. спустя год после выхода книги в свет; на вышедшую из печати в первой половине 1952 года работу И. Н. Ананова «Система органов государственного управления в советской социалистической федерации» рецензий в юридической печати еще нет.

На страницах юридических журналов необходимо организовать систематическое творческое обсуждение актуальных проблем советской юридической науки и своевременное рецензирование опубликованных работ по вопросам государства и права.

РАЗРАБОТКА ПРОЕКТА УПК СССР

В проекте УПК СССР обязательно должно быть дано краткое определение сущности и содержания советского уголовного процесса, как отправное положение для последующих разделов и глав кодекса. Если проект Уголовного кодекса должен начинаться с определения того, что является преступлением, то в УПК СССР должно быть определено, что является предметом деятельности тех органов, которые призваны вести борьбу с преступностью.

Определение сущности и содержания советского уголовного процесса могло бы быть дано в такой формулировке: Советский уголовный процесс есть установленная и регулируемая законом активная деятельность органов суда, прокуратуры и следствия в целях охраны и защиты политических и экономических основ советского строя, интересов советских граждан и советского правопорядка посредством осуществления задач социалистического правосудия — раскрытия преступления, установления виновного в преступлении, наказания и перевоспитания признанного виновным в преступлении, воспитания граждан в духе преданности Родине и делу коммунизма; порядок и способ проверки правильности действий этих органов, функционирующих на основе последовательно-социалистического демократизма; порядок и способы обеспечения гарантированных законом прав и обязанностей гражданам, на которых распространяется деятельность органов суда, прокуратуры и следствия при осуществлении стоящих перед ними задач.

При таком определении сущности и содержания процесса сам закон будет указывать и раскрывать основные черты советского уголовного процесса, его цель, пути и средства достижения ее. Закон укажет на связь процесса с материальным правом и источники советского уголовного процесса.

В Законе о судеустройстве Союза ССР, союзных и автономных республик содержится ряд положений, вошедших непосредственно в теорию и практику уголовного процесса. Эти положения должны не только войти в проект УПК СССР, но и получить дальнейшее развитие.

В частности, в УПК СССР должны быть перечислены и закреплены следующие принципы советского уголовного процесса: принцип социалистической законности; принцип независимости судей и их подчинения только закону; принцип установления объек-

тивной истины; принцип гласности процесса, принцип устности; принцип непосредственности; принцип национального языка; принцип обеспечения обвиняемому права на защиту и состязательности процесса; принцип публичности. Применительно к ст. ст. 3 и 4 Закона о судеустройстве в проекте УПК СССР следует определить задачи суда, прокуратуры и органов следствия, отразив единство задач этих органов в защите интересов социалистического государства и советских граждан от всяких посягательств, борьбе с преступностью, обеспечении точного исполнения советских законов и воспитании граждан СССР в духе преданности Родине.

Почти во всех УПК союзных республик есть те или иные пробелы, которые в проекте УПК СССР нужно восполнить. Действующий УПК РСФСР не содержит, например, статьи, которой бы судебно-прокурорские и следственные органы могли руководствоваться при отказе в возбуждении или при прекращении уголовного дела по основаниям, изложенным в примечании к ст. 6 и в ст. 8 УК РСФСР.

Теперь судебные и прокурорские и следственные органы РСФСР в постановлениях и определениях при отказе в возбуждении или при прекращении уголовного дела по указанным основаниям руководствуются не нормами уголовного процесса, а нормами Уголовного кодекса, что неправильно.

Это затруднение разрешает ст. 4 УПК Белорусской ССР, в которой указано: «Сверх того, прокурор и суд имеют право отказать в возбуждении уголовного преследования, а равно прекратить дальнейшее производство дела во всякой его стадии, если совершенные обвиняемым деяния, хотя формально и имеют признаки общественно-опасных деяний, но по своей маловажности и отсутствию вредных последствий или при данном социально-политическом положении не имеют и не могут иметь общественно-опасного характера». Было бы желательно ввести в проект УПК СССР статью, аналогичную ст. 4 УПК БССР.

В Уголовно-процессуальный кодекс должна быть, по моему мнению, введена специальная глава о порядке, методах и способах разрешения (до возбуждения уголовного дела) заявлений, сообщений и других первичных материалов, содержащих указания на признаки совершенного преступления.

Необходимо разрешить вопрос о подозреваемом как о процессуальной фигуре. Фигура подозреваемого предусмотрена в главе Уголовно-процессуального кодекса «О дознании», но этой фигуры нет в главе Уголовно-процессуального кодекса «О предварительном следствии». Из-за отсутствия процессуальной фигуры подозреваемого работники следствия по-разному определяют процессуальное положение лица, в отношении которого есть некоторые уличающие данные, но недостаточные, чтобы предъявить ему обвинение в совершении преступления.

Одни следственные работники в протоколах допроса именуют такое лицо обвиняемым, другие — свидетелем, предупреждая его об ответственности за ложные показания, третьи — подозреваемым, четвертые — подследственным, а некоторые вообще никак не именуют.

Нужно точно определить, в каких случаях привлеченное к следствию лицо является подозреваемым, определить его права и обязанности, процессуальные гарантии, а также права и обязанности следственных органов по отношению к лицу, привлеченному в качестве подозреваемого.

Есть предложение допустить адвоката к предварительному следствию с момента объявления обвиняемому об окончании следствия. Такое предложение правильно, однако в УПК СССР необходимо определить права и обязанности адвоката в каждой из стадий уголовного процесса. Мы считаем, что в главе о прокуроре должны быть конкретизированы прокурорские функции, связанные с надзором за законностью приговоров суда, не вошедших в законную силу. Мы считаем необходимым снять некоторые ограничения в выполнении прокурорских функций в уголовном процессе, введенные постановлением Пленума Верховного суда СССР от 10 июля 1945 г. № 10/9/у, согласно которому протест, внесенный прокурором в кассационную инстанцию на приговор суда, но снятый вышестоящим прокурором до судебного заседания, считается неподанным и потому кассационной инстанцией не рассматривается.

Жалоба или протест, внесенный на приговор суда по делу, если приговор не вошел в законную силу, в котором прокурор выступал в качестве процессуальной стороны, по существу должны быть рассмотрены вышестоящим судом, а не вышестоящим прокурором.

Предложение о предоставлении гражданскому истцу права обжалования приговора суда по существу — о виновности или квалификации преступления — неправильно. Следует оставить за гражданским истцом право обжалования приговора в части, касающейся лишь гражданского иска.

Мы не разделяем точку зрения проф. Д. Карева в части обжалования постановления прокурора о санкции на арест в соответствующий суд, а не вышестоящему прокурору. Не разделяем эту точку зрения

не по тому основанию, что такой порядок вызовет загрузку суда, а по иному.

Рассмотрение жалобы на постановление прокурора, санкционировавшего арест, связано с существом рассмотрения вопроса в стадии предварительного следствия о виновности или невиновности арестованного лица в совершенном преступлении, и, следовательно, нет оснований включать суд в рассмотрение этой жалобы, пока к нему не поступало законченное предварительным следствием уголовное дело. Такие жалобы должны рассматриваться вышестоящим прокурором, которому предоставляется право осуществлять в полной мере наблюдение и надзор за предварительным следствием, за которым надзирает прокурор, санкционировавший арест.

Нельзя согласиться с тем, кто предлагает лишить прокурора права принесения протеста на определение подготовительного заседания суда о возвращении дела к доследованию. Утверждение о том, что в ряде случаев частные протесты прокурорами на такие определения якобы приносятся не всегда обоснованно, необоснованно: к сожалению, немало случаев, когда суды совершенно неосновательно обращают дела к доследованию с подготовительного заседания, не проверив в судебном заседании доказательств, собранных органами предварительного следствия.

А. Кукаров

Помощник транспортного прокурора
Калининской железной дороги

Ныне разница в функциях дознания и следствия несколько стерлась: многие дела о преступлениях, подследственных следователю, возникают в милиции, и об этом зачастую следователь не знает. Поручения следователей оперативного характера по делам, находящимся в их производстве, милицией не всегда выполняются, что, конечно, отрицательно сказывается на эффективности следствия. Поэтому в УПК СССР необходимо разрешить вопрос о взаимоотношениях между дознанием и следствием и о правах следователя по отношению к органу дознания.

Второй, не менее важный вопрос — о правах следователя. Следователь в системе прокуратуры является центральной фигурой, но на деле существует положение, когда следователь должен выполнять указания прокурора, с которыми он не согласен. Поэтому в УПК СССР нужно предусмотреть право следователя в определенных случаях (например, привлечение в качестве обвиняемого, та или иная квалификация преступления, заключение под стражу, освобождение из-под стражи, прекращение дела и составление обвинительного заключения) отказаться от выполнения указаний прокурора. Противники этой точки зрения утверждают, что следователи могут злоупотреблять своим правом. А где же вышестоящий

прокурор? Где начальник или прокурор следственного отдела? Они всегда могут сделать правильные выводы, насколько обоснованно следователь отказывается от выполнения указаний прокурора.

Следует также рассмотреть вопрос об укреплении следственного аппарата и подчинении его непосредственно вышестоящему прокурору. Этим можно добиться независимости следователя.

Проф. Карев не прав, говоря, что не следует допускать опротестование определенных распорядительного заседания суда «хотя бы по вопросу о направлении дела на дознание». Но ведь тогда некому будет исправлять ошибки суда, не говоря уже о том, что некоторые судьи могут использовать такое положение.

Следственная и судебная практика ныне применяют новые следственные действия, не предусмотренные УПК, — следственный эксперимент и опознание. Следовало бы эти следственные действия включить в число доказательств, изменив действующую ст. 58 УПК РСФСР.

В связи с широко применяемой следственными органами судебно-оперативной фотографией немалое значение приобретают фотоснимки, являясь в отдельных случаях и доказательствами по делу. Поэтому было бы целесообразно в той же статье УПК наряду с письменными документами указать «фотоснимки».

Верно, что хотя заключение под стражу — тяжелая мера и в связи с этим следует ограничить срок содержания обвиняемых под стражей до двух месяцев, однако предложение т. Карева, чтобы срок содержания под стражей продлевал лишь прокурор республики и Генеральный Прокурор СССР, неправильно, ибо нельзя игнорировать прокуроров края, области и АССР, отвечающих за следствие, и, с другой стороны, нельзя требовать, чтобы прокурор РСФСР рассматривал ходатайства прокуроров, например, Якутской АССР, Приморского, Хабаровского и Красноярского краев о продлении срока содержания под стражей на срок от двух до трех месяцев. Пока подобное ходатайство поступит в Прокуратуру РСФСР, следствие может быть окончено. Поэтому следовало бы право продления сроков содержания под стражей предоставить прокурорам союзных республик без областного деления, прокурорам краев, АССР и областей.

Неправильно, на мой взгляд, предложение о том, чтобы предоставить обвиняемому право обжаловать постановление прокурора о санкции на арест в соответствующий суд. Это могло бы превратить суд в орган, осуществляющий надзор за деятельностью прокуратуры, что, конечно, противоречит ст. 113 Конституции СССР.

Так же неправильно предложение допускать заключение под стражу в качестве меры пресечения лишь по мотивированному постановлению прокурора. А в чем роль

следователя, о расширении прав которого мы пишем? Это нелогично. К тому же решение вопроса о заключении под стражу должно вытекать из тщательного анализа материалов следствия. Это может сделать лишь тот, кто ведет следствие. Прокурор же должен проверить основательность постановления об аресте и лишь после этого давать санкцию, что и вытекает из ст. 127 Конституции СССР.

Следует согласиться с предложением о предоставлении обвиняемому права иметь защитника лишь с момента объявления ему об окончании предварительного следствия. Противники этой точки зрения основывают свои возражения лишь на одном доводе — вызовет затяжку. Тогда как, напротив, выполнение обоснованных ходатайств обвиняемого или его защитника естественно повлечет за собой полноту следствия и повышение качества следствия. В результате же этого наверняка уменьшится процент возвращения судом дел к дознанию и вынесения оправдательных приговоров.

Если же иной адвокат попытается затянуть следствие, ошибочно полагая, что это «на пользу обвиняемого», то у следователя будет право отклонить необоснованное ходатайство.

Т. Арузманиян

Вопрос об участии обвиняемого и защитника в подготовительном заседании является крайне спорным, и положительное разрешение его должно вызвать серьезные возражения. Роль обвиняемого и защитника в подготовительном заседании ограничивается лишь заявлением ходатайств об истребовании новых документов или о дополнении предварительного следствия. Если это так, то едва ли целесообразно допускать обвиняемого и защитника в подготовительное заседание. Ведь и по действующему УПК обвиняемому предоставлено право при ознакомлении с материалами следствия заявлять ходатайства о его дополнении. Следователь, отказывая в удовлетворении ходатайств, обязан вынести мотивированное постановление.

Суд же, имея эти документы, рассматривая дело в подготовительном заседании, может дать оценку как основательности возбужденных ходатайств обвиняемого, так и обоснованности отказа в их удовлетворении и принять решение или о возвращении дела на дознание, или о принятии его к производству.

Опасения, что подготовительное (распорядительное) заседание может превратиться в репетицию будущего судебного заседания, вполне основательны. Практически невозможно ограничить какими-то рамками объем и характер возбуждаемых ходатайств. Еще труднее принимать по ним решение без перепроверки всех доказательств по делу. Суд часто в судебном заседании оставляет открытыми многочисленными ходатайства защиты до конца судебного следствия,

так как принятие решения об их удовлетворении в большей степени зависит от результатов перепроверки имеющихся доказательств по делу. Передки случаи, когда обвиняемый и защитник сами воздерживаются от возбуждения ходатайств до окончания судебного следствия, и судебная практика знает многочисленные случаи, когда в результате подробного исследования всех обстоятельств дела необходимость в возбуждении ходатайств о дополнении следствия отпадает или когда ранее возбужденные ходатайства снимаются защитой.

Участие обвиняемого и защитника в подготовительном заседании превратит его не только в репетицию, но и в обычное судебное заседание, где будут анализироваться и обсуждаться все доказательства по делу, но где в то же время суд будет лишен возможности проверить их из-за отсутствия свидетелей и экспертов, а следовательно, и решить вопрос об основательности возбужденных ходатайств. В силу всего этого превращение подготовительных заседаний в какую-то усеченную форму судебного заседания должно быть признано нецелесообразным.

Неправильно предложение запретить опротестование определений подготовительных заседаний о направлении дела на следствие. Есть немало случаев, когда частные протесты приносятся неосновательно, но, во-первых, не следует забывать о праве высшего прокурора снимать такие протесты, а, во-вторых, известны многочисленные факты, когда суды явно неосновательно возвращают дела на следствие. Достаточно привести такие примеры из практики судов Баку, когда следственным органам предлагалось допросить не существовавших в природе «объективных» свидетелей ограбления или проверить, «мог ли потерпевший потерять сознание от удара по голове», или когда по одному делу было вынесено четыре необоснованных определения о следствии, которые были отменены Верховным судом Азербайджанской ССР по протестам прокурора.

Глубоко ошибочным является предложение установить право обвиняемого обжаловать постановление прокурора на арест в соответствующий суд. Такой порядок создал бы прежде всего совершенно новые и чуждые нашему законодательству взаимоотношения прокуратуры и суда, присвоив последнему какие-то надзорные функции и узаконив вмешательство суда в следственные действия прокуратуры.

Между тем, когда прокурор принимает решение об избрании меры пресечения — содержание под стражей, он учитывает все обстоятельства дела, степень доказанности вины обвиняемого, его личность, возможность влияния на ход следствия и т. д. Суд же при рассмотрении жалобы обвиняемого тоже должен изучать все материалы дела и, придя к выводу, что собранные доказательства недостаточны для ареста, неизбежно станет перед необходимостью давать

этим материалам оценку по существу, — указывать, что следствием не сделано и что необходимо сделать, т. е. станет проводить какое-то «предварительное» судебное следствие. А этим самым суд еще задолго до окончания расследования выскажет свое мнение по существу дела, что не сможет отразиться и на последующем судебном приговоре.

Да и какой суд должен рассматривать подобные жалобы? В момент избрания меры пресечения не всегда можно определить подсудность дела.

Существующий ныне порядок производства арестов и обжалования их вышестоящему прокурору соответствует Конституции СССР и должен быть сохранен.

А. Крюков

Баку

Поднимая вопрос о замене наименований отдельных процессуальных институтов, проф. Д. Карев выдвигает предложение замены термина «возбуждение уголовного дела» термином «начало производства по делу». Требование это несостоятельно по той причине, что термин «возбуждение уголовного дела» наиболее полно, как никакой другой, отображает существо института.

Момент возбуждения уголовного дела не может считаться началом производства по делу, так как уголовное дело фактически возникает после его возбуждения, а расследование по делу начинается после принятия следователем дела к своему производству.

Нельзя смешивать возбуждение уголовного дела с началом расследования по делу, так как в большинстве случаев они не совпадают и по времени, не говоря уже о том, что это совершенно разные процессуальные действия.

Замена термина «привлечение к уголовной ответственности» термином «привлечение к судебной ответственности» является неправильной, а потому и нежелательной. Не всегда привлечение к уголовной ответственности может оканчиваться судебной ответственностью, т. е. ответственностью перед судом: в практике нередки случаи, когда дела прекращаются в стадии предварительного следствия. Вопрос о судебной ответственности обвиняемого по существу решается не в стадии предварительного следствия, а в стадии предания суду, на подготовительном (распорядительном) заседании суда.

С предложением предоставить обвиняемому право обжаловать постановление прокурора на арест в соответствующий суд, которому подсудно дело, чтобы суд рассматривал жалобу обвиняемого с вызовом обвиняемого и прокурора, тоже нельзя согласиться. Во-первых, надзор суда за арестом граждан в стадии предварительного следствия неизбежно превратит суд в орган,

непосредственно наблюдающий за следствием, чем уменьшается роль прокурора, так как он фактически лишается права самостоятельно санкционировать арест граждан, совершивших преступления. Во-вторых, зачастую надзор суда за обоснованностью ареста граждан практически может быть весьма вреден, а именно в тех случаях, когда арест гражданина санкционирован прокурором какого-либо отдаленного района, а дело подсудно областному или краевому суду, или же верховному суду автономной республики без областного деления, — тогда прокурор должен ехать в областной, краевой или верховный суд автономной республики иногда за 100—300 и более км, чтобы обосновать законность санкции на арест, что, несомненно, связано с затратой больших средств и времени.

Право обвиняемого обжаловать постановление прокурора на арест противоречило бы ст. 127 Конституции СССР, по смыслу которой прокурору предоставлено самостоятельное право ареста граждан.

Д. Карев предлагает не допускать опротестования прокурором определений распорядительного заседания суда о направлении дела на исследование. По мысли автора, УПК СССР должен обязать прокурора беспрекословно соглашаться с частными определениями суда о возвращении дел к доследованию, независимо от того, обоснованы они или нет. Согласиться с этим — значит, по существу, выкинуть вообще из советского уголовного процесса институт прокурорского надзора за законностью и обоснованностью частных определений суда.

Важное место в борьбе с преступностью занимает следователь, его значение в этой борьбе невозможно переоценить. Необходимо в УПК СССР определить права следователя, обеспечивающие его независимость в работе от влияния каких-либо местных органов, а также независимость при решении принципиальных вопросов, возникающих в ходе следствия по делам.

В соответствии с действующими уголовно-процессуальными кодексами союзных республик прокурор при несогласии с постановлением следователя о прекращении дела составляет сам обвинительное заключение, а постановление из дела изымает и возвращает следователю с указанием на ошибки. Желательно это положение изменить. Прокурор при несогласии с постановлением следователя о прекращении дела не должен изымать постановление из дела, а должен вынести постановление об отмене постановления следователя и обязательно приобщить его к делу. Наличие в деле двух постановлений (о прекращении дела и об отмене этого постановления) дало бы возможность суду более всесторонне вникнуть в сущность дела, с учетом соображений, изложенных в постановлении следователя и постановлении прокурора, так как, естественно, в одном из них наиболее выпукло отражаются оправдывающие обстоятельства, а в другом — ули-

чающие. Это, безусловно, облегчило бы суду объективную оценку доказательств по делу.

Большое значение при раскрытии некоторых преступлений имеет деловая связь следователя прокуратуры с органами милиции. Желательно руководство за дознанием в органах милиции возложить на следователя прокуратуры, оставив надзор за следствием попрежнему за прокурором, указав в УПК СССР на обязательность для органов милиции устных и письменных указаний следователя по делам, находящимся в их производстве, и на право следователя давать поручения на производство оперативно-розыскных мероприятий органам милиции. Это резко поднимет качество дознания в органах милиции, повысит значение следователя в борьбе с преступностью, облегчит и усилит его деловой контакт с органами милиции, не говоря уже о том, что разгрузит прокурора и предоставит ему возможность уделять больше внимания другим отраслям прокурорской работы.

3. Садыков

Народный следователь прокуратуры
г. Нукуса Кара-Калпакской АССР

Серьезным, требующим всестороннего и тщательного изучения, является предложение предоставить обвиняемому право обжалования в суд санкцию прокурора на арест. Такая жалоба якобы должна рассматриваться составом суда с вызовом обвиняемого и прокурора. Нам говорят: бояться загрузки суда проверкой законности столь ответственного решения органов следствия, как заключение под стражу, не следует.

Нагрузка суда с введением такого порядка бесспорно возрастет. Однако дело не в этом. Одно это обстоятельство не может служить причиной к тому, чтобы отказаться от серьезного предложения, если бы оно было приемлемым в другом отношении. Есть более серьезное препятствие к введению такой нормы. Согласно ст. 115 УПК РСФСР данные предварительного следствия могут быть оглашены лишь в том объеме, в каком орган, производящий расследование, признает это возможным. Если это положение будет сохранено и в УПК СССР (а необходимость сохранения этого положения очевидна), то вряд ли возможно будет совместить его с положением о предоставлении обвиняемому права обжалования санкции прокурора на арест. В самом деле, для установления такого, например, обстоятельства, как тяжесть улик против обвиняемого (одна из причин, дающих право прокурору санкционировать арест), суду необходимо будет истребовать производство по делу, так как по одному постановлению прокурора установить законность заключения обвиняемого под стражу суд не сможет. Рассмотрение же такой жалобы с истребованием производства по делу, с участием обвиняемого (я, очевидно, его представи-

теля) вряд ли сможет гарантировать тайну данных предварительного следствия. Кроме того, необходимо не забывать о трудностях с доставкой обвиняемого в распорядительное заседание суда. Не надо забывать, что место содержания под стражей не всегда совпадает с дислокацией суда.

Заслуживает внимания вопрос о прекращении уголовного дела в судебном заседании. Высказывается мнение, что основаниями для прекращения дела в судебном заседании могут служить: наличие вступившего в законную силу приговора суда в отношении подсудимого по тому же обвинению; смерть подсудимого или достижение им установленного законом возраста; отсутствие жалобы потерпевшего или примирение потерпевшего с обвиняемым по делам частного обвинения. Перечень оснований прекращения дела, мы полагаем, является исчерпывающим, однако такое основание, как примирение потерпевшего с обвиняемым по делам частного обвинения, на наш взгляд, нуждается в конкретизации.

Известно, что ст. 10, ч. 2, УПК РСФСР предоставляет прокуратуре право вступить, в целях охраны публичного интереса, в дело, возбужденное по жалобе потерпевшего. В таких случаях дело не подлежит прекращению за примирением потерпевшего с обвиняемым. В законодательстве ряда союзных республик право признания дела частного обвинения имеющим публичное значение принадлежит также и суду. В РСФСР, Белорусской и Грузинской ССР такое право суду законодательством не предоставлено, однако Президиум Верховного суда РСФСР в постановлении от 17 января 1927 г. разъяснил, что «право признавать дело имеющим публичное значение и вследствие этого не подлежащим прекращению за примирением потерпевшего с обвиняемым помимо прокурора принадлежит также и суду».

Желательно изложить в УПК СССР ст. 10, ч. 2, УПК РСФСР в такой редакции, чтобы и суд вправе был признавать дело частного обвинения имеющим публичное значение. Такая норма будет вполне отвечать той активной роли, которую осуществляет суд по охране социалистического правопорядка.

В. Зинченко

Заместитель начальника управления юстиции по Западно-Казахстанской области

Заменять термин «Возбуждение уголовного дела» термином «Начало производства по уголовному делу» необходимости нет. Термин «Возбуждение уголовного дела» точно выражает специфику начальной стадии уголовного процесса. Прежде чем начать расследование преступления, надо — при наличии, конечно, к тому оснований — возбудить дело. До возбуждения же дела судья,

прокурор, следователь, дознаватель имеют перед собой только материал. Если дело не возбуждено, то производство начнется по существу не по уголовному делу, а по материалу. Производство же следственных действий по материалу без возбуждения дела совершенно правильно запрещено.

Предложение, что расходы по оплате защитника должны производиться из средств прокуратуры, а затем взыскиваться с обвиняемого или относиться за счет государства, считаю неприемлемым. Это, безусловно, вызовет у обвиняемого неприятное мнение о защитнике, а в некоторых случаях, в последнем слове подсудимого или после осуждения и прямой упрек защитнику. С этим нельзя не считаться. Нет необходимости производить оплату и из средств суда. Участие адвоката по назначению суда должно быть всегда таким же полноценным, как и участие адвоката в процессе в качестве защитника по приглашению обвиняемого. Поэтому желательно, чтобы оплата защитника производилась так, чтобы полноценность участия адвоката в процессе во всех случаях была одинаковой.

Если коллегия адвокатов не желает нести расходы по оплате защитника, участвующего по назначению суда, то в таком случае целесообразнее расходы по оплате защитника возложить на министерство юстиции с последующим взысканием судом с обвиняемого или отнесением за счет государства.

Нельзя согласиться с выдвигаемым предложением о порядке действий следователя при несогласии с указанием прокурора о привлечении к делу в качестве обвиняемого того или иного лица, о квалификации преступления, избрании или отмене меры пресечения, о составлении обвинительного акта или о прекращении дела.

Предоставление следователю права при несогласии с указанием прокурора в одном случае обжаловать указание прокурора, а в другом — передать дело прокурору — неправильно. Это может привести к ослаблению служебной дисциплины, к волоките в расследовании преступлений. Надо сохранить существующий ныне порядок, когда следователь при несогласии с указанием прокурора имеет право обжаловать указание вышестоящему прокурору.

Производство следствия может быть поручено другому следователю, если следователь возражает против привлечения того или иного лица в качестве обвиняемого за отсутствием к тому оснований или считает необходимым прекратить дело или обвинение в отношении того или иного лица.

В других случаях передавать производство следствия другому следователю или прокурору оснований нет. Прокурор при необходимости может сам пересоставить обвинительный акт, вынести постановление о прекращении дела или обвинения и об избрании или изменении меры пресечения, оставив дело в производстве следователя.

Предложение предоставить обвиняемому право обжаловать санкцию прокурора на

арест в суд не может быть принят. Дело здесь не в боязни загрузки судов. Это предложение является неправильным в силу ряда других причин. Предоставление суду права осуществлять надзор за санкциями прокурора противоречит Конституции СССР, делает надзор за предварительным следствием двойственным: прокурор и суд.

Нельзя признать правильным и то, что суд уже в процессе следствия высказывает по существу свое мнение о виновности обвиняемого, ибо мнение суда об основательности или неосновательности санкции прокурора на арест есть в какой-то мере предположение вопроса о виновности обвиняемого. Поскольку жалоба обвиняемого будет рассматриваться в его присутствии, то ему станут известны имеющиеся против него доказательства, знание которых обвиняемым с точки зрения тактики расследования дела никак не желательно, тем более в самом начале следствия.

Желательно сохранить существующий порядок, по которому санкцию прокурора на арест можно обжаловать вышестоящему прокурору.

Статью о допросе эксперта в суде следовало бы дополнить предупреждением эксперта об ответственности за отказ от заключения и за ложные заключения. В УПК РСФСР предупреждение эксперта об ответственности за отказ от дачи заключения и за дачу ложного заключения предусмотрено лишь при предварительном следствии. Такая разница в обязанностях эксперта и в последствиях нарушения этих обязанностей ничем не оправдывается.

Необходимо включить в УПК СССР норму, обязывающую следователя объявить и разъяснить обвиняемому его права и обязанности, о чем следует делать отметку в протоколе. Введение в УПК такой нормы вызывается требованиями следственной и судебной практики, дальнейшим развитием прав обвиняемого на защиту.

Перечень доказательств желательно дополнить протоколом производства следственного эксперимента. Значение следственного эксперимента при расследовании преступлений велико. Часто данные следственного эксперимента являются очень важным доказательством (возможность проникновения в отверстие, звукопроницаемость, видимость и т. д.). Наряду с этим протокол производства следственного эксперимента нельзя подводить под понятие протокола осмотра. Производство, например, следственного эксперимента на видимость, на звукопроницаемость никак нельзя включить в понятие осмотра, ибо осмотр при следственном эксперименте является лишь составной частью самого следственного эксперимента.

Наконец, о протоколе судебного заседания. Хотелось бы в УПК СССР иметь статью, предусматривающую право сторон, участвующих в судебном заседании, приносить замечания на протокол сразу же после окончания прений сторон, выслушав такое

замечание, суд должен вынести определение об удовлетворении или отклонении ходатайства стороны.

Такой порядок исключит возможность изготовления протокола судебного заседания после вынесения приговора, обеспечит вынесение приговора на основании документа, в котором зафиксированы данные судебного разбирательства дела правильно и полно, и даст возможность ускорить принесение протеста или жалобы, так как сторонам не надо будет ожидать изготовления протокола.

П. Саушкин

Заместитель прокурора Иркутской области

Действующий ныне УПК РСФСР (ст. 102) предусматривает порядок допроса лиц в качестве подозреваемых. Однако циркуляром Прокурора СССР от 5 июня 1937 г. предложено устранить из следственной практики фигурирование на следствии того или иного лица в положении «подозреваемого». Пока тот или иной человек не привлечен в качестве обвиняемого, пока ему не предъявлено обвинение, он может допрашиваться лишь в качестве свидетеля. В качестве обвиняемого могут допрашиваться лишь лица, которым в порядке ст. 128 УПК предъявлено обвинение.

Исключение могут представлять лишь случаи допроса лиц, в отношении которых в соответствии со ст. 145 УПК была избрана мера пресечения до привлечения их в качестве обвиняемых. В этом случае лица, подозреваемые в совершении преступления, должны допрашиваться в соответствии с указаниями Прокуратуры СССР в качестве обвиняемых до предъявления им обвинения.

Оставлять ныне действующий порядок допроса, предусмотренный указанным циркуляром, я считаю нецелесообразным по таким основаниям. В процессе предварительного расследования иногда по отдельным делам имеются доказательства, свидетельствующие о совершении преступления определенными лицами, однако этих доказательств еще недостаточно для предъявления обвинения. Допустим, что на рынке были задержаны А. и Б. с двумя чемоданами, поспешно продававшие вещи, находившиеся в них. Задержанные не могли сообщить, какие именно вещи находятся в чемоданах, и не захотели рассказать, где они их похитили.

В каком порядке их допрашивать? В данном случае правильно было их допросить в качестве подозреваемых и принимать меры к розыску потерпевших и выяснению обстоятельств хищения. Однако согласно циркуляру Прокурора СССР их можно допрашивать или в качестве свидетелей или обвиняемых. Но как можно допрашивать человека в качестве обвиняемого, не предъявив ему обвинения?

Все это указывает на необходимость предусмотреть в УПК СССР порядок допроса в качестве подозреваемого.

С предложением об участии прокурора при выполнении следователем требований ст. ст. 128, 135 и 206 УПК РСФСР согласиться нельзя по ряду оснований. Прокурору, осуществляющему надзор за расследованием, предоставляется право присутствовать при производстве всех следственных действий (допросов, предъявления обвинения, обысков и др.), и в целях улучшения качества расследования прокурор должен чаще участвовать при выполнении этих действий, но предусматривать обязанность для него присутствовать при выполнении определенных следственных действий неправильно. Введение такого порядка могло бы быть истолковано как недоверие к следователю. Кроме того, осуществить такой порядок почти невозможно: тюрьмы чаще всего находятся далеко от районных центров, и выезжать для допроса обвиняемого и предъявления следственного дела наряду со следователем пришлось бы прокурору.

Я. Соколовский

Старший преподаватель Фрунзенской юридической школы

Мне, молодому работнику органов прокуратуры, хотелось бы внести одно предложение.

Известно, что в УПК РСФСР нет норм, регулирующих проверку предварительных материалов. Обычно проверка таких материалов возложена на помощников районных и городских прокуроров. В практике неоднократно возникали вопросы: каков процессуальный порядок проверки материалов, каким процессуальным документом оформить окончание проверки тех материалов, которые проверялись по инициативе самих оперативных работников прокуратуры, и особенно по анонимным заявлениям граждан. Иные работники в таких случаях писали свои заключения, другие — постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, третьи — просто клали такие материалы в наряд, если факты не подтверждались.

УПК РСФСР не допускал случаев проведения следственных действий, как производство обыска, направление на экспертизу, отдельные требования и др., до возбуждения уголовного дела, т. е. в стадии проверки первичных материалов. Однако в практической работе нередко возникает необходимость при проверке материалов написать в то или иное место отдельное требование, произвести графическую экспертизу и т. д.

Было бы желательно, чтобы новый общесоюзный УПК с исчерпывающей полнотой определил порядок проверки первичных материалов.

Ю. Голофеевский

Прокурор Таловского района Воронежской области

В связи с обсуждением проекта УПК СССР поднимается вопрос о расширении прав потерпевшего в уголовном процессе по всем делам, а не только по делам частного обвинения. Предлагается в целях защиты интересов предоставить потерпевшему право заявлять ходатайства перед следователем, прокурором и судом присутствовать в судебном заседании в течение всего разбирательства дела, задавать вопросы подсудимому, свидетелям, эксперту, а также заявлять отвод следователю, судье и другим лицам. Рекомендуется потерпевшему допрашивать в качестве свидетеля ранее других свидетелей по делу, предоставить ему право обжаловать действия прокурора, следователя и судьи, а также приговор суда в тех случаях, когда он не является частным обвинителем и гражданским истцом по делу. С таким мнением, на наш взгляд, согласиться нельзя. Бремя доказывания должно лежать не на потерпевшем (за исключением дел частного обвинения), а на органах расследования.

Если предоставить потерпевшему право возбуждать ходатайство об отводе следователя, прокурора, суда и других лиц и обжалования приговора в тех случаях, когда он не является частным обвинителем, это значит дать потерпевшему возможность ознакомления со всем производством расследования по делу, что приведет к разглашению тайны следствия.

Нет необходимости устанавливать в новом УПК порядок и очередность в допросе потерпевшего и свидетелей, допрашивать потерпевшего ранее других свидетелей. Практика показывает, что иногда при расследовании потерпевший бывает неизвестен или допросить его нельзя (больной и т. п.).

Симутенков

Прокурор Угодско-Заводского района Калужской области
Безручко

Народный следователь прокуратуры Угодско-Заводского района

В практике судов, рассматривающих дела по первой инстанции, имеются случаи отказа подсудимых от адвокатов, назначенных защищать их интересы в суде. Такие отказы от защитника хотя и не часты, но заслуживают того, чтобы на них более подробно остановиться, тем более, что вопрос этот мало освещен в юридической литературе. Возникают вопросы о причине такого отказа от защитника, о том, в какой мере этот отказ обязателен для суда, и, наконец, о том, как свести такие случаи к минимуму. Мотивировка подсудимыми отказа от защитника бывает различной. Отказ от защитника порождается чаще всего юридической неосведомленностью подсудимых. Вместе с тем необходимо отметить, что причиной отказа от защитника в суде иногда является невысокий уровень защиты по назначению суда.

По сложным делам необходимо назначать квалифицированных адвокатов и добиваться того, чтобы уровень защиты по назначению был не ниже уровня защиты по соглашению. Удовлетворение заявления подсудимого об отказе от защиты должно быть не механическим, а должно состояться только после разъяснения подсудимому председательствующим роли и значения адвоката в суде. Целесообразно объявлять краткий перерыв, чтобы адвокат мог выяснить подлинную причину отказа подсудимого от защитника и мог бы разъяснить ему неправильность его позиции.

Если отказ последовал со стороны несовершеннолетнего или одного из лиц, перечисленных в ст. 55 УПК РСФСР, т. е. немых, глухих и вообще лиц, лишенных в силу физических недостатков способности правильно воспринимать те или другие явления, такой отказ не должен подлежать удовлетворению, так как эти лица не в состоянии в полной мере осуществлять свою защиту.

Г. Лившиц

Член Башкирской коллегии адвокатов

Решительно не согласен с предложением, чтобы в случае несогласия вышестоящего прокурора с точкой зрения следователя дальнейшее производство предварительного следствия поручалось бы другому лицу. Такой порядок нельзя признать правильным. Никто и никогда не может запретить следователю обжаловать вышестоящему прокурору любое указание прокурора по конкретному делу, если следователь считает его ошибочным или явно незаконным. В последнем случае обжалование действий прокурора даже не право, а прямая обязанность следователя.

Предлагаемый порядок может привести и к другой крайности. Не совсем добросовестный следователь, имея в своем производстве сложное дело, по которому требуется приложить немало сил и энергии, может легко от него избавиться. Стоит в письменном виде заявить, что он не согласен с прокурором, скажем, по вопросу квалификации действий обвиняемого, как это автоматически поведет к передаче дела другому следователю или потребует принятия к производству самого прокурора. В свою очередь передача дела в производство другого следователя нарушит оправдавшую себя участковую систему работы и вызовет, естественно, затяжку с расследованием, так как потребуются время на изучение дела, особенно когда оно является сложным или многотомным.

Мне думается, лучше установить следующий порядок: когда следователь не согласен с указанием прокурора по принципиальному вопросу, он обязан в письменной форме обратить внимание последнего на ошибочность его точки зрения. Если прокурор в письменной форме вновь подтвердит свое

указание, следователь должен немедленно приступить к выполнению этого указания, одновременно сообщив вышестоящему прокурору о незаконности, на его взгляд, действий прокурора. В случае признания в дальнейшем указаний прокурора неправильными ответственность со следователя снимается и несет ее только прокурор.

Сообщения следователей о неправильных указаниях прокуроров по делам, находящимся в их производстве, когда эти указания вновь подтверждены прокурорами, вышестоящий прокурор обязан рассматривать в кратчайший срок и о результатах рассмотрения во всех случаях в письменном виде ставить в известность следователей и соответствующих прокуроров.

Б. Боговский

Прокурор Волосовского района
Ленинградской области

Важной гарантией социалистической законности является четкое разграничение функций суда и прокуратуры.

В связи с этим хотелось бы поставить на обсуждение такие предложения. В ст. 9 УПК РСФСР содержится указание, что прокуратура обязана возбуждать уголовное преследование перед судебными и следственными органами по всякому совершившемуся и подлежащему наказанию преступлению. Органы прокуратуры, как известно, установив факт совершенного преступления, практикуют прекращение дела по мотиву малозначительности, нецелесообразности и т. п., не передавая дело на рассмотрение суда. Такое действие прокуратуры противоречит ст. ст. 102, 113 Конституции СССР.

В УПК СССР, на наш взгляд, должны быть четко закреплены конституционные функции прокуратуры. Для этого целесообразно в УПК СССР сохранить ст. 9 УПК РСФСР и дополнить ее запрещением прокурору решать вопросы об освобождении преступников от наказания, так как эти функции относятся к компетенции суда.

В главе XI УПК РСФСР (и соответствующих главах УПК других союзных республик), регулирующей порядок предъявления обвинения и допроса обвиняемого, нет статьи, устанавливающей права обвиняемого в ходе предварительного расследования. В ст. 139 УПК РСФСР имеется указание, что обвиняемый имеет право требовать дополнения протокола и внесения в него поправок согласно данному им показанию и что обвиняемому, в случае его о том просьбы, должно быть предоставлено право собственноручного написания показаний. При этом УПК не обязывает следователя разъяснять обвиняемому эти права.

В настоящее время обвиняемый пользуется более широкими правами, чем это предусмотрено ст. 139 УПК РСФСР. Права

обвиняемого о дополнении следствия предусмотрены только ст. 206 УПК РСФСР. Это обстоятельство не может быть признано удовлетворительным, так как права обвиняемого, предусмотренные этой статьей, предоставляются обвиняемому после признания следователем, как явствует из текста ст. 206 УПК РСФСР, предварительного расследования оконченным.

Нам представляется, что в УПК СССР в главе, посвященной обвиняемому, должно быть предусмотрено право обвиняемого давать объяснение по существу предъявленного обвинения, заявлять ходатайство об истребовании дополнительных доказательств, о производстве очной ставки и иных следственных действиях (производство экспертизы, следственного эксперимента), право на ознакомление с протоколом допроса его, а также право собственноручного написания протокола; причем эти права долж-

ны быть ему предоставлены не после признания следователем расследования оконченным (ст. 206 УПК РСФСР), а немедленно после предъявления обвинения.

В УПК СССР должна быть статья, обязывающая следователя немедленно после предъявления обвинения разъяснять обвиняемому его права в процессе расследования. В силу сложившейся судебной практики оглашение обвинительного заключения, которым согласно ст. 279 УПК РСФСР начинается судебное следствие, производит председательствующий судебного заседания. Нам представляется, что по УПК СССР оглашение обвинительного заключения должно быть возложено на прокурора, выступающего в качестве обвинителя.

С. Таранов

Председатель президиума Курганской
областной коллегии адвокатов

УЛУЧШИТЬ РАБОТУ С НАРОДНЫМИ ЗАСЕДАТЕЛЯМИ

Непосредственное участие представителей народа в отправлении правосудия является одним из важнейших конституционных принципов организации советского суда. Согласно ст. 103 Конституции СССР «рассмотрение дел во всех судах осуществляется с участием народных заседателей, кроме случаев, специально предусмотренных законом». Народные заседатели участвуют в разрешении дел в народном суде, который рассматривает подавляющее большинство уголовных и гражданских дел. С участием народных заседателей рассматриваются дела в краевых, областных, окружных судах, судах автономных областей, в военных трибуналах и линейных судах железнодорожного и водного транспорта, в верховных судах республик, а также в высшем судебном органе страны — Верховном суде СССР.

Огромные права, которыми пользуются при отправлении правосудия народные заседатели, возлагают на них большую ответственность за выполнение своих обязанностей.

В связи с этим особо важное значение приобретает организация учебы народных заседателей, повышение их политических и юридических знаний.

Дальнейшее укрепление социалистической законности требует улучшения деятельности суда. Повышение идейно-политического уровня народных заседателей, ознакомление их с советским законодательством способствуют осуществлению правосудия в точном соответствии с требованиями социалистической законности.

Многообразны формы учебы народных заседателей. В городах организуются круж-

ки, в сельских местностях периодически проводятся совещания и семинарские занятия, на которых обсуждаются различные вопросы судебной практики. Занятия и беседы с народными заседателями проводятся также на предприятиях, в колхозах. С народными заседателями проводятся беседы в форме вопросов и ответов. В Чкаловской, Крымской, Калининской и ряде других областей, а также в Москве и Ленинграде организованы специальные лектории для народных заседателей. Одной из наиболее распространенных форм работы с народными заседателями является регулярное проведение с ними занятий, семинаров, бесед. Исполнительный комитет Московского городского совета депутатов трудящихся принял специальное решение, которым обязал райисполкомы и народных судей организовать в каждом районе семинарские занятия с народными заседателями. На исполкомы районных советов была также возложена обязанность выделять помещения для занятий.

Управлением юстиции была разработана, а Московским горисполкомом утверждена примерная тематика занятий, охватывающая двадцать тем: общественное и государственное устройство СССР, основные права и обязанности народных заседателей, вопросы организации и деятельности народного суда, порядок рассмотрения уголовных и гражданских дел, основы уголовного, гражданского и трудового законодательства и т. д. Утверждены планы и графики занятий, закреплены лекторы и руководители семинаров по каждому занятию.

Хорошая организация обеспечила успешное проведение занятий. В районах Москвы

они организуются, как правило, два раза в месяц. Например, только в Щербаковском районе проведено 14 лекций и семинарских занятий по различным вопросам советского законодательства, по международным вопросам и т. д. Занятия проводят лучшие народные судьи, члены Московского городского суда, преподаватели юридических учебных заведений, лекторы и докладчики городского комитета партии. Лекции, как правило, читаются на высоком идейно-теоретическом уровне и хорошо воспринимаются слушателями. Занятия проходят оживленно, при активном участии народных заседателей.

Во многом это объясняется тщательной подготовкой занятий. Тезисы и конспекты лекций, планы проведения занятий предварительно обсуждаются на заседаниях юридических секций лекторских групп исполкомов районных советов депутатов трудящихся.

Систематическое повышение политического уровня и юридической квалификации народных заседателей г. Москвы делает их участие в работе народного суда более активным, повышает качество работы народного суда.

Наиболее оправдавшей себя формой работы с народными заседателями в сельской местности является организация занятий по группам сельских советов, колхозов. Здесь особенно важна тщательная подготовка к занятиям. Следует учитывать, что народные заседатели, проживающие вдали от крупных населенных пунктов, не всегда могут бывать на совещаниях и семинарах, организуемых в районе. В то же время не всегда возможно пригласить квалифицированного лектора в отдаленную сельскую местность с небольшим числом народных заседателей. Поэтому особо важна организация групповых занятий, проводимых народными судьями во время выездов на выездные сессии, и т. д. Важно заранее дать знать народным заседателям, когда, где и на какую тему будут проведены занятия, назначить ответственного за подготовку помещения, обеспечение явки людей и т. д. Необходимо, чтобы народный судья регулярно вел учет посещения занятий, составлял план работы.

Серьезное значение в улучшении работы народных заседателей имеет пропаганда передового опыта.

Управление юстиции по Чкаловской области распространило положительный опыт работы с народными заседателями народного судьи 1-го участка Сталинского района Орска г. Касьянова. Тов. Касьянов проводит занятия с народными заседателями строго по плану, в установленные дни, регулярно в одно и то же время. Он ведет специальный журнал учета посещения занятий и с народными заседателями, пропустившими занятия, проводит отдельные беседы. Занятия проходят по теоретическим вопросам права и по практическим вопросам работы суда. Так на занятиях обсуждались итоги обобщения судебной практики.

Народных заседателей ознакомили с постановлениями Пленума Верховного суда СССР и основными законодательными актами. Тов. Касьянов инструктирует народных заседателей, как им следует проводить беседы с избирателями о своей работе в народном суде.

Однако положительный опыт работы с народными заседателями внедряется в практику еще недостаточно. В значительном числе областей, краев и автономных республик народные заседатели, по существу, предоставлены самим себе.

Особенно неблагоприятное положение с работой по повышению знаний народных заседателей в Курской области. Здесь 24 судьи вообще не провели со дня выборов в 1953 году ни одного занятия с народными заседателями. Систематически не занимались с народными заседателями 46 народных судей, большинство же их провело за год от двух до семи занятий. Плохо организованы занятия в Великолукской области. Народные судьи проводят здесь занятия от случая к случаю, а многие вообще не провели ни одного занятия.

Большая вина в неудовлетворительной организации работы с народными заседателями ложится на областные управления юстиции, не сумевшие обеспечить руководство этим важным делом. Помощь их народным судьям в организации занятий с народными заседателями в большинстве случаев сводится лишь к направлению примерных программ занятий. Не всегда проверяется организация занятий с народными заседателями в процессе ревизий народных судов.

Управления юстиции Новгородской, Ростовской, Мурманской, Астраханской и Калининской областей особенно грешат в этом отношении. Вопреки требованиям приказа Министра юстиции СССР они не оказывают помощи судьям в налаживании работы с народными заседателями, почти не проводят занятий сами.

Крайне незначительное число народных заседателей привлечено к занятиям в Молотовской, Воронежской, Калужской и Астраханской областях, причем это объясняется в значительной степени тем, что руководители управлений юстиции этих областей не потребовали от народных судей сельских местностей организации занятий по кустам и сельским советам, в результате чего занятия проводятся в большинстве случаев лишь с народными заседателями, проживающими в районных центрах.

До сих пор еще не изжиты недостатки в организации работы с народными заседателями, привлекающимися к временному исполнению обязанностей народного судьи, тогда как качество работы народных судов во время отсутствия народного судьи в значительной степени зависит от правильного подбора и юридической подготовки замещающих их народных заседателей. Между тем отдельные областные управления юстиции (Ростовское, Костромское) вообще не

проводят никакой работы по повышению юридических знаний народных заседателей, привлекающихся к исполнению обязанностей народного судьи.

В Калужской области многие народные судьи не организовали регулярного изучения «Библиотеки народного судьи», не оказывают народным заседателям помощи в составлении индивидуальных планов изучения «библиотеки». Областные управления юстиции слабо контролировали этот участок работы, не помогали народным судьям. Аналогичные недостатки имеются в Астраханской, Ленинградской и ряде других областей.

При исполнении обязанностей народного судьи заседателям приходится преодолевать значительные затруднения в процессе работы. Казалось бы, что учитывая это, руководители управлений юстиции должны были направить в народный суд опытных ревизоров, хорошо знающих судебную работу, чтобы помочь на месте народным заседателям. Но по-иному, видимо, думают руководители управлений юстиции Ростовской области и Краснодарского края.

Народный заседатель т. Кравченко длительное время в 1953 году исполнял обязанности народного судьи 1-го участка Нефтегорского района Ростовской области. В связи с большим поступлением дел т. Кравченко не сумел организовать их своевременное рассмотрение, в результате чего ежемесячно оставалось много нерассмотренных дел. Несмотря на просьбы о помощи, управление юстиции не помогло т. Кравченко, а ревизор управления приехал в народный суд лишь для участия в сдаче им дел.

Народный заседатель т. Попович в течение шести лет регулярно привлекается к исполнению обязанностей народного судьи 2-го участка Нефтегорского района Краснодарского края. Однако за все это время никто из работников краевого управления юстиции и краевого суда не оказал т. Поповичу помощи в изучении юридической литературы, не разъяснил неясных для него вопросов.

О невнимательном отношении к народным заседателям руководящих работников

управления юстиции и областных судов сообщают народные заседатели тт. Воробьев из Орловской области, Сычев из Свердловской области, Тельнов из Калининской области, Башмаков из Тюменской области и другие.

Как показывают факты, плохая организация работы с народными заседателями и особенно с теми, которые привлекаются к временному исполнению обязанностей народного судьи, отрицательно сказывается на качестве рассмотрения дел.

Не изжиты факты нарушения народными судьями ст. 12 Закона о судоустройстве — очередности привлечения народных заседателей к участию в рассмотрении дел, в результате чего одни народные заседатели привлекаются для участия в рассмотрении дел на срок свыше десяти дней, другие — совершенно не участвуют в отправлении правосудия.

Нужно оказать народным судьям всемерную помощь в организации учебы народных заседателей, контролировать порядок и своевременность их вызова для участия в деятельности суда.

Работники управлений юстиции, министерств юстиции автономных республик и центральных аппаратов министерств юстиции союзных республик должны во время ревизий народных судов тщательно проверять, как организуется и проводится работа с народными заседателями, и оказывать здесь народным судьям всемерную помощь.

Следует шире внедрять в жизнь передовой опыт лучших народных судей, управлений юстиции, сумевших хорошо организовать работу с народными заседателями.

В сельских местностях необходимо организовать учебу народных заседателей по группам, привлекая к их проведению квалифицированных преподавателей, опытных практических работников. От того как организована работа с народными заседателями, во многом зависит качество рассмотрения уголовных и гражданских дел.

М. Макаров
М. Щербаков

В ПРИЕМНОЙ ОДНОГО ПРОКУРОРА

Гор. Минск.

Приемная уголовно-судебного отдела прокуратуры Белорусской республики. Принимает начальник отдела Захаров. К столу нерешительно подходит гр-н Ш. и подает прокурору жалобу в порядке надзора об истребовании дела из суда. Взяв жалобу, прокурор обращается к посетителю с вопросами:

— Кто Вам писал жалобу?

— В юридической консультации коллегии адвокатов, — отвечает Ш.

— А кто подписал жалобу?

— Один из моих родственников, сам я был на работе.

— А сколько Вы заплатили за жалобу? — вопрошает прокурор.

— 30 рублей, у меня есть квитанция.

— А почему не меньше?

— Наверно, такса такая.

После длительного опроса посетителя в том же духе, не касаясь существа жалобы, прокурор кладет жалобу в стол и заявляет посетителю:

— До тех пор, пока Вы не представите мне лицо, подписавшее жалобу, Ваша жалоба рассматриваться не будет.

Напуганный посетитель идет в юридическую консультацию за советом, как ему хотя бы обратно получить свою жалобу.

Получив в консультации соответствующее разъяснение, Ш. уходит домой.

Проходят дни, недели. Наконец, Ш., набравшись смелости, идет к прокурору, захватив с собой мать, чтобы дать объяснение, — кто подписал жалобу.

Прокурор Захаров, ничего не разъяснив явившимся, невпопад сняв с них допрос, накладывает на жалобу резолюцию: «Истребовать дело из нарсуда». Эту жалобу вместе с допросами он направляет в управление юстиции Минской области для проверки, заприходованы ли в юридической кон-

сультации деньги, принятые за составление жалобы. Президиуму коллегии адвокатов Захаров, конечно, не доверяет этого дела. И вот два месяца как подана жалоба, но она не разрешена, будучи направлена в область, где и находится.

Гражданин Ш., изливая свое горе, рассказывает знакомым о приеме посетителей прокурором Захаровым. Показывая головой, знакомые отвечают: «Если узнают об этом в Прокуратуре СССР,— и попадет же, как следует, прокурору Захарову!» А безусловно, узнают и воздадут Захарову по заслугам за бюрократическое извращение директив партии и правительства о чутком и внимательном отношении к жалобам трудящихся и за дискредитацию адвокатуры в глазах населения.

П. Муромцев

ПОРОЧНЫЙ СТИЛЬ ПРОВЕДЕНИЯ РЕВИЗИЙ

Задачи, поставленные XIX съездом партии, постановлениями ЦК КПСС и Советского правительства, требуют дальнейшего совершенствования и повышения уровня руководящей деятельности органов управления, в том числе и органов министерств юстиции. Важное значение имеет проверка работы местных органов.

Задача ревизионной работы министерств юстиции заключается в том, чтобы работники министерств, бывая на местах, не выступали в роли пассивных регистраторов фактов, а активно вмешивались в жизнь, устраняли недостатки и конкретно показывали, как надо организовать дело.

К сожалению, работники Министерства юстиции Украинской ССР и не помышляют об оказании помощи в ходе проверки.

Приведу примеры.

В апреле 1952 года в управлении юстиции по Закарпатской области был освобожден начальник отдела кадров управления. Прошло два года, а должность начальника отдела кадров так и остается вакантной. С тех пор в области побывало более двадцати работников Министерства юстиции Украинской ССР, из них пять работников управления кадров, но положение не изменилось. В 1953 и 1954 гг. бригада Министерства в составе шести человек (в том числе член коллегии Министерства т. Чорпита) два раза по месяцу пребывала в области, но бригада ограничилась лишь констатированием факта вакансии. Министерство юстиции, будучи скупое на оказание помощи, указания о подборе кандидата не должность начальника отдела кадров дает с ненужной щедростью: более пятидесяти письменных и телеграфных указаний по этому вопросу (вера в магическую силу бумаги!).

Когда на республиканском совещании 27 февраля я высказал по этому вопросу

критическое замечание, заместитель министра юстиции т. Шиков упрекнул меня, что не т. Чорпита должен за меня работать. Мне кажется уместным сказать, что т. Чорпита должен был работать за себя а, может быть, и за т. Шикова, в ведении которого находится управление кадров. Тов. Шиков знал о создавшемся положении, но, несмотря на наши неоднократные просьбы и свои обещания, он в течение четырех лет ни разу не приехал в Закарпатскую область.

А вот другой пример. Летом 1953 года я просил прибывших ревизоров, в частности руководителя бригады т. Чорпита, чтобы ревизоры Министерства юстиции УССР в процессе проверки работы управления юстиции и совместно с нами провели несколько проверок работы народных судов и на практике показали, как нужно проверять работу народного суда. Но этого не было сделано. Ревизоры Министерства юстиции отсиживались в кабинетах управления юстиции, загружая аппарат составлением разных справок, а руководитель бригады т. Чорпита объехал вместе со мной за два дня Мукачевский, Свалявский, Воловецкий, Межгорский, Хустский, Виноградовский и Береговский районы, «проверив» на месте шестнадцать судебных участков, шесть нотариальных контор и семь юридических консультаций. Никакой пользы от такого гастрольства ни народным судам, ни нотариальным конторам, ни управлению, безусловно, быть не может: после такой ревизии составляются, как правило, акты и докладные на сотнях страниц, издается приказ Министерства юстиции,— и дело считается окончательным. Таким же методом проведена проверка управления в феврале 1954 года, т. е. уже после решения ЦК КПСС, требующего изменения стиля руководства.

Приведенные данные свидетельствуют, что в Министерстве юстиции Украинской ССР перестраиваются медленно. Если еще учесть болезненность, с какой реагировали на мое выступление гг. Шиков и Чорпита, то остается сомнительным, чтобы они думали перестраиваться. А перестроиться необходимо. Необходимо изменить стиль руководства, так организовать работу, чтобы на первом плане стояло живое дело. Работни-

ки Министерства юстиции, особенно ответственные, должны чаще бывать на местах, лично знакомиться с положением дел, принимать меры к улучшению работы всех органов юстиции, обучать местных работников искусству руководства.

А. Логойда

Начальник управления юстиции по
Закарпатской области

БОЛЬШЕ ВНИМАНИЯ ПРОКУРОРУ РАЙОНА

Районная прокуратура в системе прокуратуры занимает важное место. Поэтому руководители вышестоящих прокуратур должны проявлять большую заботу о низовом звене.

Однако, несмотря на важную роль и значение районных прокуратур, вышестоящие прокуратуры не уделяют им нужного внимания.

Районные прокуратуры значительно хуже обеспечиваются материально-техническими средствами. Подавляющее большинство средств, инвентаря и оборудования оседает в областных и городских прокуратурах. Хочется остановиться на роли, правах и положении районного прокурора как лица, возглавляющего районную прокуратуру.

Задачи районного прокурора огромны, обязанности многообразны. Он должен быть образцом широкого профиля. От районного прокурора требуется всесторонняя подготовка, — он должен знать и партийное, и советское строительство, основы экономики. Прокурор должен хорошо знать свой район.

Большинство руководящих кадров прокуратуры признают это положение. Однако одного признания недостаточно. Требуется большая работа по укреплению низового звена прокуратуры, большая и настойчивая работа по поднятию квалификации районных прокуроров, по оказанию им практической помощи, по улучшению их положения, расширению прав и т. д.

А этого явно не доставало и не хватает.

Прокуратура СССР и прокуратуры РСФСР, краев и областей недостаточно занимаются подготовкой прокуроров районов. Если они все же периодически, хотя и не часто, созывают совещания и семинары следователей, конференции лучших следователей, то конференций и семинаров прокуроров районов по вопросам организации и практики работы совершенно не проводится.

Прокуратура СССР и журнал «Социалистическая законность» мало изучают и обрабатывают практику работы районных прокуратур и не освещают работу этого звена в статьях, брошюрах, сборниках, пособиях. Прокуратура СССР печатает речи лучших

государственных обвинителей, протесты, внесенные на незаконные распоряжения, приказы и решения местных органов, и т. д., но опять-таки не освещает и не показывает лучшие приемы и методы работы районных прокуроров.

То же следует сказать и о стажировках районных прокуроров: на стажировки в соответствующие прокуратуры вызываются помощники прокуроров, начальники отделов и т. д., но нет случая, чтобы стажировку в областных, республиканских прокуратурах проходил прокурор района. На курсы по повышению квалификации прокуроры районов посылаются еще очень редко.

Не организованы лекции и доклады по специальным вопросам для прокуроров районов даже в пределах Москвы. Год назад прокуроры районов Москвы приглашались на еженедельные лекции в Прокуратуру СССР, но теперь и этого нет.

Особенно следует остановиться на правах районного прокурора. Нам представляется, что в настоящее время они неосновательно урезаны. В Москве, например, прокуроры района не имеют возможности самостоятельно принять или уволить с работы даже секретаря, шофера, курьера, не говоря уже об оперативных работниках, не могут самостоятельно предоставить своему работнику кратковременный или очередной отпуск. Все это сосредоточено в прокуратуре города. Приказы о приеме, назначении, увольнении, предоставлении отпуска издаются прокуратурой города, а прокуроры района должны писать рапорты, просьбы и т. д. Прокуроры районов Москвы лишены права самостоятельно вести свое хозяйство. Они должны ходатайствовать о выдаче аванса на почтовые марки, на приобретение самой мелкой хозяйственной вещи и ждать утверждения авансового отчета. Купить что-нибудь для районной прокуратуры без разрешения городской прокуратуры невозможно.

Прокуратуры городов, областей часто очень неосновательно снимают кассационные протесты прокуроров района, отклоняют проекты надзорных протестов на приговоры и решения судов, что также ограничивает

права прокурора. Прокурор района не может выносить постановления об этапировании преступника, не может давать санкций на арест несовершеннолетних до 16 лет или выносить постановления о направлении несовершеннолетних в трудовые воспитательные колонии. Введен порядок, по которому прокурор района не может вносить протесты и представления руководителям городских, межрайонных хозяйственных учреждений и предприятий.

Все эти ограничения нам представляются искусственными. Они мешают быстрому и оперативному разрешению вопросов, являясь, повидимому, плодом чрезвычайного увлечения «централизацией прокурорской системы».

По нашему мнению, назрела необходимость коренным образом решить эти вопросы в самое ближайшее время.

Совершенно недопустимо так называемое «общее» руководство прокурорами, без учета особенностей районов. В Москве, например, есть районы, в которых проживает свыше 350 тысяч населения (Щербаковский, Киевский, Москворецкий), и есть районы, в которых живет до 150 тысяч населения, но прокурору Москвы и Прокуратуре РСФСР кажется, что все районы одинаковы, и поэтому штаты прокуратур на каждый район устанавливаются единые, по трафарету. В редких случаях от этого «среднего»

«типового» штата для прокуратуры района допускается отклонение.

Хотелось бы предложить ряд мероприятий, которые могут способствовать укреплению районных прокуратур; повышению подготовки районных прокуроров, расширению их прав и т. д.: на курсы Прокуратуры СССР по повышению квалификации следует посылать больше районных прокуроров; практиковать вызов на стажировку в прокуратуры областей (республик) прокуроров района и небольших городов; практиковать созыв семинаров или совещаний (на пять-семь дней) прокуроров района и городов по вопросам организации и методики работы районных прокуратур; изучать опыт работы лучших городских районных прокуроров в смысле организации, контроля и руководства аппаратом и освещать в печати, письмах, пособиях; расширить права прокуроров районов в отношении приема и увольнения работников, предоставления им отпусков, внесения протестов на нарушения законности любому руководителю учреждения и предприятия и т. д.; улучшить материально-техническое снабжение прокуратур районов, обеспечить их самым необходимым инвентарем, транспортом, помещениями и т. п.

Липатников
Прокурор Киевского района
Москвы

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО ЖИЛИЩНЫМ ДЕЛАМ

Согласно ст. 2 Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик суды обязаны охранять жилищные права граждан от всяких посягательств.

Жилищные дела являются актуальной категорией гражданских дел, и народные суды при рассмотрении их должны уделять максимум внимания, чтобы не допускать нарушений жилищного законодательства и во всех случаях восстанавливать нарушенные права граждан, охраняемые законом.

Проведенное Киевским областным судом обобщение судебной практики по рассмотрению жилищных дел показало, что значительное количество народных судов Киевской области в основном правильно рассматривает жилищные дела.

В народных судах 2-го и 3-го участков Молотовского района Киева, 5-го участка Октябрьского района и 5-го участка Печорского района Киева все обжалованные решения по жилищным делам были оставлены областным судом в силе. Хороших показателей эти суды добились потому, что назначение гражданских дел к слушанию, как правило, ими производится лишь после того, как дело достаточно подготовлено к слушанию, тщательно уточнены требования и возражения сторон, выявлены и собраны необходимые для решения дела доказательства. В судебном заседании суд

внимательно выслушивает объяснения сторон и глубоко вникает в существо каждого рассматриваемого дела. Исключительно внимательно относятся они и к составлению судебных документов: решения по рассмотренным делам составляют грамотно, со ссылкой на материальное право, с указанием мотивов, положенных в основу решения суда.

Однако в судебной практике народных судов Киевской области не единичны факты, когда отдельные народные суды при рассмотрении жилищных дел и особенно дел, связанных с выселением граждан, т. е. когда иски имеют целью расторжение договора жилищного найма, допускают грубое нарушение материального и процессуального права, что приводит к значительной отмене решений народных судов и к волоките. Особенно значительна отмена решений по этой категории дел в народных судах 1-го участка Ленинского района, 3-го участка Печорского района, 2-го участка Подольского района и 3-го участка Ленинского района Киева.

Основные недостатки при рассмотрении этой категории дел сводятся к тому, что некоторые народные суды пренебрежительно относятся к досудебной подготовке дел, в результате чего 70% обжалованных решений областным судом отменяется за на-

рушением ст.ст. 7 и 138 ГПК Украинской ССР ввиду невыяснения судами существенных обстоятельств по делу и взаимоотношений сторон. Неудовлетворительная досудебная подготовка приводит к волоките и длительному рассмотрению дел.

В ряде случаев народные суды допускают нарушения постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах», что приводит к вынесению неправильных судебных решений. Например, ст. 27 постановления указывает, что, если у съемщика образуется излишек жилой площади в виде изолированной комнаты, местный совет может использовать этот излишек при условии, если съемщик в течение трех месяцев после соответствующего предупреждения жилищного управления не заселит по своему усмотрению образовавшегося у него излишка жилой площади. Однако народные суды совершенно неосновательно удовлетворяют необоснованные иски жилищных органов, грубо нарушая гарантированные законом права отдельных граждан.

Жилищное управление Подольского района Киева обратилось в суд с иском к Геривольфу об изъятии одной комнаты как излишка жилой площади. Народный суд 7-го участка Подольского района вынес решение о выселении ответчика из занимаемых им двух комнат, предоставив ему одну комнату размером 14 кв. м в другом доме. Между тем из материалов дела видно, что в спорной квартире, состоящей из двух комнат размером 32 кв. м, проживают трое человек, причем одна комната в 14 кв. м является полутемной и никаких излишков жилой площади у ответчика нет (решение народного суда Киевский областной суд отменил и в иске Подольскому жилищному управлению отказал).

Домоуправление № 2036 Кагановичского района Киева обратилось в суд с иском к Горовой и Бурякову об изъятии одной комнаты как излишка жилой площади. Народный суд 1-го участка Кагановичского района Киева вынес решение об изъятии одной комнаты в 10 кв. м, в то время как в спорной квартире, состоящей из двух комнат в 34 кв. м, проживают трое человек, и согласно существующей жилищно-санитарной норме по Киеву (13,65 кв. м на человека) у ответчиков излишка жилой площади нет (судебная коллегия по гражданским делам Киевского областного суда решение народного суда отменила и в иске домоуправлению № 2036 отказала).

Жилищное управление Печерского района Киева обратилось в суд с иском к Кракосенко об изъятии у нее одной комнаты в связи с тем, что у ответчицы образовались излишки жилой площади. Народный суд 4-го участка Печерского района вынес решение об изъятии у ответчицы одной комнаты. Судебная коллегия по гражданским делам Киевского областного суда отменила решение народного суда, указав в

своем определении, что народный суд не выяснил возможности изъятия у ответчицы образовавшегося излишка жилой площади, ибо из материалов дела видно, что излишки жилой площади у ответчицы являются внутриконтатными и в силу ст. 27 закона от 17 октября 1937 г. не подлежат ни обязательному заселению, ни обязательному изъятию.

Иногда суды совершенно неправильно применяют п. «б» ст. 30 закона от 17 октября 1937 г. в отношении лиц, страдающих инфекционной болезнью. Характерным примером является дело по иску Управления гражданского воздушного флота к Терехову о выселении его из квартиры на том основании, что он болен активной формой туберкулеза и своим поведением угрожает остальным проживающим в квартире. Народный суд 2-го участка Ленинского района Киева вынес решение о выселении ответчика с предоставлением ему другой жилой площади за пределами Киева. Судебная коллегия по гражданским делам Киевского областного суда отменила решение народного суда и в иске Управлению гражданского воздушного флота отказала на том основании, что п. «б» ст. 30 закона от 17 октября 1937 г. предусматривает выселение из жилых помещений лишь тех лиц, которые умышленно или злобно создают для других жильцов невозможное совместное проживание в комнате или квартире, но не по причине заболевания инфекционной болезнью, так как неудобства для остальных жильцов, возникающие от болезни одного из жильцов, не зависят от заболевшего. Кроме того, судебная коллегия обратила внимание суда на то обстоятельство, что ответчик является участником Великой Отечественной войны, длительное время работал в гражданском воздушном флоте и заболел во время пребывания на работе.

При рассмотрении дел о выселении за невозможностью совместного проживания отдельные народные суды допускают грубое нарушение п. 18 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г., обязывая ответчиков в целях ликвидации жилищного спора производить обмен занимаемых ими жилых помещений без указания определенного объекта, на который возможно было бы произвести обмен, в связи с чем такие решения являются невыполнимыми.

Народный суд 1-го участка Ленинского района Киева, рассмотрев дело по иску Петручок и Курнерева к Мамонной о выселении из квартиры за невозможностью совместного проживания, обязал ответчицу на протяжении трех месяцев произвести обмен своей квартиры, предупредив ее, что если она в указанный срок не произведет обмена, то будет выселена, а комната передана районному жилищному управлению. Судебная коллегия по гражданским делам Киевского областного суда отменила решение народного суда, так как в соответствии

с п. 18 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г. суд может обязать стороны в определенный срок произвести обмен занимаемого ими жилого помещения на другое, если заинтересованная сторона укажет суду другое годное для жилья помещение, на которое можно произвести обмен, а в данном решении судом не указан конкретный объект, на который ответчица обязана была бы произвести обмен жилой площадью.

Нельзя пройти мимо того факта, что на снижение качества судебной работы по жилищным делам влияет неправильная практика Верховного суда Украинской ССР. Министерство юстиции Украинской ССР, обобщив судебную практику по делам о выселении поднаемателей из жилищ помещений Киева, констатировало, что народные суды и областной суд при рассмотрении этой категории дел допускают грубое нарушение жилищного законодательства, безосновательно отказывая в исках жилищным органам, в результате чего жилищные органы не получают в свое распоряжение освобожденной основными съемщиками жилой площади для предоставления ее лицам, состоящим на очереди.

После этого народные суды и областной суд перестроили свою работу, строго руководствуясь постановлением ЦИК и СНК Украинской ССР от 11 июня 1938 г. «Об условиях поднайма жилой площади» и ст. 23 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г., выселяли с освобожденной спорной площади поднаемателей (за исключением временных жильцов, которые предусмотрены в постановлении Совета Министров СССР от 15 августа 1948 г. «О жилищных льготах семьям военнослужащих и партизан, погибших или без вести пропавших на фронтах Отечественной войны»), передавая жилую площадь в распоряжение местных советов.

Однако Верховный суд Украинской ССР считает, что поднаематели не во всех случаях подлежат выселению. Так жилищное управление Сталинского района Киева обратилось в народный суд с иском к Каленюк о выселении на том основании, что ответчица поселилась в качестве поднаемателя на спорную жилую площадь к основному квартиросъемщику и в связи с его смертью потеряла право на площадь. Народный суд 7-го участка Сталинского района удовлетворил исковые требования

истца. Киевским областным судом решение было оставлено в силе. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Украинской ССР отменила оба эти решения и в иске районному жилищному управлению Сталинского района Киева о выселении Каленюк отказала, ссылаясь на то, что в соответствии с п. 7 постановления ЦИК и СНК Украинской ССР от 11 июня 1938 г. поднаематели подлежат выселению в случае освобождения жилой площади основным съемщиком, но не в случае его смерти (аналогичные определения были и по другим делам). Следовательно, Верховный суд Украинской ССР считает, что, если жилая площадь освобождается вследствие смерти основного съемщика, право пользования на эту жилую площадь механически переходит поднаемателю. Такая практика Верховного суда является явно ошибочной и противоречит постановлению ЦИК и СНК Украинской ССР от 11 июня 1938 г. «Об условиях поднайма жилой площади» и ст. 23 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г., ибо по договору поднайма жилое помещение предоставляется во временное пользование за плату поднаемателю съемщиком, а не наймодателем, и поднаематель ни в каких юридических отношениях с наймодателем по поводу этого помещения не состоит и не может приобретать самостоятельного права на занимаемую им жилую площадь. Вот почему право поднаемателя на занимаемую им жилую площадь является производным от прав основного съемщика, и если основной съемщик переехал в другое место на постоянное жительство, или умер, или потерял право на жилую площадь по другим основаниям, то одновременно теряет право на пользование жилой площадью и поднаематель, а освобожденные жилые помещения в домах местных советов предоставляются в пользование граждан исключительно по ордерам жилищных управлений.

Поэтому Верховный суд Украинской ССР, неправильно применяя статьи жилищных законов, берет на себя функции, которые возложены на местные советы. Такая практика должна быть в ближайшее же время изжита.

Д. Красилич

Член Киевского областного суда

ОБ ОРАТОРСКОМ МАСТЕРСТВЕ

В статье А. Звездова «Обучать студентов искусству судебной речи» («Социалистическая законность» № 11 за 1953 г.) затронут очень важный вопрос, давно требующий разрешения. Автор статьи справедливо сетует на то, что обучению искусства слова на юридических факультетах почти не уделяется внимания». Следовало бы, пожалуй, в эту формулировку внести поправ-

ку: не почти, а совсем не уделяется внимания. Те беглые замечания о прениях сторон, которые содержатся в учебниках советского уголовного процесса, носят чисто процессуальный характер и не могут рассматриваться как хотя бы самые элементарные знания судебной речи.

В результате получается своеобразное и явно ненормальное положение, едва ли

возможное в какой-либо другой области: многие из окончивших институты выходят на практическую работу, связанную с публично-ораторской деятельностью, будучи совершенно к ней неподготовленными.

Отсутствие в программах юридических факультетов и институтов соответствующих курсов (хотя бы небольших по объему, но обязательных для студентов), несомненно, связано с недооценкой значения ораторского мастерства в прокурорской и адвокатской работе. Недооценка эта, с одной стороны, основана на весьма распространенном мнении, что каждый политически и юридически грамотный человек сумеет произнести судебную речь; с другой стороны, сторонники этого мнения под ораторским мастерством почему-то привыкли понимать лишь чрезмерную заботу о форме речи. Это мнение является ошибочным и представляет собой не что иное, как прочно укоренившийся предрассудок.

Умение говорить публично — это не врожденное свойство человека, а способность, вырабатываемая упорным и напряженным трудом. Только приобретя необходимые знания, выработав в себе определенные качества и специальные навыки, овладев особенностями и элементами профессионального мастерства, человек, говорящий публично, имеет право называться оратором в строгом смысле этого слова.

М. И. Калинин, уделявший большое внимание агитационно-пропагандистской работе, неоднократно подчеркивал важность и трудность овладения ораторским искусством.

Неустанное и как можно более широкое и глубокое обогащение своего политического и общекультурного кругозора является необходимой предпосылкой овладения мастерством в избранной судебным оратором сфере его деятельности.

Только высокая политическая и профессиональная (в самом широком смысле слова) квалификация, серьезная и глубокая подготовка будущего судебного оратора к своей деятельности могут обеспечить тот уровень и качество судебной речи, которые соответствовали бы небывалому в истории человечества расцвету культуры, достигнутому в нашей стране.

Хорошая судебная речь, сказанная по какому-нибудь судебному делу, — это не просто результат работы над данным делом, это плод большого жизненного и профессионального опыта, долгих раздумий об общих явлениях жизни и частных особенностях своей профессиональной деятельности.

Другой причиной настороженного отношения к вопросам ораторского мастерства является ошибочное отождествление его с чрезмерной заботой о форме речи. Думающие так не понимают или неосознанно для самих себя игнорируют теснейшую связь, взаимозависимость между содержанием и формой речи, между мышлением

и языком. Между тем содержание судебной речи, для того чтобы оно обрело бытие, должно быть оформлено, т. е. должно получить определенную и соответствующую ему форму. Содержание, лишенное формы, не существует, не может проявить себя. Форма в свою очередь имеет значение и смысл только тогда, когда она служит проявлению определенного содержания. Соответствие формы содержанию — необходимое условие отвечающей своему назначению судебной речи. Хорошо лишь такое построение речи, которое осуществляет наилучший принцип расположения материала, образующего конкретное содержание речи в данном деле, и хорошо говорит лишь тот, у кого слово наиболее ясно, точно и убедительно выражает мысль автора.

Тот, кто не овладел профессиональным ораторским мастерством, кто не умеет строить свою речь так, чтобы она способствовала наилучшему выявлению содержания, кто не овладел с большей или меньшей степенью совершенства родным языком и не умеет облекать свою мысль в яркую и заинтересовывающую слушателей словесную форму, — тот не сумеет донести до слушателей содержание своей речи, точнее, у того самое содержание речи неизбежно окажется обедненным.

Сказанного, кажется, достаточно для подкрепления мысли, высказанной в статье А. Звездова, о необходимости введения в программы преподавания в юридических институтах и на юридических факультетах университетов курса судебно-ораторского мастерства (название его может быть и иным).

Но этим не исчерпывается вопрос.

Проследим дальнейший путь студента, окончившего юридический институт без всяких знаний и навыков в области судебно-ораторского мастерства и направленного на работу, связанную с публичными выступлениями (например, в адвокатуру).

По каким материалам изучать основы профессионального мастерства?

Некоторым подспорьем для начинающего адвоката является личный опыт старшего товарища, к которому он прикреплен для прохождения стажировки. Но одновременно с практическими указаниями, делаемыми от случая к случаю, старшие товарищи обычно отсылают начинающего адвоката к источникам судебно-ораторского мастерства.

Из материалов современных судебных ораторов рекомендуются, конечно, обвинительные речи А. Я. Вышинского.

Нельзя отрицать значение и некоторых частных замечаний и наблюдений, содержащихся в работах некоторых дореволюционных авторов. Молодой адвокат, с моей точки зрения, должен эти речи и пособия изучать: в этой области, как и во всех других областях нашей жизни и культуры полностью применимо ленинское

положение об овладении культурным наследием прошлого.

Но культуру прошлого нужно усваивать критически, прочно опираясь на определенные принципы, выработанные в данной области науки, искусства, практической деятельностью и отвечающие современным требованиям. У начинающего адвоката, к сожалению, нет надежного компаса в виде таких выработанных принципов, определяющих судебно-ораторское мастерство советского адвоката, имеющее свои существенные особенности и резко отличающееся по своим целям и задачам, по своему стилю и конкретным приемам от судебно-ораторского искусства прошлого.

Вывод из сказанного ясен: необходима систематическая разработка вопросов, касающихся методологии и методики уголовной защиты вообще, методологии и методики защитительной речи в частности.

Разработка этих вопросов не должна носить упрощенного характера, ограничиваясь лишь суммой методических указаний, — если можно так выразиться, практических рецептов, — но должна соответствовать научному уровню, предъявляемому к научным работам, относящимся к любой отрасли права.

В. Гольдинер

Кандидат юридических наук

НАРОДНЫЙ СУДЬЯ И ЕГО ИЗБИРАТЕЛИ

Народный судья 1-го участка Гатчинского района Ленинградской области Екатерина Александровна Савельева пользуется большим авторитетом у избирателей. Девятый год т. Савельева работает народным судьей одного участка. Самоотверженной работой, принципиальностью в осуществлении социалистической законности, решительной борьбой с преступностью, чутким отношением к замечаниям избирателей т. Савельева, работая столь продолжительный срок в народном суде, снискала заслуженное уважение избирателей, которые два раза единодушно проголосовали за ее избрание народным судьей.

На работу в народный суд т. Савельева пришла совсем юной. Это было в 1941 году. Около пяти лет т. Савельева проработала секретарем в одном из народных судов Ленинграда. В тяжелые годы блокады т. Савельева не покинула своего поста и, как ни трудно было работать полугодной и в нетопленном помещении, она честно выполняла свой долг. Сейчас т. Савельева упорно и настойчиво работает над повышением своего идейно-политического уровня и деловой квалификации. Она закончила заочно Ленинградскую юридическую школу и учится на 4-м курсе заочного юридического института. Тов. Савельева пользуется большим авторитетом у коммунистов прокуратуры и судов Гатчинского района: они единодушно избрали ее секретарем партийной организации суда и прокуратуры.

За время продолжительной работы в суде т. Савельева накопила немало ценного опыта в работе, с которым полезно познакомить читателей журнала «Социалистическая законность».

Работа народного суда проводится строго по плану. План составляется на каждый квартал и охватывает все стороны деятельности суда, в нем учитываются задачи, которые стоят перед судом на данном отрезке времени. В четвертом квартале 1953 года в поселках Тайцы и Елизаветино были случаи хулиганства. Составляя план работы народного суда на первый квартал 1954 г., т. Савельева наметила проведение в клубах этих поселков бесед о борьбе с хулиганством. В этих же поселках наблюдались факты ненормальных отношений между отдельными супругами, недостаточного внимания родителей к детям. Поэтому в плане записано проведение в поселках бесед об укреплении семьи в социалистическом обществе.

Заслуживает внимания порядок организации приема посетителей. Тов. Савельева принимает посетителей четыре раза в неделю в помещении народного суда и четыре раза в месяц в сельских советах, отдаленных от районного центра.

Народный судья не только внимательно выслушивает посетителей, дает правильные ответы и указания об оформлении исковых требований, но иногда принимает меры к разрешению спора без судебного разбирательства. Рабочий совхоза Павлов, например, обратился в народный суд с заявлением о расторжении трудового договора, поскольку он в порядке организованного набора рабочей силы заключил с совхозом срочный трудовой договор, срок которого уже истек. Тов. Савельева сразу же позвонила директору совхоза т. Темникову, разъяснила ему закон о порядке расторжения таких трудовых договоров, и т. Темников сказал, что претензию рабочего он разрешит в соответствии с законом.

В день приема посетителей в сельских советах т. Савельева организует там выездные сессии для рассмотрения уголовных и гражданских дел. Особо ценно то, что прием посетителей и выездные сессии проводятся в заранее установленные дни. Так, в поселок Тайцы т. Савельева приезжает 11-го и 25-го числа каждого месяца, если же эти числа совпадают с выходным днем, то она приезжает на следующий день. В дни приема т. Савельева рассматривает там дела и принимает посетителей, проживающих в поселке Тайцы и в ближайших к поселку селах. 13-го и 27-го числа каждого месяца т. Савельева выезжает для той же цели в село Елизаветино. В каждом из указанных сельских советов висит объявление, в котором указано, в какие дни т. Савельева принимает посетителей. Как и при приеме посетителей в районном центре, т. Савельева в необходимых случаях принимает меры для урегулирования спора, чтобы не заводить судебного дела.

Качество работы народного суда высокое. За последние два года почти все приговоры народного суда оставлены в силе (отменены в отношении двух человек). По гражданским делам отмена решений тоже весьма незначительна.

В акте ревизии народного суда, проведенной Управлением юстиции, правильно подчеркнуто, что судебные заседания открываются своевременно и проводятся народным судьей с соблюдением норм процесса

и одновременно в такой культурной обстановке, что это может служить примером для других народных судей.

Приговоры составляются в соответствии с требованиями постановления Пленума Верховного суда СССР «О судебном приговоре», приговор излагается умело и юридически обоснованно. Решения выносятся со ссылкой на соответствующий материальный закон.

Народный судья уделяет большое внимание изучению причин, способствующих совершению тех или иных преступлений. Вынесением частных определений, постановкой соответствующих вопросов перед районными организациями т. Савельева принимает меры к устранению этих причин. В 1952—1953 гг. вынесено 49 частных определений. В народном суде введен специальный наряд с частными определениями: туда подшиваются копии частных определений и полученные по ним ответы. Тов. Савельева добивается, чтобы выносимые судом частные определения были действенными, чтобы по ним были приняты реальные меры.

Рассматривая дело по обвинению группы учащихся Елизаветинской школы механизации в хулиганстве, суд установил, что в школе запущена политико-воспитательная работа. Народный суд частным определением осведомил об этом Гатчинский районный комитет ВЛКСМ и исполнительный комитет районного совета депутатов трудящихся. Факт хулиганского поведения учащихся школы обсуждался на педагогическом совете и на общем собрании учащихся. Райком ВЛКСМ наметил меры улучшения работы комсомольской организации и педагогического коллектива школы по политико-воспитательной и культурно-массовой работе.

Рассматривая дело о падеже телят в колхозе имени Ворошилова, суд установил, что падеж телят произошел из-за плохой работы заведующего животноводческой фермой и плохого контроля зооветеринарного участка над состоянием животноводства. Частным определением суд сообщил об этом в исполнительный комитет районного совета депутатов трудящихся. Исполнительный комитет сообщил народному суду, что заведующий центральным зооветеринарным участком за необеспечение руководства работой участка от работы освобожден, заведующий МТФ колхоза заменен более работоспособным членом колхоза, для ухода за телятами выделены необходимые работники и оборудовано помещение.

Тов. Савельева уделяет большое внимание предварительной подготовке гражданских дел. Исковые заявления, кроме поступающих по почте, принимает лично. При приеме искового заявления решает все вопросы, связанные с вызовом свидетелей, с истребованием документов и т. п., если же эти вопросы разрешить сразу нельзя, а также если исковое заявление поступает по почте, то т. Савельева выносит опреде-

ление о предварительной подготовке дела. Когда из содержания искового заявления видно, что предварительная подготовка дела не вызывается необходимостью, т. Савельева сразу назначает дело к слушанию и тут же вручает истцу повестки.

Многие народные судьи, как известно, практикуют вызов народных заседателей один раз в году сразу на десять дней. Это означает, что народный судья с некоторыми заседателями встречается только раз в год, так как не все народные заседатели бывают на занятиях, проводимых народным судьей, и не все народные судьи проводят такие занятия. Тов. Савельева поступает иначе. Она вызывает народных заседателей поочередно; каждый день приходят новые заседатели. Каждый народный заседатель, как правило, принимает участие в судебном заседании один раз в месяц, при этом в одно и то же число. Такой метод дает возможность т. Савельевой поддерживать постоянную связь с народными заседателями.

Занятия с народными заседателями проводятся по тематике, рекомендованной Министерством юстиции СССР. Проводятся они в определенные числа каждого месяца по группам в Гатчине, в поселке Елизаветино и в поселке Тайцы. Каждый квартал т. Савельева делает народным заседателям обзор о деятельности народного суда за три истекших месяца. Она обращает внимание народных заседателей на то, какие категории дел преобладали; на делах, рассмотренных судом, показывает, как суд боролся с преступностью и какие причины способствуют совершению преступлений, что делает суд и что должны сделать народные заседатели для устранения этих причин.

Народные заседатели в свою очередь информируют т. Савельеву о колхозной жизни, о работе совхозов и других предприятий района деятельности народного суда, о нарушениях социалистической законности и т. п. Это способствует усилению связи народного судьи с избирателями, дает возможность т. Савельевой всегда быть в курсе жизни района и во-время реагировать на нарушения социалистической законности.

Тов. Савельева привлекает народных заседателей к таким мероприятиям, как проверка дебиторской задолженности колхозов. Делается это так: например, народный заседатель т. Александров, член колхоза имени Ворошилова, изъявил согласие помочь колхозу в ликвидации дебиторской задолженности; т. Александров совместно с бухгалтером колхоза составил список дебиторов и затем передал его народному судье, и по просьбе т. Савельевой заведующий юридической консультацией т. Таранов выдвинул адвоката для оформления исковых заявлений от имени колхоза согласно представленному народным заседателем списку.

Точно так же поступила народный заседатель т. Зенина из колхоза «1 Мая». На-

родные заседатели принимают участие в проверке взыскания алиментов в колхозах и организациях, где они работают. Например, народный заседатель т. Напильникова из колхоза «Ударник» выявила, что некоторые колхозники выбыли из колхоза и в течение нескольких месяцев исполнительные листы не были возвращены судебному исполнителю и находились в бухгалтерии колхоза. Судебный же исполнитель, обслуживая десять сельских советов, восемнадцать колхозов, тринадцать совхозов и одну МТС, не может часто бывать в колхозах. Поэтому участие народных заседателей в проверке взыскания алиментов оказывает судебному исполнителю неоценимую помощь.

Народный заседатель т. Кирилина В. А., агроном Елизаветинской МТС, в беседе заявила: «Метод работы т. Савельевой с народными заседателями нам очень нравится. Я знаю, что каждый месяц я должна являться для участия в судебных заседаниях и 16 числа на занятия. Тов. Савельева до начала заседания знакомит нас с делами, я постоянно информирую ее о положении дел в колхозе «Верный путь», где я работаю в качестве агронома МТС. Колхозники видят в моем лице представителя советского суда и часто обращаются ко мне за различного рода советами. Занятия, проводимые т. Савельевой, расширяют мой кругозор и дают мне возможность давать ответы колхозникам на их вопросы».

Аналогичное заявление сделал народный заседатель т. Андреев Г. К., работник больницы имени Кащенко. «Я,—сказал он,—являюсь в суд, как правило, два раза в месяц, 25 числа для участия в судебном заседании и 16 числа на занятия. Ко мне нередко обращаются избиратели. На днях ко мне обратились две старушки по поводу взыскания алиментов с детей. Я разъяснил им закон и помог составить искивые заявления, а с законом о порядке взыскания алиментов на детей и нетрудоспособных родителей нас ознакомила т. Савельева на занятиях. Бывает и так, что я не могу сразу дать ответ, тогда я спрашиваю у т. Савельевой и затем даю ответ».

В соответствии с планом работы народного суда т. Савельева систематически отчитывается о своей работе и в работе народного суда. Отчеты она строит так, чтобы избиратели, выступая, касались не только недостатков в работе народного суда, но и нарушений социалистической законности на предприятиях, в колхозе, в организации. Такой метод способствует развитию критики снизу, он вызывает активность избирателей и способствует укреплению социалистической законности.

В совхозе «Верево» при отчете народного судьи рабочие совхоза сообщили о расхищении сенокосных угодий бригадирами, которые сдавали их частным лицам для сенокосения. После этого директор совхоза выделил комиссию для проверки, факты разбазаривания сенокосных угодий подтвердились. Было установлено, что бригадир выделил частным лицам сенокосные участки. Накошенное сено у этих лиц было изъято и возвращено совхозу, а бригадир был снят с работы.

В колхозе имени Калинина на отчете народного судьи избиратели Мазаев и Михайлова заявили, что бригадир полеводческой бригады Гусев укрывает лодырей, не ставит о них вопрос перед правлением колхоза для принятия мер, предусмотренных Уставом сельскохозяйственной артели. Этот вопрос был обсужден правлением в присутствии т. Савельевой. Правление колхоза осудило поведение бригадира Гусева и сделало ему предупреждение.

На собрании избирателей поселка Тайцы избиратели отметили, что поселок Тайцы неблагоустроен, дороги плохие, нет уличного освещения, средства самообложения не использованы. Этот вопрос был затем заслушан на заседании исполнительного комитета поселкового совета с участием т. Савельевой. Выяснилось, что из 54 тыс. руб., собранных по самообложению, 48 тыс. руб. не использованы. Исполнительный комитет принял решение, после чего с помощью избирателей были отремонтированы дороги на трех улицах, электрифицирована улица Юного ленинца, проведены и другие мероприятия по благоустройству поселка.

На пункте «Заготзерно» избиратель т. Зуев сказал: «Доклад народного судьи т. Савельевой очень ценен для нашего пункта. У нас имеется ряд фактов нарушений трудовой дисциплины. Наряду с этим у нас на пункте не проводятся в жизнь мероприятия по охране труда». Об этих фактах говорил и избиратель т. Васин. После отчета директор пункта «Заготзерно» по инициативе народного судьи созвал совещание. В совещании принял участие представитель Ленинградской областной конторы «Заготзерно». Совещание наметило ряд мер для устранения вскрытых недостатков.

Тов. Савельева проводит постоянно воспитательную работу с работниками канцелярии народного суда, регулярно проводит производственные совещания, собеседования на политические темы. Все это способствует улучшению работы, правильной организации деятельности коллектива и его сплоченности.

Б. Семенов

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ В СУДЕ

Исполнилось 60 лет со дня рождения и тридцать лет безупречной трудовой деятельности члена Ташкентского областного суда Лидии Федоровны Культиной.

Тов. Культина начала свою работу в должности помощника секретаря Самаркандского окружного суда. В мае 1938 года была избрана членом Ташкентского областного суда. В этой должности она работает по настоящее время.

Жизнь и деятельность т. Культиной является образцом честного, добросовестного служения Родине. Работая в качестве члена судебной коллегии по гражданским делам со дня организации Ташкентского областного суда, она бдительно стоит на страже социалистической законности, остро реагирует на недостатки в работе как народных судов, так и других организаций, принимая меры к их устранению. Зная, что в укреплении социалистической законности большую роль играет устойчивость выносимых судом приговоров и решений, т. Культина добивается неустанным повышением качества разрешения гражданских дел. Ей чужд формальный подход к рассмотрению этих дел. Она уделяет большое внимание досудебной подготовке гражданских дел к слушанию, глубоко исследует дела в судебном заседании. Вдумчивое применение материального закона позволило ей добиться вынесения правильных решений по подавляющему большинству дел. Рассматривая в основном дела о расторжении брака и по искам клиентуры к управлению Ташкентской ж. д., т. Культина добилась высокого качества разрешения их. Из рассмотренных под ее председательством в 1953 году и в I квартале 1954 года 720 дел по первой инстанции Верховный суд республики отменил решения лишь по семи делам.

Тов. Культина любит свою трудную и благородную работу советского судьи. Со знанием политической важности и ответственности она выполняет возложенную на нее работу, стараясь систематически совершенствовать ее, повышать свой идейно-политический уровень. В 1952 году т. Культина успешно окончила девятимесячные курсы по переподготовке юристов.

При рассмотрении дел о расторжении брака т. Культина самым тщательным образом выясняет все обстоятельства семейной жизни супругов и причины обращения в суд о разводе, исходя из принципа, что только в нашей стране брак стал действительно свободным союзом между мужчиной и женщиной, основанным на любви, духовной общности, взаимном уважении. Так в Ташкентский областной суд обратился гр-н Р. с заявлением о разводе с гр-кой Р., с которой он состоит в браке с 1944 года и имеет двух детей, мотивируя невозможность совместного проживания с женой частыми ссорами в семье. Рассматривая это

дело в судебном заседании, т. Культина установила, что ссоры и конфликты вызваны случайными и преходящими причинами, не являющимися серьезным основанием к прекращению брака и разрушению семьи, приняла все меры к примирению сторон, что и было достигнуто в суде.

С другой стороны, по тем делам, из которых усматривается, что в дальнейшем сохранение брака противоречит принципам коммунистической морали и не может создать нормальных условий для совместной жизни супругов и воспитания детей, т. Культина со всей ответственностью выносит решения о расторжении брака. Так гр-н Г. обратился в суд с заявлением о расторжении брака с гр-кой Г. по мотивам, что его жена, не желая проживать в Чирчике, куда он был направлен на работу после окончания Московского энергетического института, в 1950 году, когда он находился в больнице на операции, без предупреждения выехала в Москву, оставив на его попечение четырехлетнего сына Сальвадора. До этого супруги расхотелись три раза. Суд, учитывая, что супруги прекратили брачные отношения четыре года назад, что каждый из них имеет другую семью и детей, пришел к правильному выводу о невозможности и нецелесообразности дальнейшего сохранения этой семьи и вынес решение о расторжении брака.

Таким образом, при рассмотрении дел о расторжении брака, т. Культина, как и подобает советскому судье, выступает как активный проводник советских законов.

Тов. Культина хорошо разбирается в текущем законодательстве. Члены областного суда и народные судьи часто обращаются к ней за советом и помощью. Большую помощь в работе т. Культина оказывает молодым народным судьям Ташкента, впервые пришедшим на эту работу в 1953 году.

Судебные работники и население знают т. Культину не только как члена областного суда, но и как человека с большим житейским опытом, как общественницу, добросовестную и скромную труженицу, как хорошего и отзывчивого товарища. Она — депутат одного из районных советов Ташкента и заслуженно снискала себе уважение и авторитет.

За хорошую и добросовестную работу т. Культина неоднократно поощрялась и премировалась. Правительство Узбекской ССР высоко оценило заслуги т. Культиной в укреплении социалистической законности. Указом Президиума Верховного Совета Узбекской ССР в связи с 60-летием со дня рождения Лидии Федоровны Культина за долголетнюю и безупречную работу награждена Почетной Грамотой Верховного Совета Узбекской ССР.

Л. Павлинская, Н. Метелева

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

Прокурор Красногвардейского района Краснодара т. Светлов раньше (до постановления ЦК КПСС «О серьезных недостатках в работе партийного и государственного аппарата») принимал посетителей ежедневно с 10 до 12 час., а теперь только по понедельникам и пятницам.

Сотни посетителей в ожидании приема недоумевают: слышал ли т. Светлов о мероприятиях партии и правительства по борьбе с бюрократизмом?

Ф. Калашников

Министерство юстиции РСФСР организовало издание серии брошюр: «В помощь народному судье». В 1953 году изданы: «Судебное разбирательство дел частного обвинения», «Законодательство о браке и семье», «Трудовое законодательство». Все эти брошюры направляются в адрес только народных судов, но ни одного экземпляра — в юридические консультации.

Но не всякая литература распространяется таким образом. Например, сборник «Нотариат» прислан в областную коллегия адвокатов в количестве 90 экземпляров, что значительно превышает потребность в нем.

Президиум Кемеровской областной коллегии адвокатов написал в Отдел адвокатуры Министерства юстиции РСФСР, что ему такого количества сборников не надо. В ответ ему разъяснили, что сборники «должны быть выданы (?) адвокатам за наличный расчет».

Как это понять?

Гринберг

Деловую квалификацию прокуроров можно повышать не только на курсах, в школах и т. д. Большое значение имеют совещания, семинары по отдельным вопросам прокурорской работы. Непонятно почему, но эту форму повышения деловой квалификации прокуратура Куйбышевской области игнорирует.

Управление юстиции регулярно созывает кустовые совещания народных судей, а прокуратура области нет, хотя прокуроры, особенно молодые специалисты, очень нуждаются в такой форме повышения деловой квалификации.

И. Аксенов

Прокурор Сергиевского района
Куйбышевской области

Прокуратура Краснодарского края шлет мне, районному прокурору, жалобы в порядке надзора — для рассмотрения и дачи заключений. Я работаю в прокуратуре с 1937 года и не помню случая, чтобы я признал жалобу основательной. Я руководил следствием, поддерживал обвинение в суде, и от меня же требуют, чтобы я дал заключение о правильности своих действий. Но если бы я считал приговор или решение неправильным, я бы его опротестовал.

Практику краевой прокуратуры, пересылающей жалобы в районные прокуратуры, считаю неправильной. Чем скорее она будет отменена, тем лучше.

В. Орба

Прокурор Псебайского района
Краснодарского края

В Полесском областном суде слушалось дело по обвинению Биндмана, Адельштайна и др. в хищении государственного и общественного имущества. После того, как стали ясны несостоятельность предъявленного обвинения и возможность обращения дела к доследованию, прокурор, поддерживающий государственное обвинение, т. Бадяй, не заявив никакого ходатайства, демонстративно покинул судебное заседание, бросив фразу: «Все равно дело уйдет на доследование, и мне здесь больше делать нечего».

Самое же странное заключается в том, что прокурор области т. Захаров одобрил такое беспрецедентное нарушение закона помощником прокурора области.

А. Туминский

Член Полесского областного
суда

Весной 1953 года студентам 2-го курса Ленинградского заочного юридического института было сказано, что зимой 1954 года они должны сдавать экзамены по советскому гражданскому праву (часть 1), советскому финансовому праву, судебной статистике и советскому гражданскому процессу. По этим предметам читались установочные лекции, роздали учебники и программы, задания по контрольным и курсовым работам.

Каково же было наше удивление, когда мы в сентябре 1953 года получили извещение, что мы должны сдавать экзамены по уголовному праву, государственному праву

буржуазных государств, по организации суда и прокуратуры.

Так ли надо планировать работу? Несет ли кто-нибудь ответственность за чехарду в учебных планах?

А. Баранов

Народный судья Фировского района Калининской области

Гражданка Брюханова обратилась 25 августа 1953 г. с иском заявлением в народный суд 2-го участка Березников Молотовской области об алиментах на воспитание детей. Народный судья т. Субботин наложил резолюцию: «Направить по месту жительства ответчика». Брюханова обратилась с жалобой в управление юстиции по Молотовской области. Управление направило жалобу в областной суд для рассмотрения жалобы на отказ народного судьи т. Субботина.

Вместо того чтобы отменить постановление народного судьи 2-го участка Березников, судебная коллегия по гражданским делам (т.т. Фирстова, Болотов и Ткаченко) отменила постановление... народного судьи 1-го участка Осинского района.

Только 3 декабря 1953 г. судебная коллегия по гражданским делам определила подсудность этого дела. Более трех месяцев алиментное дело не рассматривалось, а путешествовало из суда в суд.

Не пора ли покончить с волокитой в судебных органах?

Чертко в

Народный судья 1-го участка Осинского района Молотовской области

Иногда в определениях подготовительного заседания можно встретить такую формулировку: «Дело слушанием назначить без участия сторон».

Такая формулировка звучит абсурдно и противоречит ст. 27 Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик, где сказано: «выносит решение об обязательном участии при рассмотрении дела защитника и прокурора».

Суды должны четко в соответствии с законом формулировать свои определения.

А. Ширшиков

Народный судья 1-го участка Юрьев-Польского района Владимирской области

Я. Ивасечко и Б. Лелеков в заметке «Неясный вопрос» («Социалистическая законность», 1953 г. № 5) утверждают, что суд

первой инстанции при новом рассмотрении дела после отмены приговора по жалобе одного из осужденных вправе повысить меру наказания против определенной по первому приговору.

Поднятый авторами вопрос затрагивает не частный случай судебной практики, а одно из принципиальных положений советского правосудия, гарантирующее осужденному, что по его жалобе не может быть увеличено наказание.

Зачем же ясный вопрос превращать в неясный?

П. Петровский

Председатель Горно-Алтайского областного суда

В Молотовской области проведены пять групповых семинаров — совещаний народных судей. На совещаниях изучались решения партии и правительства о дальнейшем развитии сельского хозяйства и о повышении материального благосостояния советского народа. Одновременно подверглась острому и деловому обсуждению судебная практика по колхозным делам.

Совещания принесли большую пользу народным судьям.

П. Бурдин

Народный заседатель народного суда 1-го участка г. Оханска Молотовской области

Работники суда, прокуратуры, адвокатуры, а также граждане нашего района были очень обрадованы, когда приобрели справочник для народных судей «Взыскание алиментов», выпущенный Управлением кодификации и систематизации законодательства СССР Министерства юстиции СССР (Госюриздат, 1953).

Однако при ближайшем ознакомлении оказалось, что справочник для применения на Украине непригоден, ибо в нем отсутствуют нужные законодательные материалы по семейному праву Украинской ССР. Более того, в справочнике указывается, что таких законодательных актов в Украинской ССР нет. Но это не так.

На стр. 23 справочника в сноске указывается, что в Кодексе законов о браке, семье и опеке Украинской ССР якобы не предусматривается обязанность отчима и мачехи содержать несовершеннолетних детей. Такое указание не соответствует действительности, так как обязанность отчима и мачехи содержать несовершеннолетних детей предусматривается ст. 32—4 Кодекса законов о браке, семье и опеке Украинской ССР, введенной указом Президиума Вер-

ховного Совета Украинской ССР от 7 апреля 1951 г.

На той же странице в сноске 2-й говорится, что Кодекс законов о браке, семье и опеке Украинской ССР не содержит правила об обязанности алиментировать детей лицом, получившем наследство от другого лица.

Однако подобное правило содержится в ст. 32—10 Кодекса законов о браке, семье и опеке Украинской ССР, введенной тем же указом Президиума Верховного Совета Украинской ССР.

В сноске 3 говорится, что в Кодексе законов о браке, семье и опеке Украинской ССР не предусмотрено правило об обязанности содержать детей фактическими воспитателями. Но такое правило предусмотрено ст. 32—11 Кодекса законов о браке, семье и опеке Украинской ССР.

На странице 24 справочника упоминается, что в названном Кодексе Украинской ССР как будто нет указания на обязанность братьев и сестер содержать своих нуждающихся несовершеннолетних братьев и сестер (при наличии определенных условий). А такое правило содержится в ст. 32—6.

На стр. 25 авторы указывают, что в Украинской ССР не установлена обязанность пасынков и падчериц содержать нуждающихся нетрудоспособных отчима и мачеху. В то время как ст. 32—5 Кодекса законов о браке, семье и опеке Украинской ССР гласит: «Пасынки и падчерицы обязаны доставлять содержание нуждающимся нетрудоспособным отчиму и мачехе, если отчим

или мачеха содержали их в течение не менее 10 лет».

Подобные противоречия дезориентируют практических работников органов юстиции Украинской ССР, вызывают сомнения в применении закона, не помогают в распространении знания законов среди населения.

Надо надеяться, что Управление кодификации и систематизации законодательства СССР Министерства юстиции СССР издаст более доброкачественный справочник.

П. Коротков

Адвокат Гадячской юридической консультации Полтавской области

Не так давно прокуратура Порецкого района Чувашской АССР получила практическое пособие: «Прокурорский надзор по гражданским судебным делам» (авторы П. И. Бардин и Д. В. Швейцер).

Бесспорно, пособие является значительным подспорьем для практических работников. Однако в пособии имеются искажения закона. На стр. 72 авторы указывают, что для увольнения работника, обслуживающего денежные или товарные ценности, в случае утраты администрацией доверия к данному работнику, требуется решение РКК. Между тем известно, что по закону такого решения не требуется. Ошибку надо исправить.

Веденев

Прокурор Порецкого района Чувашской АССР

ПО СЛЕДАМ ЗАМЕТОК И ПИСЕМ

В № 1 журнала «Социалистическая законность» была напечатана статья т. Кацука «Неуклонно соблюдать закон о подследственности».

Прокуратура Кабардинской АССР сообщила в редакцию, что в статье совершенно правильно ставится и решается вопрос об изъятии из органов милиции дел, подследственных следователям, не с момента обнаружения преступника, как это было до сих пор на практике, а с момента обнаружения преступления. Приняты необходимые меры к установлению строжайшего надзора за законностью действий органов милиции. Поднятые в статье вопросы обсуждены на республиканском совещании прокуроров.

В № 1 журнала была опубликована статья т. Барышева «Некоторые недостатки в судебной и прокурорской практике по гражданским колхозным делам».

Управление юстиции по Одесской области сообщило в редакцию, что дважды обобщалась судебная практика по данной категории дел, по итогам обобщения народным судьям были направлены письма. Результаты обобщения обсуждались на семинарских занятиях с народными судьями. Кроме того, на этих занятиях изучались законодательные и другие материалы, относящиеся к рассмотрению этих дел. В целях дальнейшего улучшения качества рассмотрения дел изучена судебная практика по гражданским колхозным делам, рассмотренным в первом квартале 1954 года.

В № 2 журнала была напечатана корреспонденция т. Скоморохова «Серьезные недостатки следственной работы».

Прокуратура Москвы сообщила в редакцию, что в марте текущего года было проведено оперативное совещание районных прокуроров и работников следственного отдела. На совещании был заслушан доклад начальника следственного отдела о серьезных недостатках следственной работы и намечены конкретные мероприятия по их устранению. Критика недостатков следственной работы была предметом обсуждения на партийном собрании прокуратуры города в мае 1954 года.

В № 2 журнала была напечатана статья т. Яковлева «Улучшить руководство работой городских и районных прокуроров».

Прокуратура РСФСР признала, что в практике руководящей работы по общему надзору действительно оценка работы тех

или иных прокуратур по количественным показателям имела превалирующее значение. Ошибки, указанные в статье, устраняются. В значительно большей степени, чем раньше, используются конкретные материалы с мест, характеризующие качество общенадзорной работы и ее эффективность, правильность применяемых методов и т. п.

Гражданско-судебный отдел Прокуратуры СССР сообщил в редакцию, что недостатки в руководстве периферией, о которых указывается в статье, имели место. Для устранения этих недостатков отделом запланирован и проводится ряд мероприятий, в частности, проведение на местах учебно-методических конференций, периодическое составление и посылка на места (включительно до районных и городских прокуроров) анализа судебной практики. Прокурорам отдела дано указание при выезде на места уделять основное внимание инструктированию и оказанию помощи в улучшении качества судебного надзора. Отделом разработан приказ об усилении прокурорского надзора по гражданским делам взамен приказа № 106, изданного 1 июня 1950 г.

В № 3 журнала была напечатана статья т. Швейцера «Суды охраняют трудовые права граждан СССР».

Министерство юстиции СССР сообщило в редакцию, что в связи со статьей Главным управлением гражданских судебных органов МЮ СССР в план работы на третий квартал 1954 года включено изучение судебной практики по искам о восстановлении на работе. По результатам изучения судебной практики будут приняты необходимые меры.

В № 3 журнала была опубликована статья т. Лященко «Нарушение законности в работе Молотовского областного суда».

Министерство юстиции РСФСР сообщило в редакцию, что, по сообщению председателя Молотовского областного суда, статья обсуждена на оперативном совещании и приняты необходимые меры для улучшения работы областного суда.

В № 3 журнала была напечатана корреспонденция т. Петровского «Упорядочить оформление паспортов и регистрацию браков».

Прокуратура РСФСР сообщила в редакцию, что ею внесено представление начальнику Главного управления милиции Министерства внутренних дел СССР об устранении недостатков, отмеченных в статье.

В № 3 журнала была напечатана статья т. Головина «О культуре судебного процесса и качестве государственного обвинения в суде».

Министерство юстиции Коми АССР сообщило, что факты, изложенные в статье, имели место в работе. Сейчас эти недостатки устранены. В Печоре организована постоянная сессия Верховного суда Коми АССР. Председателем Верховного суда Коми АССР дано указание председателю постоянной сессии располагать стороны процесса в соответствии с существующими правилами.

В № 4 журнала была напечатана статья т. Якименко «Дела о расторжении брака в практике судов Украинской ССР».

Запорожский областной суд сообщил в редакцию, что в соответствии с планами работы периодически составляются обзоры по делам, по которым вышестоящие суды отменили решения и приговоры, с последующим обсуждением этих обзоров на оперативных совещаниях членов суда. Учитывая, что в статье затрагиваются ошибки и других областных судов Украинской ССР, которые допускаются при рассмотрении дел о расторжении брака, а также то, что в ней излагается судебная практика Верховного суда Украинской ССР по делам этой категории, статья в мае 1954 года была обсуждена на оперативном совещании членов суда.

Управление юстиции по Ровенской области сообщило в редакцию, что действительно два бракоразводных дела, о которых говорится в статье, были решены не в соответствии с законом. Статья обсуждена на оперативном совещании членов областного суда, приняты меры к правильному разрешению этой категории дел. Обобщена практика народных судов и областного суда по указанным делам. Министерством юстиции Украинской ССР проведена ревизия областного суда. Председателю областного суда указано на недостатки в разрешении бракоразводных дел.

Управление юстиции по Днепропетровской области сообщило в редакцию, что статья обсуждена на семинарских занятиях с народными судьями.

Управление юстиции по Полтавской области сообщило в редакцию, что статья обсуждена на совместном оперативном совещании работников управления юстиции и Полтавского областного суда. Члену областного суда т. Межеричкому указано на недопустимость подобных нарушений в работе. Приняты меры к улучшению рассмотрения дел этой категории народными судьями и областным судом.

Управление юстиции по Сталинской области сообщило в редакцию, что статья обсуждена на кустовых семинарах народных судей, где обращено их внимание на недостатки, имеющиеся в судах по рассмотре-

нию дел о расторжении брака. Кроме того, статья обсуждена на совещании членов Сталинского областного суда.

Министерство юстиции Украинской ССР сообщило в редакцию, что судебная практика по делам о расторжении брака изучена и обобщена. Результаты обсуждены на заседании коллегии Министерства юстиции. В соответствии с решением коллегии приняты меры к устранению недостатков в работе судов по рассмотрению дел этой категории. Материалы ревизий и другие данные, имеющиеся в распоряжении Министерства юстиции Украинской ССР, свидетельствуют о том, что отмеченные в статье недостатки сейчас в значительной мере устранены.

В № 4 журнала опубликована корреспонденция т. Крекнина «Как мы повышаем качество государственного обвинения в суде».

Управление юстиции по Свердловской области сообщило в редакцию, что народным судьям г. Н.-Салды указано на недопустимость нарушения закона и предложено в будущем строго соблюдать все необходимые требования по ведению судебного рассмотрения дел.

В № 4 журнала была напечатана корреспонденция т. Школьниковой «Борьба с нарушениями Устава сельскохозяйственной артели».

Прокуратура РСФСР сообщила в редакцию, что опыт работы, проведенной т. Школьниковой, является положительным. По вопросам, освещенным в статье как Прокуратурой РСФСР, так и Прокуратурой СССР направлены на места письма. В результате этими вопросами сейчас широко занимаются многие областные прокуратуры. Отдел Общего надзора обобщает полученные материалы ряда областных прокуратур о состоянии трудовой дисциплины в МТС, после чего будет решен вопрос о необходимости проведения проверки в Министерстве сельского хозяйства.

В № 5 журнала была напечатана статья т. Волчкова «Повысить роль адвокатуры в укреплении социалистической законности».

Президиум Ровенской областной коллегии адвокатов сообщил в редакцию, что статья обсуждена на производственном совещании адвокатов Ровенской городской и Ровенской сельской юридических консультаций и президиумом приняты меры к улучшению качества работы адвокатов.

В № 5 журнала была напечатана статья т. Яковлева и Баранова «Против формально-бюрократического отношения к разрешению жалоб».

Прокуратура Марийской АССР сообщила в редакцию, что статья обсуждена на оперативном совещании работников аппарата прокуратуры республики. Отмеченные факты волокиты по разрешению жалоб Изотова признаны правильными. Работникам следственного отдела прокуратуры республики указано на недопустимость подобных нарушений. Намечены меры к улучшению разрешения жалоб трудящихся.

Прокуратура Чкаловской области сообщила в редакцию, что факт, изложенный в статье о том, что прокурор Ново-Сергиевского района т. Лернер допускал направленные жалобы на взыскание алиментов судебному исполнителю, действительно имел место. В прокуратуре Ново-Сергиевского района проведена целевая проверка по выполнению приказа Генерального Прокурора СССР № 112 1946 года, при которой обращено внимание прокурора района на недостатки в работе по жалобам. После целевой проверки прокурор Ново-Сергиевского района т. Лернер проделал значительную работу, направленную на улучшение исполнения судебных решений о взыскании алиментов, в частности, по каждой такой жалобе прокурор стал практиковать проведение проверок непосредственно в учреждениях, где находятся исполнительные листы. Кроме того, он провел совещание с бухгалтерами районных учреждений по вопросу правильности и своевременности взыскания алиментов. В результате проделанной работы жалобы на невзыскание алиментов по Ново-Сергиевской прокуратуре резко сократились. За достигнутые улучшения в работе прокурору Ново-Сергиевского района т. Лернер приказом Ге-

нерального Прокурора СССР объявлена благодарность.

В № 5 журнала была напечатана корреспонденция т. Галкина «Больше помощи прокурорам сельскохозяйственных районов».

Прокуратура РСФСР сообщила в редакцию, что Отделом общего надзора принимаются меры к улучшению работы отделов общего надзора областных прокуратур по оказанию помощи прокурорам сельскохозяйственных районов (рассылка писем в порядке обмена опытом, больше внимания этому вопросу уделяется при выезде на места, в июне проведена учебно-методическая конференция начальников отделов общего надзора ряда областных прокуратур и т. д.). Переписка, направлявшаяся в районные прокуратуры, сейчас сокращена. На места разослана памятка о проведении проверок в МТС и совхозах. Начальнику отдела общего надзора прокуратуры Тульской области дано указание более конкретно выяснить у т. Галкина, в какой помощи он нуждается, проверить его работу и принять меры к оказанию ему необходимой помощи.

В № 5 журнала была опубликована корреспонденция т. Гуковской «Об оценке прекращенных уголовных дел».

Следственное управление Прокуратуры СССР сообщило в редакцию, что факты, изложенные в корреспонденции, отражают неправильное разрешение этого вопроса отдельными городскими и районными прокурорами и не характеризуют работу органов прокуратуры в целом. Прокуратурой СССР принимаются необходимые меры к устранению этих недостатков. В частности, в районных прокуратурах Москвы проводится соответствующая проверка.

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СССР И РСФСР 1917—1952 ГГ.

Составитель проф. А. А. Герцензон, Госюриздат, М., 1953, 463 стр., тираж 5000 экз.

Издание сборника документов по истории социалистического уголовного законодательства СССР и РСФСР за 1917—1952 гг. следует всячески приветствовать. Первое издание сборника, вышедшее в 1938 году, давно разошлось и ныне является библиографической редкостью.

Составитель сборника проф. А. А. Герцензон выполнил большую и полезную работу по отбору и обработке уголовного законодательства СССР и РСФСР за столь длительный период — тридцать пять лет Советской власти.

Сборник, несомненно, окажет работникам суда и прокуратуры помощь в борьбе с преступностью. Он явится ценным учебным пособием для профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов юридических институтов и факультетов, слушателей и учащихся юридических школ и курсов в изучении советского уголовного права.

На всех этапах социалистического строительства советское уголовное законодательство активно содействует укреплению новых общественных отношений в нашей стране. Охрана общественной социалистической собственности — экономической основы советского строя — является одной из основных задач советского уголовного законодательства. Эта задача особенно актуальна сейчас, когда Коммунистическая партия и Советское правительство наряду с дальнейшим и всемерным развитием тяжелой промышленности организуют крутой подъем производства предметов народного потребления, мощное развитие сельского хозяйства и решительное улучшение советской торговли.

Успешная борьба с преступностью требует, чтобы все работники органов суда и прокуратуры были теоретически хорошо подготовлены. Знание же истории социалистического уголовного законодательства имеет большое значение для подготовки работников юстиции.

В сборник документов по истории социалистического уголовного законодательства включено подавляющее большинство уголовных законов СССР и РСФСР, изданных с 1917 по 1952 год. Законодательные акты размещены в сборнике в хронологическом

порядке со ссылкой на официальные источники, в которых они опубликованы. Поскольку в сборник включены лишь законодательные акты, содержащие нормы материального уголовного права, многие из актов даются в извлечении (по нашему мнению, это правильно). Если законодательные акты подвергались изменениям или дополнениям, то об этом сказано в сносках к каждому из них, что облегчает пользование сборником.

Сборник состоит из предисловия, написанного проф. И. Т. Голяковым, девяти частей и хронологического перечня законодательных актов.

В первой части сборника помещено 46 законодательных актов, содержащих уголовно-правовые нормы периода проведения Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1918 гг.). Особенность советского законодательства этого периода состоит в том, что оно не только являлось руководством для работы, но служило особой формой пропаганды политики Коммунистической партии и Советского правительства.

Среди законодательных актов, помещенных в первой части сборника, декреты № 1, 2 и 3 о суде занимают особое место. Эти декреты до основания разрушили старую судебную машину и старое право, а вместо них создали новый, советский суд и заложили основы нового, советского права. Многие декреты и обращения Советского государства предусматривали борьбу с контрреволюционными преступлениями — с заговорами, мятежами, шпионажем, вредительством, диверсиями, саботажем, контрреволюционной агитацией и т. д. Таковы акты: «О победе Октябрьской революции и о задачах борьбы на местах»; «О борьбе с буржуазией и ее агентами, саботирующими дело продовольствия армии и препятствующими заключению мира»; «О борьбе с контрреволюционным восстанием Каледина, Корнилова, Дутова, поддерживаемым центральной радой»; «Об аресте вождей гражданской войны против революции»; «О подавлении контрреволюционного восстания буржуазии, руководимого кадетской партией»; «О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти»; «О набатном звоне» и др.

Ряд декретов имел своим содержанием борьбу с имущественными преступлениями, должностными преступлениями и преступлениями против порядка управления. К таким актам относятся: обращение СНК «О борьбе со спекуляцией»; декреты «Об организации товарообмена для усиления хлебных заготовок»; «О взяточничестве»; «О предоставлении Народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими»; «О спекуляции» и др. Исключительно большое значение имел декрет «Об отмене смертной казни», принятый II Всероссийским съездом Советов 26 октября 1917 г.

Изданные в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции законодательные акты содействовали Советскому государству в осуществлении его основных функций — подавления сопротивления свергнутых эксплуататорских классов и обороны страны от нападения внешних врагов. Одновременно с этим советское уголовное законодательство служило воспитанию трудящихся в духе новой, социалистической дисциплины.

Вторая часть сборника содержит 65 законодательных актов, изданных в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.). В этот период, в связи с начатой империалистическими государствами военной интервенцией против страны Советов, значительно усилилась враждебная деятельность внутренней контрреволюции. Разбитые Октябрьской революцией партии эсеров, меньшевиков, анархистов, националистов поддерживали интервентов и выполняли заказы иностранных разведок по организации мятежей, диверсий, террористических актов и других тяжчайших преступлений. В этот период увеличилось количество и таких преступлений, как бандитизм, спекуляция, взяточничество, хищения, дезертирство, хулиганство и т. д.

Советское уголовное законодательство 1918—1920 гг. было подчинено выполнению основных задач социалистического государства — обороне страны от нашествия внешних врагов и подавлению сопротивления внутренней контрреволюции.

Для усиления борьбы с контрреволюционными преступлениями Советским государством был издан ряд законодательных актов, включенных во вторую часть сборника, а именно: постановление Совета Народных Комиссаров «О красном терроре»; постановление кассационного отдела ВЦИК «О подсудности революционных трибуналов»; декрет ВЦИК «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении»; декрет ВЦИК «О революционных военных трибуналах» и др.

Особое значение в тот период приобрела борьба с бандитизмом, дезертирством, спекуляцией, хищничеством и хулиганством.

К концу 1919 года Советским государством было издано большое количество законодательных актов с уголовно-правовыми санкциями, а у наших карательных органов накопился богатый опыт в борьбе с преступностью. Все это требовало проведения систематизации и кодификации уголовного законодательства. Однако до декабря 1919 года этого сделано не было. Первой попыткой обобщения основных положений общей части советского уголовного права явились «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР», изданные Народным комиссариатом юстиции 12 декабря 1919 г. Этот документ имел исключительно большое значение в развитии советского уголовного законодательства.

За период 1918—1922 гг. были изданы два законодательных акта о точном соблюдении законности в стране и ряд постановлений ВЦИК об амнистии.

В третью часть сборника включено 107 уголовно-правовых актов СССР и РСФСР, изданных в период перехода на мирную работу по восстановлению разрушенного народного хозяйства (1921—1925 гг.).

Новая экономическая политика проводилась в условиях обострения классовой борьбы. Частнокапиталистические элементы пытались сорвать мероприятия Советской власти. Сопротивление враждебных классов выражалось главным образом в экономической контрреволюции (вредительство, диверсионные акты, саботаж и т. д.). Особенно оживилась вражеская деятельность кулачества, которое скупало по низким ценам продукты у трудового крестьянства и спекулировало ими по непомерно высоким ценам. Часто кулаки совершали террористические акты против партийных и советских работников.

В 1921—1925 гг. Советское государство издало ряд общесоюзных уголовных законов, а в союзных республиках — республиканские уголовные законы.

Наиболее важными общесоюзными уголовными законами, которые включены в третью часть сборника, являются: «Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик»; «Положение о воинских преступлениях»; постановление ЦИК и СНК СССР «О шпионаже, а равно о собирании и передаче экономических сведений, не подлежащих оглашению». В РСФСР в 1922 году был утвержден Уголовный кодекс, послуживший образцом для уголовных кодексов других союзных республик. Уголовное законодательство своим острием было направлено на подавление сопротивления враждебных классов и их агентуры, а также на борьбу с преступлениями, совершаемыми отдельными трудящимися по своей неосознанности.

В четвертой части сборника помещено 95 уголовно-правовых актов СССР и РСФСР, изданных в период борьбы за социалистическую индустриализацию страны (1926—1929 гг.). Советский народ под ру-

ководством Коммунистической партии решал одну из труднейших задач социалистического строительства — задачу индустриализации страны. Продвижение вперед по пути к социализму наталкивалось на ожесточенное сопротивление классовых врагов как внутри страны, так и со стороны империалистической буржуазии. Советскими карательными органами был раскрыт ряд контрреволюционных организаций, пытавшихся дезорганизовать важнейшие отрасли народного хозяйства. Кулачество всеми средствами пыталось сорвать мероприятия Советской власти в области сельского хозяйства.

Советское уголовное законодательство рассматриваемого периода предусматривало борьбу с перечисленными тяжчайшими преступлениями. Наиболее важными общесоюзными уголовными законами из числа включенных в четвертую часть сборника являются акты: постановление СНК «Об утверждении перечня сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной»; «Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для СССР опасных преступлениях против порядка управления)»; «Положение о военных преступлениях»; постановление ЦИК и СНК СССР «Об уголовной ответственности за выпуск недоброкачественной продукции и за несоблюдение стандартов» и др. В сборнике помещен ныне действующий Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 года.

Пятая часть сборника содержит 105 уголовно-правовых актов СССР и РСФСР, изданных в период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства (1930—1934 гг.).

Ликвидация кулачества как класса на базе сплошной коллективизации происходила в условиях дальнейшего обострения классовой борьбы. По заданиям империалистических разведок, особенно с приходом фашистов к власти в некоторых странах, остатки капиталистических элементов внутри страны совершили ряд тяжчайших государственных преступлений (шпионаж, вредительство, диверсионные и террористические акты, хищения социалистической собственности и т. д.).

Советское уголовное законодательство 1930—1934 гг. своим острым было направлено главным образом на подавление сопротивления кулачества и разгром контрреволюционных организаций и групп (дело Промпартии, дело Союзного бюро меньшевиков, дело о вредительстве на электростанциях и т. д.).

Наиболее важными уголовно-правовыми актами, которые включены в пятую часть сборника, являются постановления ЦИК и СНК СССР: «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности»; «О борьбе со спекуляцией»; «Об ответственности за выпуск недоброкачественной продукции» и др. Исключительно большое значение для

укрепления социалистической законности в стране имело постановление ЦИК и СНК СССР от 25 июня 1932 г. «О революционной законности» (включено в сборник).

В шестую часть сборника включено 42 уголовно-правовых акта СССР и РСФСР, изданных в период борьбы за завершение строительства социалистического общества и проведение новой Конституции (1935—1937 гг.). Этот период характеризуется полной победой социализма во всех областях нашего хозяйства и ликвидацией капиталистических элементов в городе и деревне. Здесь острые репрессии направлялись на подавление вражеской агентуры, засылаемой в СССР капиталистическим окружением. Борьба с расхитителями социалистической собственности и охрана неприкосновенности граждан СССР и их прав в этот период приобрели громадное значение.

В 1935—1937 гг. Советским государством издается ряд важных актов, в числе их было постановление ЦИК и СНК СССР «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах».

Седьмая часть сборника содержит 27 уголовных законов СССР и РСФСР, изданных в период борьбы за завершение строительства социализма и постепенный переход к коммунизму в предвоенные годы (1938—1941 гг.).

К середине 1941 года советский народ под мудрым руководством Коммунистической партии достиг небывалых успехов в строительстве коммунистического общества. Социалистическая система стала безраздельно господствующей во всех областях народного хозяйства. Навсегда была уничтожена эксплуатация человека человеком. Общественная социалистическая собственность на орудия и средства производства утвердилась как незыблемая основа советского строя. К этому времени советским карательным органам удалось окончательно разгромить троцкистско-бухаринскую и зиновьевско-каменевскую банду и стереть с лица земли этих презренных выродков рода человеческого.

В 1938—1941 гг. Советским государством был издан ряд важных уголовно-правовых актов, которые содействовали осуществлению его основных функций, главным образом хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работы советских органов.

В седьмую часть сборника включены такие законодательные акты: Закон о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик; постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания»; указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ию-

ня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений»; указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями» и др.

В восьмую часть сборника включено 23 уголовных закона СССР и РСФСР, изданных в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941—1945 гг.).

Вероломное нападение фашистской Германии на СССР заставило Советское государство перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинить интересам фронта. Советское уголовное законодательство служило выполнению этой задачи, т. е. оно в основном предусматривало борьбу с преступлениями, посягающими на оборону страны.

Из наиболее важных уголовных законов, включенных в сборник, следует отметить: указы Президиума Верховного Совета «О военном положении»; «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения», «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну» и др.

Последняя, девятая часть сборника содержит 24 уголовно-правовых акта СССР и РСФСР, изданных в период борьбы за восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства, за строительство коммунизма в послевоенные годы (1945—1952 гг.).

После окончания Великой Отечественной войны Коммунистическая партия и Советское правительство поставили в качестве основной задачи — восстановить разрушенное войной народное хозяйство и организовать новый мощный подъем всего народного хозяйства. В этот период в деятельности советских государственных органов, как указывал Г. М. Маленков, выдвигаются на первый план хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная работа, укрепление социалистической законности, борьба против частнособственнических пережитков, борьба за дальнейшее укрепление социалистической собственности и повышение государственной дисциплины во всех областях нашей деятельности. Изданные в 1945—1952 гг. уголовные законы действовали и содействуют выполнению указанных задач. В девятой части сборника помещены следующие уголовно-правовые акты СССР: указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией»; постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах»; указы Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене смертной каз-

ни», «Об усилении охраны личной собственности граждан», «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну», «О применении смертной казни к изменникам родины, шпионам, подрывникам-диверсантам», «Закон о защите мира» и др.

*
* * *

Рецензируемый сборник содержит ряд недостатков. Прежде всего, непонятно, почему не помещены такие законодательные акты, имеющие важное значение в истории развития советского уголовного законодательства, как, например, декрет ВЦИК и СНК от 29 мая 1918 г. «О революционном трибунале при Всероссийском Центральном Комитете Советов»; постановление НКЮ от 24 августа «О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»; декрет СНК от 19 сентября 1918 г. «О запрещении вывоза за границу предметов искусства и старины»; постановление ЦИК СССР от 7 марта 1925 г. «Об амнистии»; постановление ГОКО от 19 октября 1941 г. «Об осадном положении в городе Москве и прилегающих к городу районах».

Напротив, можно было бы не включать в сборник такие законодательные акты, как, например, декрет СНК от 30 октября 1917 г. «О порядке утверждения и опубликования законов» (стр. 10); «Положение о чрезвычайных военных комиссарах железных дорог от 28 ноября 1918 г.» (стр. 40), поскольку они не содержат норм материального уголовного права.

Для того чтобы не загружать сборник законодательными материалами, не имеющими прямого отношения к советскому уголовному праву, следовало бы помещать их не полностью, а в извлечениях.

В сборнике имеются неточности технического порядка: декрет «О земле» помещен в извлечении, но об этом не указывается; постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» (стр. 383) дается без указания источника его опубликования; в ряде случаев не соблюдается хронология расположения законодательных актов, например, инструкция НКЮ от 19 декабря 1917 г. «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний» (стр. 19) помещена раньше, чем декрет СНК от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» (стр. 20); одни декреты даются по старому стилю, а другие — по новому, между тем было бы более правильным приводить законодательные акты дс

1 февраля 1918 г. по старому стилю, а после 1 февраля 1918 г.— по новому, причем об этом нужно было бы сделать соответствующую оговорку во введении.

Не было необходимости помещать в конце сборника хронологический перечень законодательных актов, поскольку полное наименование этих актов приводится в соответствующих частях сборника строго в хронологическом порядке. А вот обстоятель-

ный алфавитно-предметный указатель этих актов нужен, он в значительной мере облегчил бы пользование сборником.

Отмеченные недостатки несколько снижают достоинства сборника, но ни в какой мере не изменяют общего вывода о полезности издания такого сборника.

П. Мишунин

Кандидат юридических наук

НОВЫЕ КНИГИ ПО ВОПРОСАМ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА (март — май 1954 г.)

1. Златопольский Д. Л. Образование и развитие СССР как союзного государства.— М., Госюриздат, 1954, 221 стр.

В главе первой «Принципы советской социалистической федерации» излагаются взгляды классиков марксизма-ленинизма о федерации в историческом разрезе. Во второй главе «Образование СССР» показывается руководящая роль Коммунистической партии в образовании Союза ССР, а также выдающееся значение в образовании СССР великой русской нации. В третьей главе «Развитие СССР как союзного государства» показывается укрепление советской федерации, ее государственного единства.

2. Конституция СССР. Сборник статей под ред. А. И. Денисова.— М., Издательство Московского университета, 1954, 148 стр. (Московский Государственный орден Ленина Университет имени М. В. Ломоносова).

Галанза П. Н., Конституция СССР — конституция победившего социализма и социалистического демократизма.— Денисов А. И., Конституция СССР и ее международное значение.— Фабриков Э. М., Конституция СССР и международное право.— Куприц Н. Я., Конституция СССР — образец для конституции европейских стран народной демократии.— Шифман М. Л., Конституция СССР и социалистическая законность.— Василенков П. Т., Певцов М. Л., Изменения и дополнения текста Конституции СССР 1936 года.

3. Карпец И. И. Административные комиссии при исполкомах районных Советов депутатов трудящихся.— М., Госюриздат, 1954, 45 стр.

Задачи административных комиссий и круг их деятельности. Освещая практику работы административных комиссий, автор в основном использует материал работы административных комиссий при исполкомах районных Советов депутатов трудящихся Ленинграда.

4. Кравцов В. П. Верховный Совет СССР.— М., Госюриздат, 1954, 127 стр.

Система высших органов государственной власти в СССР. Верховный Совет СССР, его полномочия, состав, деятельность, взаимоотношения Верховного Совета СССР с высшими органами союзных и автономных республик. Выборы в Верховный Совет СССР.

5. Лепешкин А. И. Основные права и обязанности граждан СССР.— М., Госюриздат, 1954, 94 стр.

* *

6. Рамзайцев Д. Ф. Правовые вопросы внешней торговли СССР.— М., Внешторгиздат, 1954, 84 стр.

Главы работы: Краткий очерк развития советского законодательства о внешней торговле. Значение торговых договоров СССР для регулирования внешнеторговых отношений. Правовое положение торговых представительств СССР за границей. Правовое положение всесоюзных внешнеторговых объединений. Договорные обязательства по внешнеторговым операциям. Порядок разрешения споров по внешнеторговым сделкам.

* *

7. Карасс А. В. Право государственной социалистической собственности. Объекты и содержание. Ответ. ред. В. И. Серебровский.— М., Издательство Академии наук СССР, 1954, 277 стр. (Академия наук СССР, Институт права).

Главы работы: Вопросы государственной социалистической собственности в Конституции СССР. Объекты права государственной социалистической собственности. Распределение единого фонда государственной социалистической собственности между Союзом ССР, союзными республиками, автономными республиками и местными советами. Передача государственного имущества. Единство государственной собственности и правосубъектность государственных предприятий и хозорганов. Содержание права государственной социалистической собственности.

8. Новицкий И. Б. Сделки. Исковая давность. — М., Госюриздат, 1954, 245 стр. (Всесоюзный институт юридических наук. Министерство юстиции СССР. Курс советского гражданского права).

В книге детально освещаются указанные в заглавии два вопроса, относящиеся к курсу советского гражданского права.

9. Тарасов М. А. Договор перевозки по советскому праву. — М., Водтрансиздат, 1954, 177 стр.

В работе дается подробный анализ правоотношений, вытекающих из договора перевозки. Особенное внимание автор уделяет вопросам права и обязанности сторон и ответственности их за невыполнение договора. Большое место в книге занимает анализ судебной практики и работы государственных транспортных предприятий. На стр. 176—178 дается литература вопроса.

10. Юрченко А. К. Безвестное отсутствие по советскому гражданскому праву. — Л., Изд-во Ленинградского университета, 1954, 86 стр. (Ленинградский государственный ордена Ленина университет имени А. А. Жданова).

В работе излагается советское законодательство, регулирующее порядок признания граждан безвестно отсутствующими и умершими, а также практика судов и нотариальных контор по делам о безвестном отсутствии.

* *

11. Дембо Л. И. и Каландадзе А. М. Вопросы колхозного законодательства в постановлении сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1953 года. — Л., Изд-во Ленинградского университета, 1954, 58 стр. (Ленинградский государственный ордена Ленина университет имени А. А. Жданова).

Государственное руководство сельским хозяйством. Артель — единственно правильная форма колхозов на весь период социализма. Правовое положение работников тракторной бригады МТС. Вопросы оплаты труда колхозников в плане повышения их материальной заинтересованности. Обязательные поставки и сельскохозяйственные закупки.

* *

12. Пашерстник А. Е. Рассмотрение трудовых споров. 3-е изд., переработанное и дополненное. — М., Госюриздат, 1953, 126 стр.

Причины трудовых споров в СССР и порядок их рассмотрения. В главе первой рассматриваются трудовые конфликты при капитализме как одно из проявлений классовой борьбы между трудом и капиталом.

13. Краткий справочник по государственному социальному страхованию. — М., Профиздат, 1953, 149 стр.

Законодательный и инструктивный материал дается по 1953 год включительно.

* *

14. Шаргородский М. Ответственность за преступления против личности. — Л., Изд-во Ленинградского государственного ордена Ленина университета имени А. А. Жданова, 1953, 107 стр.

Освещается роль советского законодательства в охране права личности граждан социалистического государства, дается анализ советского уголовного законодательства и судебной практики об ответственности за преступления против личности.

* *

15. Лебединский В. Г. Организация работы советской прокуратуры. Рекомендовано Управлением учебными заведениями Министерства юстиции СССР в качестве учебного пособия для юридических школ. — М., Госюриздат, 1953, 186 стр.

Пособие знакомит с основными организационными формами и методами деятельности советской прокуратуры, с надзорными функциями прокуратуры, а также с вопросами кадров, организации ревизии, контроля исполнения и др.

16. Перлов И. Д. Организация работы советского суда. Рекомендовано Управлением учебными заведениями Министерства юстиции СССР в качестве учебного пособия для юридических школ. — М., Госюриздат, 1953, 254 стр.

В работе рассматриваются главным образом вопросы, являющиеся общими для всех судебных органов, не отражая в деталях особенностей организационной работы каждого звена судебной системы.

17. Сопоставительная таблица статей гражданских процессуальных кодексов союзных республик. Сост. Н. В. Свирская, В. В. Карганова. Под ред. Д. С. Карева. — М., Госюриздат, 1953, 246 стр. (Министерство юстиции СССР. Управление кодификации и систематизации законодательства СССР).

18. Сопоставительная таблица статей уголовно-процессуальных кодексов союзных республик. Сост. Ю. И. Мочек, Е. П. Нестерова. Под ред. Д. С. Карева. — М., Госюриздат, 1953, 239 стр. (Министерство юстиции СССР. Управление кодификации и систематизации законодательства СССР).

* *

19. Уголовно-процессуальный кодекс Германской Демократической Республики. Перевод с нем. М. М. Богуславского и Р. Нарышкиной. Под ред. и с предисл. С. А. Голунского. — М., Изд-во иностранной литературы, 1954, 127 стр.

* *

ИЗ ПРАКТИКИ ПРОКУРАТУРЫ СССР ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОННОСТИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Устав сельскохозяйственной артели не предусматривает имущественной ответственности председателя и членов правления колхоза за упущение и недостатки в их работе по руководству делами колхоза

Прокурор Городнянского района Черниговской области предъявил в суде иск о взыскании в пользу колхоза «Червонна зирка» 3450 руб. с Самойленко Л., Сердюка Ф., Мельника С. и др. В обоснование своих требований прокурор сослался на то, что Самойленко, будучи председателем колхоза «Червонна зирка», а остальные ответчики — членами правления колхоза, не приняли надлежащих мер по уходу и содержанию молодняка крупного рогатого скота, вследствие чего в колхозе пали четырнадцать голов молодняка, чем колхозу причинен материальный ущерб. Дело это разрешалось неоднократно, после чего было принято к производству Черниговского областного суда по первой инстанции. Решением областного суда от 27 августа 1953 г. постановлено взыскать в пользу колхоза «Червонна зирка» трехкратную стоимость погибшего скота с Самойленко Л., Мемих, Шкут и др. В иске к Сердюку, Мельнику и Самойленко С. отказано. Верховный суд Украинской ССР оставил в силе решение суда.

По протесту Генерального Прокурора СССР дело было рассмотрено в порядке надзора Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда СССР.

Судебная коллегия, соглашаясь с протестом, указала, что суд, удовлетворяя иск прокурора, сослался на то, что председатель колхоза Самойленко и члены правления колхоза Мемих, Шкут и другие не создали надлежащих условий для зимовки скота, что привело к падежу скота. В чем конкретно суд усмотрел вину каждого из ответчиков, в решении не указано. Разрешая дело, суд не учел, что Устав сельскохозяйственной артели не предусматривает имущественной ответственности председателя и членов правления колхоза за упущения и недостатки в их работе по руководству делами колхоза. В связи с этим имущественная ответственность за ущерб, причиненный колхозу, может быть возложена на председателя колхоза и членов правления колхоза лишь в том случае, если ущерб причинен этими лицами непосредственно, в частности, в случаях, когда приговором по уголовному делу установлено, что ущерб является следствием преступных действий данных лиц. Как усматривается из материалов настоящего дела, падеж десяти голов молодняка крупного рогатого скота явился следствием отсутствия в колхозе

должного количества кормов, а четыре головы молодняка пали от воспаления легких. Председатель колхоза и правление колхоза принимали меры к улучшению ухода и содержания скота, в частности, к постройке новых помещений, но не могли построить помещения к зиме из-за отсутствия лесоматериалов. При таких обстоятельствах возложение на председателя колхоза и членов правления колхоза материальной ответственности за падеж скота не основано на законе, поэтому судебное решение по делу подлежит отмене.

Судебная коллегия отменила все судебные решения и определения по этому делу и отказала в иске прокурору к Самойленко и другим.

В случае признания судом перевода работника на другую работу незаконным суд обязан взыскать в пользу работника заработную плату за время вынужденного прогула

Гр-ка Детюк В. предъявила в народном суде иск о восстановлении на работе в должности уборщицы общежития на Азотно-туковом заводе и о взыскании заработной платы за вынужденный прогул. В обоснование иска она сослалась на то, что 14 марта 1953 г. она была переведена на работу грузчиком. Так как по заключению ВТЭК Детюк не могла выполнять тяжелую работу, она отказалась приступить к этой работе и за это была уволена. Народный суд 4-го участка Днепродзержинска решением от 25 июля 1953 г. признал, что Детюк по состоянию своего здоровья приступить к работе не могла, и вынес решение о восстановлении ее на работе. В иске же о взыскании заработной платы за вынужденный прогул народный суд отказал, сославшись на п. 7 постановления Пленума Верховного суда от 11 января 1952 г. Днепропетровский областной суд оставил в силе решение народного суда.

По протесту Генерального Прокурора СССР дело было пересмотрено в порядке надзора Верховным судом Украинской ССР.

Верховный суд Украинской ССР, соглашаясь с протестом, указал, что Детюк не приступила к работе, куда ее перевели, по уважительной причине (по состоянию здоровья). Увольнение ее за отказ от такого перевода суд признал незаконным, а в таком случае согласно постановлению СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. истица имеет право на получение заработной платы за все время вынужденного прогула, но не более, чем за двадцать дней.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Украинской ССР отменила решение народного суда и определение областного суда в части отказа Детюк в иске о взыскании заработной платы за время вынужденного прогула и одновременно взыскала с Азотно-тукового завода в пользу Детюк заработную плату за двадцать дней вынужденного прогула.

Места общего пользования не подлежат заселению под жилье, и такого рода соглашения между наймодателями и нанимателями должны признаваться судом недействительными, а лица, занимающие эти помещения не в соответствии с их назначением, подлежат выселению

В Петрозаводске в кв. 7 д. 10 по Пролетарской ул. проживали две семьи, причем комнату размером 13 кв. м занимала семья Калининой, а вторую комнату размером 19 кв. м — семья Горшкова. Кухня находилась в пользовании указанных лиц. Решением исполнительного комитета районного совета депутатов трудящихся от 26 марта 1953 г. гр-ке Громовой было разрешено поселиться в кухне указанной выше квартиры, а затем это решение как неправильное было отменено исполнительным комитетом Петрозаводского городского совета. В июле 1953 года Калинина и Горшкова обратились в суд с иском о выселении Громовой из помещения кухни. Народный суд 4-го участка г. Петрозаводска отказал в иске. Верховный суд Карело-Финской ССР оставил в силе это решение суда.

По протесту Генерального Прокурора СССР дело было рассмотрено в порядке надзора в Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР.

Судебная коллегия, соглашаясь с протестом, указала, что в ст. 6 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1949 г. предусмотрено, что места общего пользования не подлежат заселению под жилье и такого рода соглашения между наймодателями и нанимателями должны признаваться судами недействительными, а лица, занимающие эти помещения не в соответствии с их назначением, подлежат выселению. Вопреки этому постановлению, народный суд и Верховный суд Карело-Финской ССР отказали в иске о выселении Громовой из кухни, лишив истцов возможности пользоваться этим помещением. Если к моменту рассмотрения судом дела районное жилищное управление не могло предоставить Громовой другую жилую площадь, о чем указано в решении народного суда и в определении Верховного суда Карело-Финской ССР, то суд имел возможность обусловить выселение ответчицы определенным сроком, а не отказывать истцам в их

законных требованиях о предоставлении в их пользование кухни.

Судебная коллегия отменила решение народного суда и определение Верховного суда Карело-Финской ССР, передав дело на новое рассмотрение.

Неправильное признание судом договора купли-продажи дома недействительным по исковому требованию ненадлежащего истца

Домовладение № 6 по Бутышеву пер. в Киеве принадлежало Пионтковской А. и Захар М. В 1931 году Захар выбыл из Киева, и принадлежащая ему половина дома была взята на учет Печерским районным жилищным управлением Киева. Вторая половина этого дома оставалась в пользовании Пионтковской А. 8 апреля 1949 г. Пионтковская К. по доверенности своей матери Пионтковской А. продала половину дома Котик Г., Котик С. и другим за 25 тыс. руб. 9 апреля 1949 г. Пионтковская А. умерла, а 12 октября 1949 г. умерла ее дочь Пионтковская К. После их смерти в феврале 1950 года Печерское районное жилищное управление предъявило в суде иск к Котик Г. и остальным покупателям половины дома о признании договора купли-продажи недействительным по тем основаниям, что в момент совершения договора и в момент выдачи Пионтковской К. доверенности на продажу дома Пионтковская А. была недееспособной как психически больной человек. По этим мотивам народный суд 4-го участка Печерского района Киева удовлетворил иск жилищного управления, признав договор купли-продажи половины дома недействительным. Киевский областной суд это решение суда оставил в силе. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Украинской ССР отклонила протест председателя Верховного суда Украинской ССР.

Считая состоявшееся решение и определение неправильными, Генеральный Прокурор СССР опротестовал их в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР.

Судебная коллегия согласилась с протестом и указала, что судебные органы, разрешая дело, не учли, что спорная половина дома была продана по доверенности Пионтковской А. ее дочерью Пионтковской К., которая после смерти своей матери являлась единственным наследником ее имущества. При таких обстоятельствах только она, а не районное жилищное управление, вправе была распоряжаться спорной половиной дома после смерти Пионтковской А. Никаких претензий к покупателям дома Пионтковская К. вплоть до своей смерти не предъявляла. С учетом этого у суда не было оснований к признанию недействительным договора купли-продажи половины дома. Тем более не было оснований к такому решению после того, как продавцы

дома умерли. Признав иски требования жилищного управления неосновательными, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отменила все судебные решения и определения по указанному делу и отказала в иске Печерскому районному жилищному управлению к Котик Г., Котик С. и другим о признании договора купли-продажи половины дома недействительным.

Возложение материальной ответственности за гибель скота может иметь место лишь при наличии вины в действиях ответчика

Правление колхоза имени Сталина предъявило в суде иск к Тимошенко о взыскании 1080 руб. в возмещение стоимости телки и бычка, павших в 1951 году. По утверждению истца, телка и бычок пали по вине ответчицы, которая не обеспечила надлежащего ухода за скотом. По этим основаниям народный суд Гельмязовского района удовлетворил иск колхоза. Верховный суд Украинской ССР отклонил протест Прокурора Украинской ССР.

Генеральный Прокурор СССР, считая решение народного суда и определение Верховного суда Украинской ССР неправильными, опротестовал их в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР.

Судебная коллегия согласилась с мотивами протеста и указала, что суд в обоснование своего решения сослался на то, что телка и бычок, принадлежавшие колхозу, пали по вине ответчицы, которая не обеспечила должного ухода за закрепленным за ней скотом. Между тем эти утверждения суда противоречат материалам дела, ибо из имеющихся в деле актов видно, что телка пала вследствие заболевания воспалением легких, а бычок пал от интоксикации вследствие поедания земли. Хотя в обоих актах указано, что падеж произошел по вине доярки Тимошенко, однако из содержания актов видно, что этот вывод комиссии, составившей акты, а также и вывод суда, некритически согласившегося с утверждением комиссии, являются неосновательными, так как вины ответчицы в падеже телки и бычка не усматривается. Согласно ст. 403 ГК Украинской ССР ответчица могла бы нести ответственность за причиненные колхозу убытки лишь в том случае, если бы эти убытки явились следствием ее виновных и неправомерных действий. В данном случае вина ответчицы в причинении колхозу ущерба не установлена. Поскольку обстоятельства дела выяснены с достаточной полнотой и в дополнительном исследовании не нуждаются, Судебная коллегия отменила решение народного суда и определение Верховного суда Украинской ССР и отказала в иске колхозу имени Сталина к Тимошенко А. о взыскании 1080 руб. в возмещение ущерба.

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Мошеннические действия, причинившие ущерб государственному или общественному учреждению, но не соединенные с присвоением государственного или общественного имущества, не могут быть квалифицированы по указу от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества»

По приговору Брестского областного суда от 28 октября 1950 г. Геско, Карпук, Скулимовский, Ярмолевич и др., всего семь человек, осуждены по ст. 2 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» к различным срокам заключения в исправительно-трудовом лагере. Суд признал перечисленных выше лиц виновными в совершении следующих преступлений: на протяжении 1949—1950 гг. Геско, Карпук и Скулимовский неоднократно сдавали на склад конторы «Заготзерно» по нескольку (от 2 до 7) килограммов зерна, а в полученных квитанциях учиняли подлоги в сторону увеличения количества сданного зерна и затем продавали эти квитанции по цене из расчета одного кг обозначенного в них зерна. Так Геско продал Скулимовской подделанную на ее имя квитанцию о сдаче ею 312 кг зерна, Ярмолвичу и Волчок — на 377 кг, Янчарскому — на 214 кг; Карпук продал в 1944 году Скулимовскому квитанцию на 817 кг и в 1950 году — на 374 кг и т. п. Янчарский, Скулимовский и другие, получив эти фиктивные квитанции, отчитались ими перед заготовительными организациями.

Генеральный Прокурор СССР опротестовал приговор по делу Геско и др. по следующим основаниям. Виновность Геско, Карпука, Скулимовского и др. в совершении указанного выше преступления установлена, однако их действия квалифицированы неправильно, так как они хищения государственного имущества не совершили и никто их в этом не изобличал. Умысел этих лиц, использовавших поддельные квитанции на сдачу зерна, был направлен не на хищение, а на уклонение от выполнения поставок зерна государству по врученным обязательствам. Действия же, причинившие ущерб государственному или общественному учреждению, но не соединенные с хищениями государственного или общественного имущества, в том числе и предъявление фиктивных квитанций с целью освобождения от налогов, не могут квалифицироваться по указу от 4 июня 1947 г.

На этом основании Генеральный Прокурор СССР в протесте поставил вопрос об изменении квалификации действий всех осужденных.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР протест Генерального Прокурора СССР удовлетворила.

Неправильная квалификация мошенничества, преследовавшего цель присвоения личного имущества граждан, как хищение социалистической собственности

По приговору Ленинградского городского суда от 18 октября 1953 г. Исаков в числе других осужден по ст. 4 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» к восьми годам заключения в исправительно-трудовом лагере с конфискацией имущества. Суд признал Исакова виновным в том, что, работая бригадиром механической бригады Строительно-монтажного управления треста «Курортсанстрой», он 31 декабря 1951 г., выплачивая заработную плату рабочим своей бригады, удержал с десяти человек по 200 руб. якобы для передачи их начальнику на расходы по устройству встречи Нового года. Фактически же из удержанных денег он 1500 руб. присвоил, а 500 руб. сдал в кассу строительно-монтажного управления для уплаты рабочему-монтажнику Малявину, который участвовал в выполнении работы, но почему-то не был включен в наряды. Кроме того, суд признал Исакова виновным в том, что в декабре 1951 года он по преступному сговору с начальником мастерской Солдатенковым (осужденным по этому же делу) подписал составленные Солдатенковым наряды на изготовление и монтаж металлической решетки с завышением объема работ на 22 014 руб.

Генеральный Прокурор СССР опротестовал приговор по делу Исакова по следующим мотивам. Как установлено материалами дела, Исаков получил для рабочих своей бригады заработную плату в размере, соответствовавшем объему выполненной работы. При выплате заработной платы Исаков удержал с десяти рабочих с их согласия по 200 руб. на указанные выше цели. Этими действиями Исакова имущественный ущерб государству не причинен. Действия Исакова, выразившиеся в получении денег, принадлежавших рабочим, являются мошенничеством и должны быть квалифицированы по ст. 169, ч. 1, УК. Обвинение же Исакова в подписании нарядов, в которых указывался завышенный объем работы, является необоснованным. Из дела усматривается, что ответственным за правильность выписанных нарядов являлись начальник конторы Солдатенков, производитель работ Качанов и нормировщик Польщиков. Исаков же к заполнению нарядов отношения не имел. Более того, материалами дела не установлен преступный сговор между лицами, заполнявшими и оформлявшими наряды.

На этом основании Генеральный Прокурор СССР в протесте поставил вопрос об исключении из приговора обвинения Исакова в неправильном оформлении нарядов с завышением объема работ и о переква-

лификации действий Исакова, выразившихся в присвоении денег, полученных от рабочих путем обмана, со ст. 4 указа от 4 июня 1947 г. на ст. 169, ч. 1, УК РСФСР.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР удовлетворила протест Генерального Прокурора СССР по делу Исакова.

Кража личных вещей граждан, совершенная из государственной организации, не принявшей их на свое ответственное хранение, не может быть квалифицирована по указу от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества»

По определению подготовительного заседания народного суда 1-го участка Молотовского района г. Риги от 7 декабря 1953 г. возвращено на доследование дело по обвинению Швагерис по ст. 1, ч. 1, указа от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» для переквалификации преступления Швагерис по ст. 1 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Верховный суд Латвийской ССР, отклонив протест прокурора республики, оставил определение в силе.

Генеральный Прокурор СССР опротестовал эти определения по следующим основаниям. Швагерис обвиняется в том, что она 11 августа 1953 г., находясь на работе в цехе завода «ВЭФ», украла из гардеробного шкафчика работницы того же цеха Лопаткиной принадлежавшее ей шерстяное платье. Органами следствия действия Швагерис были квалифицированы по ст. 1, ч. 1, указа от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан», а народный суд, рассмотрев дело в подготовительном заседании, признал, что в действиях Швагерис усматриваются признаки преступления, предусмотренного ст. 1 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», и поэтому дело направил на доследование. Между тем из дела видно, что Швагерис похитила платье, принадлежавшее гр-ке Лопаткиной, а не государству. В деле нет также данных о том, что платье Лопаткиной находилось в ведении (на хранении) предприятия, где она работала. Из материалов дополнительной проверки, произведенной органами прокуратуры Латвийской ССР, усматривается, что администрация завода «ВЭФ» не принимает на хранение одежду рабочих. При таких обстоятельствах дела действия Швагерис органами следствия правильно квалифицированы по ст. 1, ч. 1, указа от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан».

Верховный суд СССР согласился с доводами протеста, отменил определения и передал дело на новое рассмотрение в тот же суд со стадии предания суду.

Подделка документов с целью сокрытия недостачи имущества при отсутствии доказательств хищения этого имущества не может быть квалифицирована по указу от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества»

По приговору Павлодарского областного суда от 17 ноября 1952 г. Кусайнов в числе других осужден по ст. 4 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» к заключению в исправительно-трудовом лагере на восемь лет и по ст. 111 УК РСФСР к лишению свободы на три года, а по совокупности преступлений к заключению в исправительно-трудовом лагере на восемь лет. Определением Верховного суда Казахской ССР от 18 декабря 1952 г. приговор оставлен в силе. Кусайнов признан виновным в том, что он, работая в 1951 году заведующим молочно-товарной фермой колхоза «Кзыл-Ту», присвоил четырех телок путем исправления актов о падеже скота, после же произведенной ревизии он сдал в колхоз в возмещение этой недостачи лично принадлежащий ему скот. Кроме того, Кусайнов относился халатно к обязанностям, не оприходовал своевременно приплод скота.

Генеральный Прокурор СССР опротестовал приговор и определение по следующим основаниям. Суд, признав виновным Кусайнова в присвоении четырех телок, сослался на то, что Кусайнов производил исправления в некоторых документах о падеже скота. Данных, которые свидетельствовали бы о том, что недостача телят образовалась в результате хищения, в деле нет. Из показаний осужденного Кусайнова и свидетелей видно, что в 1950 году колхозом «Кзыл-Ту» за счет мясопоставок колхозников был сдан в «Заготскот» колхозный скот и колхозники обязались сдать колхозу своих телят. Однако к моменту ревизии они не сдали телят в колхоз. С целью сокрытия этой недостачи Кусайнов накануне ревизии внес некоторые исправления в акте на падеж скота. При таких обстоятельствах дела преступление Кусайнова, выразившееся в подделке документов, должно быть квалифицировано по ст. 120, ч. 1, УК, а не по указу от 4 июня 1947 г.

Обсудив доводы протеста, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила: изменить приговор, переквалифицировать преступление Кусайнова на ст. 120, ч. 1, УК РСФСР и определить ему наказание — три года лишения свободы, конфискацию имущества из приговора исключить, на основании указа «Об амнистии» Кусайнова от наказания освободить.

Обвинение в хищении не может быть основано на одном лишь факте недостачи материальных ценностей

По приговору Семипалатинского областного суда от 16 декабря 1950 г. Корниенко осужден по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» к заключению в исправительно-трудовой лагерь на 25 лет с конфискацией имущества и поражением в избирательных правах на пять лет и по ст. 118 УК — к пяти годам лишения свободы, а по совокупности преступлений — к заключению в исправительно-трудовой лагерь на 25 лет. Определением Верховного суда Казахской ССР от 24 января 1951 г. приговор областного суда оставлен в силе.

Генеральный Прокурор СССР опротестовал этот приговор по следующим основаниям. Корниенко признан виновным в том, что он, работая заведующим складом Жанасемейского мелькомбината, на протяжении 1947—1948 гг. совместно с осужденными по другому делу Засик и др. занимался расхищением готовой продукции и лузги мелькомбината. За указанный период преступниками было похищено 337 787 кг готовой продукции и 208 230 кг мягкой лузги на общую сумму 1 707 625 рублей. При сдаче Корниенко склада вновь назначенному заведующему складом Вагенлейтнеру руководство комбината в лице Засика, Козлова, главного инженера Яшкина, главного бухгалтера Оргиевского умышленно создало излишки готовой продукции по складу Вагенлейтнера в количестве 267 468 кг и путем соединения амбарно-складского учета двух материально-ответственных лиц перекрыло недостачу готовой продукции по складу Корниенко, а неперекрытые 70 319 кг списало за счет влажности. Боясь ответственности за совершенное преступление, Корниенко скрылся от органов следствия. Кроме того, Корниенко в целях получения паспорта через гр-на Холодничкова обещал дать взятку в сумме 1000 руб. начальнику паспортного стола. Из материалов дела усматривается, что у заведующего складом Корниенко была установлена большая недостача готовой продукции и мелкой лузги. Органы предварительного следствия и суд, как это видно из дела, не установили причины образования у Корниенко недостачи материальных ценностей. Не установлено, явилась ли эта недостача следствием присвоения или расхищения ценностей со стороны Корниенко или она образовалась в результате каких-нибудь других причин. Поэтому дело Корниенко должно быть объединено с делом Засик и др., приговор в отношении которых отменен Верховным судом СССР с возвращением дела на доследование.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР согласилась с доводами протеста, отменила приговор Семипалатинского областного суда от 16 декаб-

ря 1950 г. и определение Верховного суда Казахской ССР от 24 января 1951 г. в части осуждения Корниенко по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и передала дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Шофер, нарушивший правила управления автомашиной, не находясь при исполнении своих служебных обязанностей, не должен нести ответственность по ст. 59³«в» УК РСФСР (и соответствующих статей УК других союзных республик)

По приговору народного суда Плавского района Тульской области от 6 октября 1953 г. Мартыненко, работавший шофером предприятия, осужден по ст. 139 УК РСФСР. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР по протесту в порядке надзора отменила приговор и обратила дело к новому рассмотрению со стадии предварительного следствия для предъявления Мартыненко обвинения по ст. 59³«в», ч. 1, УК РСФСР. Определение Верховного суда РСФСР по делу Мартыненко опротестовано Генеральным Прокурором СССР по следующим мотивам. Мартыненко осужден за то, что 30 августа 1953 г.,

проезжая на собственной легковой автомашине по автомагистрали Москва—Орел, он не соблюдал необходимых мер предосторожности и наехал на гр-на Шепелева, который от полученного повреждения умер. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР усмотрела в действиях Мартыненко признаки преступления, предусмотренного ст. 59³«в», ч. 1, УК РСФСР только потому, что он по специальности шофер и работает в качестве водителя автомашины. Между тем по делу установлено, что в момент, когда произошел несчастный случай с гр-ном Шепелевым, Мартыненко не находился при исполнении служебных обязанностей и вел собственную автомашину. Поэтому допущенное им нарушение не может рассматриваться как нарушение трудовой дисциплины на транспорте и, следовательно, не должно быть квалифицировано по ст. 59³«в» УК.

На этом основании Генеральный Прокурор СССР в протесте поставил вопрос об отмене определения Верховного суда РСФСР от 15 марта 1954 г. и об оставлении в силе приговора, которым Мартыненко осужден по ст. 139 УК РСФСР.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР протест удовлетворила.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА

В конце 1953 г. Государственным издательством юридической литературы выпущен в свет Юридический словарь. В нем даны основные понятия марксистско-ленинской науки о государстве и праве, кратко изложено содержание всех отраслей советского социалистического права и их важнейших институтов. Ряд статей посвящен вопросам государства и права стран народной демократии. В разделе международного права помещены важнейшие международно-правовые акты, показана последовательная борьба Советского Союза за мир и международное сотрудничество.

Словарь в целом получил положительную оценку советской общественности. Вместе с тем в рецензиях и письмах читателей отмечаются существенные недостатки, пробы и неточности в отдельных статьях.

Издательство приступает к подготовке второго издания Юридического словаря, в котором будут учтены критические замечания и пожелания читателей.

Считая необходимым организовать более широкое обсуждение Словаря, Государ-

ственное издательство юридической литературы обращается ко всем читателям журнала с просьбой высказать свои замечания и пожелания, направленные на повышение идейного и научного уровня и практической значимости нового издания Словаря.

Кроме того, издательство просит читателей журнала высказать свои соображения о качестве выпускаемой научно-популярной и массовой юридической литературы, о приближении тематики этой литературы к запросам практических работников.

Отзывы и пожелания шлите по адресу: Москва, Ж—4, Товарищеский пер., д. 19, Государственное издательство юридической литературы.

От редакции

Редакция журнала «Социалистическая законность», придавая большое значение выпуску второго издания Юридического словаря, призывает читателей принять активное участие в обсуждении недостатков Юридического словаря.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Передовая — Боевая программа действий	1
✓ И. Сапожников — Субъективная сторона преступлений против социалистической собственности	5
Н. Бутин, Н. Лейкина — Борьба с преступлениями в области торговли	13
✓ М. Ковалев — Ответственность за приготовительные к преступлению действия	20
Я. Киселев — Особенности правового регулирования труда и рассмотрения трудовых споров членов промысловых артелей	24
Н. Чечина — Судебные решения по искам об исключении имущества из описи	32
Э. Арлазорова, А. Пергамент — Взыскание алиментов на детей, помещенных в дома ребенка	37
Ю. Кубицкий — Неудачные определения и положения, принятые в криминалистике	40
В. Савицкий — Оперативность в расследовании — залог его высокого качества	44
Г. Петров — За дальнейшее развитие научной работы юридических высших учебных заведений	50

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

А. Кукаров — Разработка проекта УПК СССР	54
Т. Арузманиян — " " " "	55
А. Крюков — " " " "	56
З. Садыков — " " " "	57
В. Зинченко — " " " "	58
П. Саушкин — " " " "	59
Я. Соколовский — " " " "	60
Ю. Голофеевский — " " " "	61
Симутенков, Безручко — " " " "	61
Г. Лившиц — " " " "	61
В. Боговский — " " " "	62
С. Гаранов — " " " "	62
М. Макаров, М. Щербаков — Улучшить работу с народными заседателями	63
П. Муромцев — В приемной одного прокурора	65
А. Логойда — Порочный стиль проведения ревизий	66
Липатников — Больше внимания прокурору района	67
Д. Красилич — Судебная практика по жилищным делам	68
В. Гольдинер — Об ораторском мастерстве	70

ОБМЕН ОПЫТОМ

Б. Семенов — Народный судья и его избиратели	73
Л. Павлинская, Н. Метелева — Тридцать лет в суде	76

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

	77
--	----

ПО СЛЕДАМ ЗАМЕТОК И ПИСЕМ

	80
--	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

П. Мишунин — Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917—1952 гг.	83
Новые книги по вопросам государства и права	87

ИЗ ПРАКТИКИ ПРОКУРАТУРЫ СССР ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОННОСТИ

	89
Вниманию читателей журнала	95

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор С. А. Бордонов,
С. В. Бакшеев, А. Ф. Волчков, С. И. Зайцев,
С. П. Митричев, В. С. Тадевосян

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Пушкинская, 15а. Тел. К 6 93-06.

Издатель: ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, Ж — 4, Товарищеский пер., 19.

Технический редактор Е. Н. Косарева

А-05113 Сдано в набор 5/VII 1954 г. Подписано к печати 14/VIII 1954 г. Формат бумаги 70×108^{1/16}.
Объем: физ. печ. л. 6; Условн. печ. л. 8,22; уч.-изд. л. 9,72. Тираж 38 600 экз. Зак. 981. Цена 3 руб.

13-я журнальная типография Союзполиграфпрома Главиздата
Министерства культуры СССР, Москва, Гарднеровский пер., д. 1а.